

«Кратер Циолковский»: Омское книжное издательство, Омск, 1962

Шпаков Юрий Петрович
КРАТЕР ЦИОЛКОВСКИЙ

* * *

Редактор **М. К. Иоффе**
Художник **Ю. Г. Макаров**
Художественный редактор **Н. В. Бисеров**
Технический редактор **П. Г. Деев**
Корректор **С. А. Зубкова**

Сдано в набор 17/VIII 1962 г. Подписано к
печати 22/X 1962 г. ЦД09544 Тираж
115 000 экз. (1-й завод с 1 — 30 000)
Формат 84½108 ¹/₃₂ — 21¹/₁₆ б.л. — 8,82 п.л.
(9,2 уч.- изд. л.) Цена 30 коп.

Омское книжное издательство.
Омск, ул. Театральная, 14

Типография издательства «Омская правда»
Омск, ул. Декабристов, 37. Заказ № 7486.

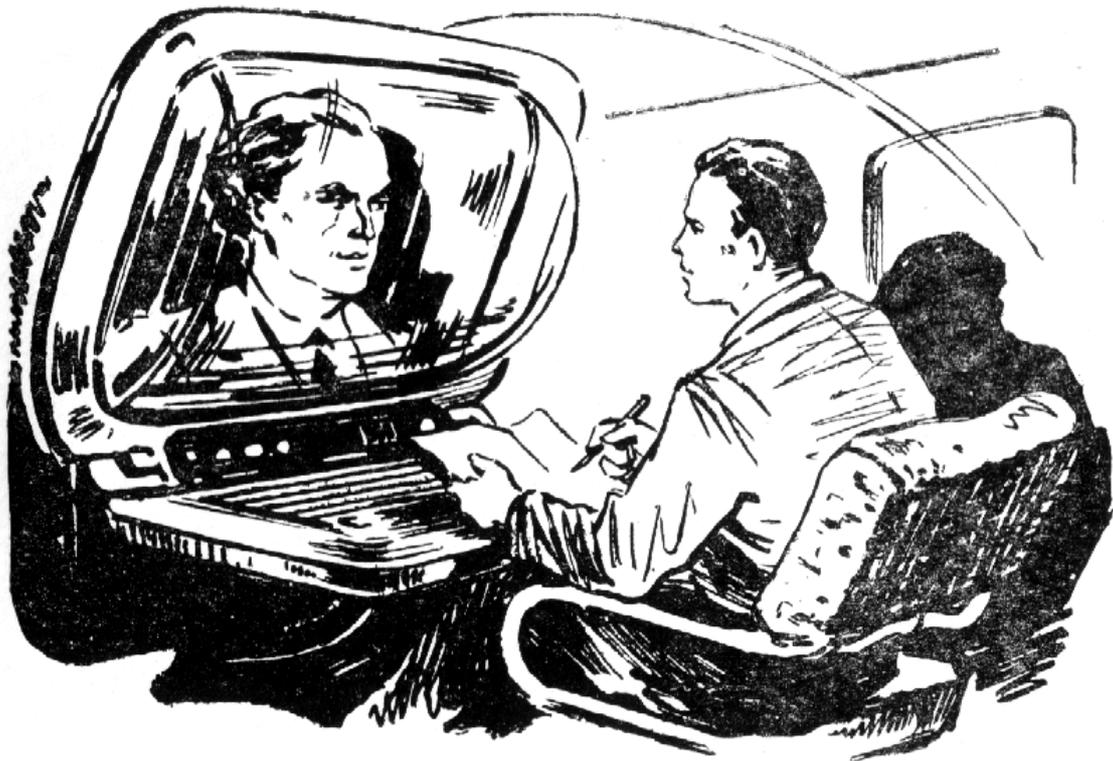
ЮРИЙ ШПАКОВ

КРАТЕР ЦИОЛКОВСКИЙ

Научно-фантастическая повесть

ОМСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО * 1962

Луна задает загадку

Володя Никитин вернулся из командировки ночью и поэтому появился в редакции только после обеда. Сдав написанную статью в секретариат, он вышел в коридор и сразу же столкнулся с заведующим отделом науки и техники Тепляковым. Это был маленький, необыкновенно подвижный человек.

— Привет, Никитин! — обрадованно воскликнул Тепляков. — С приездом. Что, уже сдал материал? Чудесно! И уже освободился?

— Не совсем, — осторожно ответил Володя. У него не было спешных дел, но он опасался подвоха.

— Слушай, старик, выручай. На тебя вся надежда. Зайдем-ка ко мне.

Они вошли в узкий кабинет Теплякова, заваленный чертежами, диаграммами и непонятными моделями. В углу поблескивал массивный шкаф из металла и пластмассы, электронный «редактор». Смотреть на эту новинку в первое время сбегались все сотрудники. Впрочем, Тепляков не очень доверял машине в литературных делах и рукописи предпочитал править сам. Робот ему был нужен только как иллюстрация неограниченных возможностей науки.

— Садись, — любезно указал Тепляков на кресло.

— Спасибо, я уже насиделся.

— Садись, садись, когда старшие говорят!

Володя уловил в шутливом тоне нотки раздражения и вспомнил, что маленький Тепляков не любит, когда перед ним маячит какая-нибудь рослая фигура.

— Понимаешь, какая штука, — начал заведующий, по привычке ловко подбрасывая какую-то пластмассовую деталь. — Дело вот в чем. Я знаю, ты космосом интересуешься...

Володя, как и многие журналисты, давно мечтал о возможности отправиться специальным корреспондентом в космический рейс. Но он, конечно, понимал, что это почти несбыточно. И все же при последних словах Теплякова сердце усиленно забилося. Неужели?

— Понимаешь, наши все сейчас в разгоне, а мне надо бежать по делу. Редактор посылает, никак нельзя отказаться. А тут, как нарочно, на два часа назначена встреча с Дроздовым из Комитета по освоению космоса. Надо побеседовать с ним и получить материал. Он сам говорил, что у него любопытные факты. Выручишь, а? Неудобно же подводить профессора!

«Дурак, — невесело подумал о себе Володя. — Так тебя и позвали в полет. Держи карман. А этот друг хочет, небось, подсунуть мне нудную статейку о влиянии космической радиации на прошлогодний снег...»

— Я же не успею подготовиться к беседе, — хмуро ответил он.

— Голубчик, тут не надо никаких специальных знаний. Он все сам расскажет. Я мог бы поручить это даже стенографистке («спасибо за честь!») — еще более мрачно подумал

Володя), но, понимаешь, неудобно все-таки. К тому же ехать никуда не придется. Поговорите прямо по видеofону. Одно удовольствие, правда?

Володя вздохнул. Ему не очень хотелось готовить этот материал, но подводить Теплякова тоже не стоило. Парень он хороший, хотя многие с ним и не ладят.

— Сделаю, — сказал он. — А потом — прямо в текущий?

— Можно сдать и завтра. На подробности не скупись. Поговоришь с профессором, он тебе подскажет, к кому обратиться.

— Ты все-таки скажи, о чем пойдет речь.

— Понимаешь, готовится новая лунная экспедиция...

— И что же? — заинтересовался Володя.

Тепляков понимающе улыбнулся.

— Должен тебя разочаровать. Журналистов они брать не будут. Но разве не интересно поговорить с теми, кто полетит? Представляешь, можно написать о том, что чувствуют сейчас космонавты, чем они занимаются... Лирики подбавь. У тебя это получается.

— А говорил, что нужно только поговорить с Дроздовым.

— Ты же сам не захочешь ограничиться одной беседой. Соберешь материал помаленьку и сможешь такую серию репортажей дать! Да ты что хмуришься, чудак? Ему, можно сказать, повезло, а он недоволен. Учти, я сам хотел этим заняться, да вот видишь, не получилось...

— Сколько завтра сдавать строк? — осведомился Володя без всякого энтузиазма.

— На твое усмотрение. Не меньше двухсот, — весело сказал Тепляков, подбрасывая свою деталь к самому потолку. — Я всегда говорил, что ты настоящий журналист!

Неуклюжая похвала не обрадовала Володю. Он молча пошел из кабинета, на ходу доставая блокнот.

Опытные журналисты пользовались видеofоном для бесед не часто. К его услугам прибегали лишь в том случае, когда требовалось срочно получить интервью от очень занятого человека. «Настоящий материал по видеofону не получите, — частенько говорил редактор. — Помните старую истину: журналиста ноги кормят».

И хотя многие молодые работники находили, что беседовать с людьми, не выходя из редакции, — дело очень приятное, им частенько приходилось отпраиваться на места. Что поделаешь сидя в кресле, настоящую жизнь не увидишь...

Ровно в два часа Володя набрал номер, который дал ему Тепляков. Экран осветился. Голубой туман рассеялся, и перед Володей появилось лицо Дроздова.

Он ожидал увидеть почтенного седобородого старца. Но профессор оказался молодым плечистым человеком с живописной копной русых волос. Лицо его показалось Володе очень знакомым. В конце беседы он вспомнил, что Дроздов — участник знаменитой третьей лунной экспедиции и в свое время его портреты обошли страницы всех газет.

Профессор приветливо поздоровался с Володей.

— Должен перед вами извиниться, — начал он. — Мое время сейчас очень ограничено. Поэтому начну без предисловий. Если что будет неясно — задавайте вопросы.

Володя пододвинул блокнот, приготовился стенографировать.

— Недавно была опубликована моя статья «Луна раскрывает секреты», — продолжал профессор. — Там, если вы помните, говорилось о результатах последней экспедиции Туманова, которая исследовала южную часть хребта Советский на невидимой стороне Луны. А на днях, после завершения окончательной обработки полученных данных, удалось обнаружить любопытную вещь. Оказывается, автоматическая аппаратура зарегистрировала радиосигналы непонятного происхождения.

Туманов, как вы, очевидно, знаете, проводил попутно и черновую аэрофотосъемку, делал заготовки для подробной селенографической карты. Лунолеты пролетели над многими участками. Их комплексная аппаратура и обнаружила загадочные сигналы. Как это ни странно, распространяются они из района кратера Циолковский, хотя совершенно точно известно, что там нет и быть не может никакого источника радиоизлучения. Явление, как видите, совершенно необъяснимое.

— Простите, — сказал Володя, — а почему это выяснилось только на Земле? Разве нельзя было все проверить на месте?

— Сигналы оказались чрезвычайно слабыми. Только сверхчувствительные приемники смогли их уловить. Участники экспедиции до возвращения на Землю даже не подозревали, что у них есть такие данные. Поэтому сначала никто об этом я не знал.

— Расскажите, пожалуйста, подробнее о характере этих сигналов.

— Они расположены в метровом диапазоне, неоднородны по частоте. У меня под рукой сейчас нет цифровых данных, но это несущественно. Выявлено всего десять точечных источников, разбросанных на площади примерно в один гектар. К сожалению, координаты этого места установлены весьма приблизительно. Знаете, создается впечатление, будто там работает какая-то экспедиция. Но это, повторяю, исключено, потому что в том районе не было еще ни одной живой души.

— Как же ученые объясняют происхождение сигналов?

— Конечно, несколько гипотез уже выдвинуто. Предполагают, например, что это — отраженные радиосигналы из космического пространства. Считают также, что горные породы в кратере Циолковский обладают способностью отражать и возвращать в искаженном виде передачи пеленгаторных установок самих лунолетов. Пожалуй, это наиболее убедительное объяснение, хотя трудно поверить в такую возможность. Наконец, кто-то высказал совсем уже фантастическую мысль о (неизвестных еще лунных живых организмах, способных излучать радиосигналы. Но об этом) можете даже не писать — все равно никто не поверит. А явление вообще очень любопытное...

Дроздов задумчиво потер лоб.

— Что же мы делаем для решения этой загадки? — продолжал он. — Во-первых, сейчас продолжается изучение сигналов на логических машинах. Наша станция в Лунограде пытается — пока безуспешно — обнаружить такие же сигналы на видимой стороне Луны. И, наконец, сейчас идет подготовка к новой лунной экспедиции, которая направляется как раз в район кратера Циолковский, чтобы решить все на месте. Это будет первым полетом космического корабля, который тоже носит имя Циолковского.

О новом планетолете, который был спроектирован для дальних космических рейсов, Володя слышал немало. «Циолковский» имеет термоядерный двигатель, и экипаж корабля будет избавлен от скуки и тягот инерционных полетов в условиях невесомости. Дви-

гатель позволяет летать в пределах солнечной системы с нормальным ускорением, и долгие сроки межпланетных перелетов, бич первых космонавтов, сжимаются, превращаются в совсем небольшие. Да, такое путешествие было бы очень приятным!

— «Циолковский», — продолжал Дроздов, — находится сейчас на межпланетной станции «Дружба». Монтаж его в основном закончен, идет внутренняя отделка. Потом пройдут первые испытания, и экспедиция может отправляться в путь.

— Не могли бы вы сказать об этой экспедиции побольше?

Профессор помолчал.

— Видите ли, в двух словах все и не скажешь. Поэтому рекомендую за подробностями обратиться к товарищу Бондаренко. Он расскажет и покажет, что можно. Свяжитесь с ним и договоритесь о встрече. Кроме того, многое вам может рассказать и начальник экспедиции Андрей Федорович Соколов, один из наиболее опытных наших космонавтов. С ним интересно будет побеседовать, хотя — мне так кажется — вашего брата он недолюбливает...

Дроздов заметил легкую гримасу на лице Володи, добродушно рассмеялся:

— Видно, ему корреспонденты надоели еще в то время, когда он вернулся из своего первого полета на Луну...

— У меня еще один вопрос, — сказал Володя. — Проверка происхождения сигналов — единственная цель новой экспедиции?

— Нет, конечно! Как обычно, Соколову будет поставлен комплекс задач. Более же подробно об этом станет известно не раньше, чем через месяц. А сама экспедиция состоится осенью. Точные сроки я пока не назову, но думаю, что надо ориентироваться на это время. Вот пока все, что могу сообщить. Прошу прощения, на этом нам придется закончить беседу. С удовольствием бы поговорил еще, но через минуту у меня переговоры с Луноградом. Благодарю за внимание. До свидания.

— Профессор, еще маленький вопросик, — жалобно сказал Володя, чувствуя, что краснеет. Но удержаться он не мог. Скажите, пожалуйста, а журналист не будет приглашен в эту экспедицию?

Дроздов засмеялся — весело, открыто.

— Беда с вашим братом! Все норовят в космонавты! Вы же знаете, конечно, что каждый день Комитет получает не меньше тысячи писем добровольцев. Но дело в том, — лицо его стало серьезным, — что состав экспедиции в основном утвержден. А когда-нибудь на «Циолковском» полетит и журналист. Конечно, такой, который будет отвечать всем нашим требованиям. Что ж, желаю вам успеха, молодой человек!

Экран давно погас, а Володя все сидел на месте. На душе было скверно. «Так тебе и надо, — думал он. — Опозорился, показал себя последним мальчишкой. На Луну захотелось... Как же, торопись!»

И сразу почему-то возникла неприязнь к Дроздову. Еще посмеивается, словно перед ним пионер, решивший «зайцем» пробраться в ракету. И почему это ученые не ценят журналистов? Взять хоть ту статью Дроздова — живого места от нее не осталось, так была выправлена. Вернее, переписана заново. А у него никакой благодарности, будто так и надо. Или будущая экспедиция. Ведь ни один из ее участников ничего толком расска-

зять потом не сможет, додумывай за них... А сейчас нос задирают. «Недолюбливает вашего брата...» А наш брат тоже не лыком шит! Ничего, придет и для газетчиков время!

Потом Володя связался с известным селенологом Бондаренко, удивительно неразговорчивым и скучным — как ему показалось человеком. Нелегкая беседа тянулась почти час и стоила Володе прямо-таки физических усилий. После такого разговора трудно, конечно, было развеселиться.

Может быть, из-за плохого настроения первый репортаж о лунной экспедиции получился сухим, путанным. Тепляков прочитал Володин труд и долго ругался.

— Такая сухомятина даже лет тридцать назад пошла бы в корзину! А еще инженер! — выкрикивал он, бегая по кабинету.

Потом Тепляков долго правил рукопись, придумал броский заголовок, сделал интересную вставку, и репортаж пошел в номер. Володя просил, чтобы сняли его подпись, но Тепляков был неумолим,

— Будет тебе напоминанием, — сказал он. — Ты что же, только о розах думаешь? Не волнуйся, брат, и шипы достанутся!

— Да я и не обижаюсь.

— То-то. Не горюй, второй раз лучше об этом напишешь.

Но второй раз об экспедиции Никитин так и не написал. Встреча с Андреем Соколовым не вдохновила его на очерк или хотя бы на корреспонденцию. А потом выяснилось, что очеркист Саша Локтев давно собирает материалы о космонавтах и его очень интересует экспедиция Соколова. Никитин без сожаления отдал свой блокнот Саше, потому что был убежден, что тот сможет написать лучше. А сам стал собираться в отпуск...

Человек, родившийся вовремя

Воспоминания детства обычно начинаются с пустяков. Хлопья снега за окном, забавная игрушка, ссора с приятелем — трудно сказать, почему эти мелочи на всю жизнь врезаются в память. Но у Андрея Соколова первое впечатление было большим и значительным. Он даже шутил, что оно оказало влияние на всю его биографию, предопределило выбор профессии.

Когда он начинал думать о своем детстве, перед глазами неизменно всплывала одна и та же короткая картина. Он стоит рядом с отцом на мосту. Внизу смутно белеет заснеженная река, а небо над головой усеяно искрами звезд. «Смотри, Андрейка, — говорит отец, — видишь, летит звездочка. Вот он, наш спутник!» Андрей тарашит глаза, но ничего не может разглядеть. Тогда отец сильными руками поднимает его высоко вверх, и вдруг Андрей замечает яркую огненную точку, которая медленно плывет среди неподвижных звезд. «Вижу, вижу!» — радостно кричит он.

Эта короткая сценка для Андрея была дорога вдвойне прежде всего потому, что напоминала об отце. Время стерло из памяти почти все, что было связано с ним. Андрей знал об отце многое и в то же время не знал почти ничего. Только по рассказам старших мог он представить, как кудрявый и плечистый человек в кожаной куртке летчика часами

бродил со своим малышом по городу, читал ему смешные сказки и с увлечением играл с ним в мяч. Воображение услужливо рисовало все это, но картины выглядели бледными, нереальными. Настоящих воспоминаний оставалось мало, и все они были до обидного короткими. Но память винить не стоило. Летчик-испытатель Федор Степанович Соколов погиб, когда его сыну шел шестой год.

Потом Андрей подрос, и ему рассказали, как все Произошло. Отец испытывал тяжелый реактивный самолет. Когда машина загорелась, он приказал экипажу выпрыгнуть с парашютами, а сам повел горящий самолет на посадку. Он не захотел прыгать, потому что внизу был город, и неуправляемая пылающая громадина могла врезаться в дома. Задыхаясь от дыма, чувствуя, что на нем загорается одежда, отец не покидал своего места до тех пор, пока не оказался за городской чертой. Тогда он тоже прыгнул, но было уже поздно. Самолет взорвался в воздухе, и горящие обломки накрыли парашютиста...

Свою мать Андрей не знал совсем — она умерла, когда ему не было и года. Осиротевший мальчик сначала жил у дальних родственников, потом его отдали в детский дом. На долгие годы воспитатели заменили ему родителей, а друзья по интернату — братьев и сестер.

Трудно сказать, когда появилась у него мечта — стать космонавтом. Сначала он решил сделаться по примеру отца летчиком -испытателем. Но был совершен триумфальный полет Гагарина, потом Титова. И смуглый (большеглазый мальчишка дал себе слово: он обязательно будет водить космические корабли. Андрей напрямик пошел к цели. Он все время представлял, что отец смотрит на него пристальным и чуть насмешливым взглядом, и старался поступать так, чтобы в этом взгляде зажглась настоящая гордость.

В его школьных характеристиках первые годы неизменно мелькало слово «упрям». Потом оно сменилось другим, более благозвучным «настойчив». С двенадцати лет Андрей уже уверенно мечтал о будущем. Старый добродушный детдомовский доктор рассказал однажды ему, какие физические качества должен развивать будущий космонавт, и принес книгу «Космическая медицина».

Однажды Андрей сделал стойку на руках на самом карнизе четырехэтажного дома. В другой раз проехал по двору на мотоцикле целый круг, зажмурив глаза. Так он вырабатывал в себе чувство равновесия и ориентировки в пространстве. Ему крепко попадало за такие выходки. Но в то же время в самых резких нотациях слышались нотки уважения.

Учился он неровно. Русский язык, литература, история давались ему легко, но относился он к этим предметам с холодным безразличием. Зато математика, которую он понимал трудно, была для него могущественным другом, не желающим открыть свои секреты. Андрей долгими вечерами сидел над уравнениями и таблицами, и в конце концов выходил победителем в этой борьбе.

...Иногда приходили и сомнения. А нужно ли быть так неумолимо требовательным к себе, нужны ли эти бесконечные тренировки, весь этот режим? Стоит ли день за днем скручивать себя в тугую пружину, не зная, удастся ли распрямиться? Но Андрей гнал от себя малодушные мысли. Он родился очень вовремя, все вокруг работало на его мечту. И каждое сообщение ТАСС о новом успехе советской науки, каждый очередной шаг на пути к звездам подстегивал его, ободрял. Он не завидовал тем, кто опередил его в космосе,

Открытий хватит и для него. В летописи покорения Вселенной переворачиваются лишь первые страницы, и что-то новое найдется для каждого.

После школы Андрей поступил на ракетостроительный завод. Сначала ученик токаря, потом слесарь-универсал, электрик... За два года он освоил пять специальностей. А потом поступил в политехнический институт, на факультет автоматики и телемеханики. Со второго курса студент Соколов стал постоянным гостем в секции космонавтики Центрального аэроклуба. Одновременно он учился управлять самолетом, занимался парашютизмом. Когда Андрей однажды узнал, что им интересуются в Комитете по освоению космоса, почти не удивился, воспринял это как давно ожидаемое событие. В глубине души он и не сомневался, что все произойдет именно так...

Конечно, разговор в Комитете не мог его не взволновать. Андрею предложили сразу после защиты дипломного проекта стать курсантом Высшей школы космогации. Предстояли нелегкие конкурсные экзамены, многочисленные врачебные Комиссии. Но самое трудное было позади. Теперь все зависело только от него...

Вечером того дня, когда Андрей побывал в Комитете, в дверь его комнаты постучали. На пороге появился высокий, грузный человек с бронзовым лицом и наголо обритой головой. Он был одет в форму летчика.

— Дядя! — Андрей изумленно поднял густые черные брови. Вот не ждал!

Сергей Соколов стремительно обнял племянника.

— Молодец! — загремел он великолепным басом. — Вырос-то как, вытянулся! Ай, молодец!

И тут же снова по-медвежьи обхватил Андрея. Потом коротко, как приказ, бросил:

— Ну — рассказывай.

Они встречались редко. Полярный летчик Сергей Соколов годами не бывал в своей маленькой холостяцкой квартире. Он то обслуживал дрейфующие станции «Северный полюс», то пробивался сквозь ураганные вихри Антарктики.

Андрей любил дядю за общительный характер, за смелость, за то, что он очень напоминал отца. И хотя Сергей Степанович частенько поругивал племянника, тот никогда не обижался. Была у дяди удивительная особенность — быстро разбираться в событиях. «Специальность у меня такая, — хитро улыбался он. — В смысле анализа обстановки могу потягаться с электронной машиной». И поэтому все его нотации Андрей воспринимал как должное.

— Так, так, — сказал дядя, выслушав короткий рассказ Андрея. — Значит, ты уже на пятом курсе... Сколько же это лет мы не виделись? Год, два?

— Четыре, дядя.

— М-да! Время летит — невероятно! А живешь ты роскошно. Прямо не скажешь, что общежитие. Один?

— Сейчас один. Раньше по двое жили, а дипломнику полагается отдельная комната.

— Балуют вас. Мы, брат, по десятку жили вместе. И не в такой благодати! Полагается... Ишь ты! Анкету заполнил?

Дядина манера задавать неожиданные вопросы всегда сбивала Андрея с толку.

— Какую анкету? — не понял он.

— Знаем, какую. Что ж не похвалился, что в Комитете сегодня был?

— А-а... Так что ж хвастать — еще ничего не ясно. А как ты узнал?

— Знаем как. Секрет. По форме 1-А?

— Да.

— Значит, быть тебе космонавтом. Можешь не сомневаться. А ты, небось, и сам не веришь? Признайся, не веришь?

— Почему? — солидно сказал Андрей. — Говоря откровенно, я ждал этого. Да тут и нет ничего удивительного. Сам заработал, своими руками...

Дядя вдруг рассвирепел.

— Что? Ах ты, свиненок этакий! — загремел он. — Сам! Сам ты нуль без палочки, вот ты кто!

— Да я...

— Нет, ты молчи! Слушай, что говорю...

Он походил по комнате, потом легким прыжком удобно уселся на подоконнике, заговорил более миролюбиво.

— Когда-то такие, как ты, беспризорниками становились, с голоду помирали. Останется парнишка сиротой и можно считать, что пропал. А ты на готовеньком жил, о куске хлеба не думал. Государство о тебе заботилось, народ. Народ, понял? В сто раз больше сделаешь, в тысячу — все равно останешься в неоплатном долгу. А то — сам!

— Я же понимаю это, дядя. Я совсем другое хотел сказать.

— Мало вы думаете о своем долге, вот что! Запомни: о собственных заслугах меньше всего распространяйся. По математике что у тебя?

— Пятерка, — улыбнулся Андрей.

— Давно когда-то слышал я умные слова. Человек — это дробь. В знаменателе — то, что он думает о себе, а в числителе — что о нем думают другие. Вот и делай вывод...

Андрей хотел пошутить по этому поводу, но, взглянув на серьезное лицо Сергея Степановича, не решился.

— То-то. А самое главное — потом не забывай об этом. Зашевелятся тщеславные мыслишки, так ты их сокращай, сокращай. Пусть знаменатель к нулю стремятся...

— Пойдем, дядя, в кафе, — предложил Андрей. — Недалеко, на нашем же этаже. А то я даже чаем не могу тебя угостить.

Сергей Степанович посмотрел на свой старинный штурманский хронометр.

— Не могу, братец. Через час опять улетаю. Так что остается только пожелать тебе всего наилучшего. Жениться-то еще не надумал?

— Я, дядя, на девушек и смотреть боюсь, — пошутил Андрей. — Еще загляжусь на какую — и весь режим тогда пропал...

— А вот это ты зря! С меня пример не бери! Я просто неудачник. А хорошая подруга...

— Дядя, на эту тему распространяться не будем, — жестко сказал Андрей.

— Ладно, могу помолчать. Только запомни: космонавты тоже люди. А Маркс недаром любил изречение «homo sum...» Ой, Андрейка, не получится из тебя монах...

— Дядя!

— Молчу, молчу. А впрочем — можно и в кафе заглянуть. Успею! Кто знает, когда мы с тобой снова увидимся...

В этом разговоре не было ничего особенного. Но он жил в памяти Андрея рядом с самыми дорогими воспоминаниями. Через месяц после встречи с дядей Андрей развернул еще пахнувшие типографской краской страницы вечернего выпуска газеты, и в глаза ему бросилась фотография в черной рамке. Смуглый бритоголовый человек в строгой форме пилота смотрел на него внимательно и чуть насмешливо. «При исполнении служебных обязанностей трагически... — забились в руках косые строчки текста, — замечательный полярный летчик...»

— Дядя... — растерянно прошептал Андрей. — Как же ты так, дядя?

«Такая уж наша профессия! — вспомнил он. — Да, недаром говорил когда-то Сергей Степанович, что летчику просто несолидно умирать своей смертью...»

Андрей совсем не думал о том, что он выбрал еще более опасную профессию. Но это было закономерно. Когда солдат падает в бою, его товарищи продолжают атаку. Им просто некогда думать о смерти. Самое главное — вперед. Через трудности, через опасности — вперед. Только так завоеывается победа.

Небесные братья

Оранжевый пятнистый жучок, деловито перебирая угольно-черными лапками, полз по травинке вверх. Тонкий стебелек гнулся под его тяжестью. Костров подставил палец, и жучок перебрался к нему на руку.

— Божья коровка, полети на небо... — нараспев заговорил Костров.

Жучок повернулся на суставе согнутого пальца, выпустил рыжие крылья и растаял в веселой голубизне хорошего летнего дня.

Костров проводил его взглядом, беззаботно засмеялся, легко опрокинулся на спину.

— Смешно, — сказал Чумак.

— Про божью коровку? Помню, был совсем мальчонкой — так пел.

— Смешно, — упрямо повторил Чумак.

— Леша, не порти мне настроение. Всем известно, что ты лишен чувства юмора, чувства лирики и всего прочего. Поэтому не мешай людям, которые тонко понимают природу и ценят поэзию.

Чумак демонстративно зевнул.

— Удивляюсь, — сказал Костров, — как это некоторые товарищи ухитряются притворяться безразличными ко всему на свете. Чувства даны человеку не для того, чтобы прятать их.

— Допустим.

— В таком случае надо не бросать ехидные реплики, а поддержать друга. Скажем, обсудить с ним красоту солнца и неба, травы и речки. Подходит такая повестка дня?

— Старо.

— Я же тебе серьезно говорю!

— И я серьезно. Прочитай-ка лучше Тургенева или Паустовского.

— Это же не то, Леша! Нам с тобой надо видеть землю совсем не так, как даже самый лучший писатель. Когда я первый раз полетел в космос, то несколько дней после возвращения места не мог найти. Смотрю и удивляюсь все время. Рыжий муравей, шмель на клевере, сосны, ручей... Это же все просто чудо! Разве можно жить без этого? И кажется, любую букашку готов расцеловать... Земля, настоящая Земля!

— Ты слишком сентиментален, Сережа. А в нашей профессии это противопоказано.

— Ерунда! Если мне по-настоящему дорога Земля, я невозможное сделаю, чтобы только вернуться на нее. Когда на Луне я думал про все, что нас сейчас окружает, чувствовал себя только сильнее. И извини, братец, не верю я тебе. Ты только любишь казаться сухарем, а на самом деле чувствуешь то же самое.

— Если тебе нравится так думать — пожалуйста.

Сергей демонстративно отвернулся. Но через минуту не выдержал, опять начал спор.

Андрей Соколов усмехнулся. Неужели Костров не понимает, что Чумак просто разыгрывает его? Какие они оба еще, в сущности, мальчишки!

Сам Андрей не принимал участия в разговоре. Он не любил спорить по пустякам. К тому же рядом с этими плечистыми хлопцами, вид которых просто кричал о цветущей молодости, он чувствовал себя пожилым человеком. Каждый из них совершил лишь по два-три космических полета. А он на Луну собирается в двенадцатый раз. К тому же нынешняя экспедиция по сравнению с первыми, в которых он участвовал, — просто прогулка. Сейчас построен Луноград, летишь, словно в командировку в другой город. Попали бы они тогда...

Андрей поворачивается немного, чтобы лучше было видеть товарищей по предстоящему полету. Он уже не раз задавал себе вопрос: а правильно ли он поступил, что выбрал в спутники не тех, с кем уже делил опасности лунных экспедиций, а совсем молодых космонавтов? Может ли он твердо поручиться за них во всем? И тут же отвечал: да, может.

Алексей Чумак и Сергей Костров внешне мало похожи друг на друга. Правда, оба одинаково загорелы, атлетически сложены. Но на этом сходство кончается. Костров — высокий, со светлыми, коротко подстриженными волосами, открытым русским лицом рубахи-парня. У него и характер такой же. Сергей добродушный, доверчивый, даже немного наивный, быстро привязывается к людям. Дружить с ним легко(и просто).

Чумак — темноволосый, коренастый, с угловатым некрасивым лицом. Он немногословен, взгляд у него утрюмоват. Тот, кто мало знает Алексея, никогда не поймет, шутит он или говорит серьезно.

Вкусы у них тоже различны. Костров любит литературу, немного разбирается в музыке. А его товарищ от искусства далек. Зато он замечательный математик. Недавно Чумак блестяще защитил кандидатскую диссертацию, но перейти на постоянную работу в институт Академии наук отказался. Беспокойная профессия космонавта устраивала его больше...

Костров и Чумак сдружились давно, когда оба были курсантами Высшей школы космогации. Однажды во время альпинистского похода свирепая метель отрезала их от группы. Чумак вывихнул ногу. Двое суток тащил на себе Сергей товарища по ледяным склонам Эльбруса. Тогда и родилась глубокая взаимная привязанность.

Самое же главное — у них была одна профессия. Космонавтов связывает особая дружба. Недаром называют они себя «небесными братьями». Это выражение прочно вошло в обиход еще со времен Гагарина и Титова.

Если между собой Костров и Чумак иногда спорили и беззлобно переругивались, отношение к Андрею у них было совсем иное. Его авторитет был непререкаемым. И дело тут не только в том, что Соколов назначен начальником экспедиции. Он просто умел заставить уважать себя...

Планетолет «Циолковский», на котором им предстояло лететь, рассчитан на пять человек. Трое пилотов-космонавтов уже утверждены. Четвертым будет, очевидно, Дроздов, которого предполагают назначить научным руководителем. Последняя кандидатура пока неизвестна. Намечался крупный селенолог Бондаренко, но он неожиданно заболел. Так что вопрос о том, кто станет пятым участником экспедиции, пока оставался открытым.

Костров и Чумак официально именовались пилотами. Первый исполнял обязанности бортинженера, второй — штурмана. Кроме того, Сергей неплохо разбирался в медицине, а Алексей — в селенологии. Каждый космонавт в какой-то степени должен быть энциклопедистом, от этого никуда не денешься.

Несколько дней назад они все трое прибыли на космодром. Андрей еще ни разу не летал ни с одним из своих будущих пилотов и поэтому хотел познакомиться с ними поближе в деловой, как он говорил, обстановке. Программа подготовки рассчитана до самого дня отлета. Нужно до тонкостей изучить новый планетолет, новую систему скафандров, новые модели вездехода и лунолета. Но это было в порядке вещей. Перед каждой очередной экспедицией космонавтам приходилось переучиваться заново.

Каждую минуту они использовали, по выражению Сергея, на полную мощность. И редкие часы отдыха были поэтому особенно приятны...

Три участника будущей лунной экспедиции лежат в густой траве над обрывом. От реки поднимаются терпкие запахи, где-то внизу размеренно шуршит волна. В траве ошалело трещат кузнечики, из кустов доносится восторженный щебет птичьей мелочи.

Время от времени по земле прокатывается глухой гул, и тогда все вокруг стихает. Но люди не обращают на это внимания. Они давно привыкли к грохоту ракетных двигателей. За ближним лесом — космодром, где они проходят свои ежедневные тренировки.

Сейчас им надо возвращаться в город, но они оставили машину у дороги и отправились к реке. Земля, с ее щедрым великолепием, становилась с каждым днем все дороже.

Голубизну неба медленно испарывает курчавая полоса — невидимый стратоплан уходит в вышину. Андрей закрывает глаза. Откуда это неприятное, режущее чувство, которое не покидает его второй день? Обида, горечь, Сожаление? Нет, не то. Кажется, не найти ему сейчас слова, которое могло бы емко вобрать в себя его ощущения. Глупо, конечно, недостойно, но где-то в запретных тайниках души живут тоскливые мысли, точат, точат... Особенно остро вспыхивают они, когда он видит взлетающую ракету, когда перелистывает страницы старых фантастических романов. И каждый раз бунтует в нем недовольство собой.

Собственно, все объясняется просто. Вчера он видел секретный еще список кандидатов в первую экспедицию на Сатурн. Люди, известные всей стране по портретам, спрашивали у него совета, придирчиво выясняли личные качества каждого, чья фамилия зна-

чилась в списке. Он давал исчерпывающие характеристики. Он видел, что его слова оказывались решающим приговором. Все крепко пожимали ему руку. Почет? Конечно. Но каждого попросят о таком. И все-таки горечь оставалась.

Да, в списке не было его фамилии. Если бы она там появилась, ему первому пришлось бы выступить против. Ему уже за тридцать, его здоровье далеко не то, что прежде. Слепой удар метеорита в вездеход, нес частный случай, который произошел с ним на Луне три года назад, вычеркнул его из числа возможных кандидатов. Винить тут некого. Наука еще не скоро сможет полностью восстанавливать здоровье человека. А для такого полета нужны люди без малейшего изъяна. Ни его опыт, ни знания, ни заслуги не могут помочь.

Андрей снова переводит взгляд на товарищей. Ош продолжают разговор. Вернее, говорит главным образом Костров, а Чумак, закрыв глаза, лишь время от времени бросает короткие реплики, разжигающие красноречие собеседника. Оба они даже не подозревают! что вчера начальник экспедиции Соколов решил из судьбу. Через год или даже раньше они поднимутся на борт сверхмощной ракеты и помчатся к границам солнечной системы. А он останется. Надо же кому-то оставаться...

— Я с детства любил фантазировать, — рассказывал Сергей. — Мальчишкой летом часто работал пастухом в совхозе, так целые дни мечтал о чем-нибудь. Особенно часто представлял такую картину. Пасу это я коров, и вдруг — страшный свист, шум, грохот. Опускается среди поля диковинный звездолет. Открываются люки, и мне навстречу выходят какие-то совершен но невероятные существа. Гости с другой планеты... Верите ли, часами мог смотреть на небо, ждал этого. А что? Я и сейчас думаю, что вполне может случиться такое...

— С точки зрения теории вероятности, — сказал Чумак, возможность такого события — бесконечно малая величина.

— Суха, мой друг, теория везде, — вздохнул Костров — Когда-нибудь наступит время, и люди высадятся на обитаемой планете. И ты думаешь, среди ее жителей не найдутся скептики вроде тебя? Тоже, небось, доказывали в свое время, что шансы встретить чужой космический корабль близки к нулю... Эх, увидеть бы это своими глазами!

— Ты безнадежный мечтатель, Сережа. Даже такой оптимист, как ты, не может рассчитывать попасть в Первую звездную. Не доживем.

— Да, тут ты прав. Нам этого не дождаться...

— Поэтому и не стоит говорить попусту. Бесполезно.

— А скажи, Леша, — вдруг спросил Костров. — Как ты представляешь жизнь при полном коммунизме? Не кажется ли тебе, что потом люди будут завидовать нашему поколению?

— Не будут они нам завидовать, — резко вмешался Андрей. И когда сейчас говорят, что завидуют прошлому — не верю! Каждое время по-своему прекрасно. А вздыхать о безвозвратном прошлом — бесполезное занятие.

Чумак и Костров удивленно смотрели на Андрея. Что это с ним?

— По-моему, ничего тут особенного нет, — возразил Сергей. — Пишут же в газетах, что молодежь завидует тем, кто жил раньше. И я лично завидую. Героям войны, целинникам, первым космонавтам... Что в этом плохого?

— Вздор, — упрямо повторил Андрей. — Ты в свое время сумей быть героем!

— Это правильно, но...

— А давай-ка без «но»! Скажи, Сергей, ты хотел бы родиться... ну, скажем, в начале века? Чтобы самому участвовать в революции?

— Нет, — честно сказал Костров. — Я преклоняюсь перед ними, но... Наверное, это эгоизм, но я рад, что живу именно сейчас...

— То-то! — усмехнулся Андрей.

Чумак посмотрел на часы.

— Может, пора собираться?

— Успеем, — уверенно сказал Андрей. — Завтра стратосферные полеты, поэтому надо быть в лучшей форме. Предлагаю выкупаться. Нет возражений?

Вместо ответа Сергей и Алексей разом стянули с плеч рубашки. Андрей косо глянул на бронзовые, с четким рельефом мускулатуры, тела товарищей и снова подумал, что не ошибся, рекомендуя их в состав экспедиции. Наверное, такими же сильными и здоровыми будут со временем все люди Земли...

Андрей тоже снял верхнюю одежду, сделал несколько резких движений. У него такое же крепкое, тренированное тело. Ни в силе, ни в ловкости он не уступает молодым пилотам. И если бы не старая рана... Андрей вдруг почувствовал, как замозжило отсутствующее ребро. Чтобы отогнать невеселые мысли, он громко скомандовал:

— А ну — марш!

Не по-летнему холодная вода (накануне был пасмурный день) перехватила дыхание. Но уже через несколько минут все трое чувствовали себя прекрасно. Андрей спокойно поплыл на спине, а Костров и Чумак устроили соревнование на скорость. Они так увлеклись, что уплыли далеко по течению. Андрей остался. Он глубоко нырнул в последний раз и направился к берегу.

— Скажите, пожалуйста, вода холодная?

Андрей вскинул голову. На краю обрыва стояли две девушки в ярких платьях и, прикрыв глаза от солнца, смотрели вниз. «Как они попали в зону?» — удивился Соколов. Он вышел на песок и вместо ответа сказал:

— Простите, но здесь посторонним быть не полагается.

Наверху засмеялись.

— А мы не посторонние. Мы с космодрома.

Андрей ловко выбрался на обрыв. Теперь он мог хорошо рассмотреть непрошенных гостей. Да, одну из них, рослую, светловолосую — ту, что спрашивала холодная ли вода, — он определенно встречал. А вот вторую, кажется, видит впервые. Невысокая, крепка сложенная, очевидно, хорошая гимнастка. Лицо у нее совсем детское — румяное, с нежным пушком на щеках. Андрей обратил внимание на ее привычку упрямо встряхивать головой, отбрасывая все время падающую на глаза тугую прядь. Девушка смотрела чуть исподлобья, и в ее серых глазах виднелось откровенное любопытство.

— Меня зовут Вера, — сказала высокая. — А это — Галка. Она у нас второй день работает.

Маленькая девушка почему-то покраснела и опустила голову. Густые, каштановые с медным отливом волосы упали ей на лицо, и глаза сверкнули из-под них, как два испуганных зверька.

Какое-то смутное, неясное ощущение коснулось Андрея. Далекое воспоминание мелькнуло, едва задев память, и исчезло. Ему показалось, что он когда-то давно встречал эту девушку, разговаривал с ней, и точно так же падали ей на глаза густые волосы. Но когда это было? Где? Несколько мгновений он пытался припомнить, но тут же решил, что бесполезно напрягать память. Встреча наверняка была мимолетной — если она была вообще.

Вежливо склонив голову, Андрей Соколов назвал себя.

— А мы вас давно знаем, — улыбнулась Вера.

Конечно, представлять себя было излишне. Уже много лет, где бы ни появлялся космонавт Соколов — вокруг начинались восторженные шепотки. Любители автографов тянули руки с блокнотами. Особенно трудно было сначала, когда его портреты не сходили с газетных страниц...

Конечно, девушкам лестно поболтать с ним. Будет о чем похвастать подругам. Все же не только видели, как Соколов купался, но и поговорили с ним. А ему совсем не хочется заниматься пустыми разговорами. «И куда это ребята запропались!» — подумал он с тоской.

Может быть, лет пять назад он в подобном случае начал бы весело шутить, болтать. Сережа Костров, очутись он здесь, поступит именно так. Но Андрею все еще кажется, что если он начнет беззаботно беседовать с девушками, то оскорбит этим память Тони. Он по-прежнему не может примириться с мыслью о ее смерти, хотя между сегодняшним днем и трагическим событием лежат уже не месяцы, а годы...

Сергей Степанович верно сказал тогда, что космонавты тоже люди. Дядя снова оказался прав. Андрей женился вскоре после того, как окончил Высшую школу космогации.

Тоня работала на станции наведения, и ее голос сопровождал Андрея во время тренировочных полетов. Объяснился в любви он необычно — крикнул вечные, как мир, три слова с высоты семисот километров, когда его ракета с поврежденным двигателем и нарушенным управлением упрямо шла на посадку. Потом связь с Землей нарушилась, но Андрей уверял, что он слышал ответ, что именно эти слова помогли ему сесть благополучно...

Но Соколов был семейным человеком всего несколько месяцев. Во время запуска на космодроме взорвалась транспортная ракета, несущая на себе сотни тонн горючего для межпланетной базы. Один из обломков взлетел вверх и рухнул прямо на пост наведения. И хотя там находился всего один человек — Тоня Соколова, катастрофа вызвала две жертвы. Погиб и тот, кто еще не успел увидеть свет. Андрей сразу потерял и жену и неродившегося сына...

С тех пор прошло около четырех лет. Андрей почти не изменился внешне, стал только более замкнутым и суровым. Работал он очень много, охотно отправлялся в самые рискованные экспедиции. Но боль потери не утихала, напоминала о себе постоянно.

И все-таки самолюбию Андрея чуточку польстило, тогда он решил, что девушки заговорили с ним о воде лишь потому, что хотели познакомиться. И поэтому был немного разочарован, увидев, что Вера и Гадя действительно спускаются к реке, и на них купальные костюмы.

Андрей сделал несколько резких движений, чтобы согреться, потом сел на краю обрыва. Кострова и Чумака все еще не было видно. Девушки, как и все купальщицы в мире, пробовали босыми ногами воду, весело взвизгивали. Об Андрее они, казалось, забыли. Потом бросились вперед, отчаянно брызгая во все стороны.

Вера плавала неважно. Она покрутилась у берега, поплескалась и скоро вернулась на песок. А Галя уплыла на самую середину реки, и оттуда доносился ее смех.

Потом стало тихо. И вдруг Андрей услышал тревожный возглас. Он вскочил, словно его подбросила пружина.

— Помогите! — долетел с реки слабый голос.

Не раздумывая, Андрей разбежался и бросился в воду. Да это был великолепный прыжок! Смуглое тело Соколова описало дугу, пронеслось над узкой песчаной полосой берега и, взметнув искрящийся каскад брызг, скрылось в волнах. Проплыв десяток метров под водой Андрей вынырнул совсем рядом с девушкой. Ее голова в купальной шапочке четко выделялась на серебряной чешуе воды.

Их взгляды встретились. Непослушная прядь, не поместившаяся под шапочкой, мешала разглядеть глаза Гали но Андрею почему-то показалось, что девушка нисколько не испугана, и в мерцающей серой глубине ее взгляда прячется хитринка. Нет, он определенно встречал ее где-то! Ему вдруг стало досадно на свой дон-кихотский прыжок.

— Вам помочь? — сухо спросил он.

— Судорога, — тихо проговорила Галя, усиленно загребая воду руками. — Извините, пожалуйста.

Андрей, осторожно поддерживая одной рукой девушку, поплыл к берегу. Он почувствовал, что ему становится жарко. Рука онемела, но передвинуть ее он боялся. В таком дурацком положении еще никогда не оказывался...

В нескольких сантиметрах от его лица смуглая девичья щека. Густые ресницы опущены. О чем она сейчас думает эта Галя? Рука Андрея чувствует быстрые толчки ее сердца. Но следов страха на лице девушки нет. Или она сумела сразу же справиться с испугом, или... Может быть, вмешательства и не требовалось?

Под ногами появилось ребристое дно.

— Вам лучше? — хмуро осведомился Андрей.

— Спасибо, — прошептала Галя. — Мне так неудобно... И что это вдруг со мной случилось...

— Пустяки. Я все равно собирался в воду. Так что вы даже сделали доброе дело — подняли меня с места.

Но шутка получилась неуклюжей. Впрочем, Андрей и не собирался оправдываться. К нему вернулось обычное самообладание.

— Все в порядке, — сказал он побледневшей Вере (вот она действительно испугалась, в этом не может быть сомнения!).

— Понимаешь, вдруг показалось, что я тону, — все так же тихо сообщила Галя, не поднимая глаз. — Ногу свело. А товарищ так быстро помог...

— Большое вам спасибо, — проникновенно сказала Вера и сама пожала Андрею руку.

С каким удовольствием Андрей снова прыгнул бы в воду!

— Пустяки, — резко сказал он, отворачиваясь. — Любой сделал бы так же...

Девушки рассмеялись. Вера звонко, заливисто, а Галя — одними уголками губ.

— Эту фразу почему-то произносят все герои, — сказала Вера. — Годы идут, а она не меняется. Смешно, правда?

— Смешно, — согласился Андрей.

Его выручили Костров и Чумак, которые вернулись, наконец, после своего рекордного заплыва. Оказывается, они оба хорошо знали Веру, да и с Галей Костров успел познакомиться. Поэтому у них тотчас же завязался разговор.

Андрей выразительно постучал по циферблату часов.

— Пора, — сказал он.

— Извините, — развел руками Костров, обращаясь к девушкам. — Начальству надо подчиняться. Может быть, вы тоже поедете с нами в город? У нас машина просторная, все поместимся.

— Спасибо, — ответила Вера. — Мы еще побудем здесь.

— Только в воду больше не лезьте! —

сказал Сергей. — Спасать больше некому.

Андрей не знал, что после их ухода Вера строго обратилась к подруге:

— Что ты это еще выдумала. Признайся, что просто притворилась! Ты же как рыба плаваешь! Смешно! А я-то, дура, сначала перепугалась...

Мокрая прядь опять упала на глаза, смуглые щеки залил румянец.

— Не надо об этом никому говорить, — тихо сказала Галя.

— И ты считаешь, что поступила хорошо, обманув человека?

— Это же не обман, Верочка! Просто... Ну, как тебе сказать... Испытание, что ли...

— Не нравится мне это, — почти сурово оборвала ее Вера, глядя в сторону. — Во-первых, тебе не пятнадцать лет, и нужно вести себя посерьезнее. А во-вторых, ты же ничего о нем не знаешь!

— Знаю, — упрямо сказала Галя. — Все знаю. Если хочешь, могу рассказать, как мы первый раз встретились...

— Ты что, раньше его знала?

Галя снова кивнула.

— У него таких знакомых знаешь сколько? Тысячи. Где уж всех запомнить! А встретились мы так. Я была тогда студенткой. Как-то раз пригласили меня встречать новый год. Прихожу — и вижу там его. Оказалось, хозяин дома, врач, был давний знакомый

Соколова, провожал его в первый космический полет. До этого я видела Соколова только на портретах и думала о нем не больше, чем о других космонавтах. А тут смотрю — сидит совсем рядом. Обычный человек, такой же, как остальные. Улыбается, шутит, говорит о разных пустяках. А глаза у самого печальные-печальные... Мне кто-то рассказал потихоньку, что у Соколова погибла жена и он очень переживает. И так мне его вдруг жалко стало... Тогда я в первый раз и почувствовала, что никогда его не забуду... Мы просили его рассказать про свои полеты в космос, про лунные экспедиции. А он только отшучивался. И глаза все такие же невеселые. Наверное, даже не заметил, как я на него смотрела...

— И ты больше с ним не встречалась?

— Ни разу.

— Тогда ты знаешь про него не больше, чем я. Могу ручаться.

— Ну и напрасно! То, что я его больше не встречала, ничего не значит. Я стала собирать все, что про него было написано. С того дня, когда он первый раз полетел в космос. И чем больше читала о нем, тем сильнее чувствовала: нет для меня лучшего человека в мире!

— Спорить не буду. Можешь думать о нем что угодно. Но мне одно неясно: что ты станешь делать дальше.

— Подожди, Верок. Все это не так просто.

— А Володя? Как же он? — глаза Веры стали холодными, тонкие брови сошлись у переносицы.

— Не надо об этом. Вера. Володя очень хороший, но... Не тот он, кто мне нужен...

— Он же любит тебя!

Галя вздохнула.

— Глупое все-таки сердце у человека. Разве ему можно скомандовать? Сегодня убедилась, что никогда не смогу с этим справиться. Что хочешь говори — не смогу! А Володе я напишу. Он поймет...

Голос минувшего

Экспресс «Варшава-Пекин» подходил к Омску. В кинозале поезда тянулись со стереоэкрана изумрудные ветви деревьев, плыли перед глазами зрителей миллионы цветов. На экране проходила вся история Омска — от бледных кадров кинохроники давних времен до последних дней.

Нина очень хотела посмотреть этот фильм, но ее спутники рассоветовали.

— Не надо портить впечатление, — сказал Володя. — Что там кино! Наш город, знаешь...

Он остановился, подыскивая подходящее яркое определение, не нашел, засмеялся и закончил:

— Словом, приедешь — сама увидишь!

Нина знала, что в новом городе встретят друзья, что впереди — масса интересных дел, но все-таки было чуточку страшновато. Что ни говори, а впервые уехать от родных не так-то просто. Хорошо еще, что спутники попались веселые, не дают скучать.

Нина выросла в Заполярье, там же и училась в университете. И вот теперь она, студентка четвертого курса исторического факультета, едет в далекий Омск для выполнения курсовой работы — «Революционные традиции сибирских рабочих». Тема большая, сложная, и Нина в душе побаивается. Когда она видит в зеркале на противоположной стене свое круглое, чуть курносое лицо с большими удивленными глазами, то невольно хмурится. Никакой солидности — совсем девчонка! И тут же искоса смотрит на своих спутников.

Самый заметный из них Володя Никитин. Высокий, плечистый, он сразу обращает на себя внимание. У него твердые, словно отлитые из бронзы черты лица, густые, чуть вьющиеся волосы, небрежно откинута со лба, быстрые насмешливые глаза. К тому же у Володи романтическая, увлекательная профессия. Он специальный корреспондент «Комсомольской правды». Правда, сейчас едет не по заданию редакции. Он в отпуске и направляется в Омск, в гости к своим родителям. Володя — большой патриот Омска, считает, что его родной город — один из лучших в стране. Нина очень рада, что они выходят вместе.

— Наш город превратился в сплошной парк, — говорил Володя. — Впрочем, у него давно прочная слава города-сада. Прямо не верится, что было время, когда в Омске даже деревья были редкостью — о цветах я не говорю...

— О прошлом вашего города я кое-что знаю, — заметила Нина. — Не забывай, что перед тобой историк.

— Между прочим, мне как-то с неделю пришлось поработать в архиве. Готовил один материал.

— Ну и как — понравилось?

— Н-не знаю. Для разнообразия, конечно, неплохо, но делать из этого профессию... Нет, такое не для меня.

— А мне нравится моя специальность. И, пожалуйста, не думай, что мы какие-то архивные крысы! Мы — следопыты, хранители богатств и традиций. Вот кто мы!

— Я же и не спорю! Азбучная истина — чтобы понять настоящее, надо знать прошлое. Но нельзя забывать, что к любому делу надо иметь склонность.

— Конечно. А скажи, ты доволен своей профессией?

— Очень. Между прочим, журналистом я стал именно по призванию. Я ведь по образованию инженер. Кончал институт, даже не думал, что стану газетчиком. Правда, в нашей многотиражке сотрудничал постоянно, писал стихи и рассказы, но считал это пустяком.

— И все-таки пошел в газету?

— Сначала я работал на Урале, на заводе. И вот как-то раз решил написать статью в городскую газету. А дальше получилось совсем то Чапеку. Он ведь недаром писал в свое время, что каждый журналист был когда-то медиком, инженером или юристом, а потом по молодости и неопытности написал что-нибудь в газету. Заметку напечатали, потом еще, и вот человек незаметно становится газетчиком. Так и у меня было. Сначала писал в

городскую «Вечорку», потом — в «Комсомолку». Печатали. Даже почти без правки. И вдруг неожиданно предложили переходить в штатные сотрудники. Как говорится — рука судьбы...

— И не жалеешь, что так получилось?

— Нисколько! Завод, конечно, хорошо, но газета... Эх, Нина, тебе не понять, что такое газета! Чудесная это профессия — журналист!

— Смотрите, Омск! — закричал кто-то.

Нина повернулась к окну. Почти не слушая пояснений Володи, она смотрела, как вырастают на горизонте мачты радиорелейных и телевизионных станций, как медленно, словно на фотобумаге, проявляются сквозь призрачное марево жаркого дня силуэты зданий — голубые острова в море зелени. Не успела Нина как следует рассмотреть город, широко раскинувший зеленые крылья садов, колеса экспресса загрохотали по мосту через Иртыш. Нарядные, облицованные светлым пластиком и увитые зеленью многоэтажные дома потянулись за окнами вагона, постепенно замедляя свой бег.

— Итак, мы дома! — торжественно объявил Володя.

Они попрощались со своими попутчиками, вышли из вагона. Над перроном плыли нежные звуки вальса. А потом молодой женский голос сказал:

— Добро пожаловать, дорогие товарищи! Приветствую вас от имени всех омичей!

— Хорошо тут встречают, — улыбнулась Нина.

— А как же! — отозвался Володя, — Сибиряки — народ гостеприимный. Хотя, конечно, исключения могут быть. Тебя, я вижу, никто не пришел встретить.

— Не надо плохо думать о своих земляках, Володя. Посмотри — вон пробирается к нам. Высокий такой, в очках. Это и есть Комаров, про которого я тебе говорила. Из местного архива.

К ним торопливо подходил очень высокий — чуть ли не на голову выше рослого Володи — молодой человек, загоревший почти до черноты. В руке он держал несколько крупных и ярких цветов.

— Здравствуйте, Николай, — сказала Нина. — Спасибо, что пришли встретить.

— Здравствуйте, здравствуйте, товарищ Нина Журко! Извините — чуть не опоздал. Прошу — первый омский букет.

— Знакомьтесь, пожалуйста. Это мой попутчик.

Володя назвал себя.

— А ваша фамилия мне хорошо знакома, — сказал Комаров. Много раз встречал в газете. Кстати, могу предложить вам одну хорошую тему...

Он вдруг замолчал, потом обернулся к Нине и заговорил без всякой связи с предыдущим:

— Знаете, Нина, когда мы позавчера говорили по видеофону, я все время порывался спросить у вас одну вещь. Но так и не успел. Как только я услышал вашу фамилию, думаю все время об этом. Скажите, у вас не было родственника — Платона Журко?

— Платона? Кажется, нет.

— А вы припомните как следует...

Нина перебрала в памяти самых дальних родственников и решительно тряхнула головой.

— Нет, такого не знаю.

— Значит, фамилия просто совпадает, — вздохнул Комаров. Жаль. А ведь она довольно редкая.

— Я даже троюродных братьев вспомнила, — сказала Нина извиняющимся голосом. Комаров неожиданно засмеялся.

— Какой же я чудак! Но меня интересуют не ваши братья. Речь идет о более давних временах, Платон Журко жил много лет назад.

— Тогда подождите, — сказала Нина. — Может быть, это и есть то, что вам надо. Моего дедушку звали Николай Платонович.

— А ваш дедушка никогда не жил в этих местах?

— Да, жил. Он из Омской области.

— Прекрасно! Это же просто чудесно! Значит, это вы и есть. Так я и думал! Вы — правнучка Платона Журко.

— Только... Я ничего не знаю о своем прадедушке. Он умер лет за сорок до моего рождения.

— В 1919 году, верно?

— Не знаю. Может быть. Но я не понимаю...

— Поймете, Нина, все поймете! Нет, я просто опомниться не могу. Значит, Платон Журко — не миф. Это не может быть совпадением... Простите, товарищи, я, наверное, выгляжу... как бы это сказать поделикатнее — несколько странным? Но вы представить себе не можете, как я рад.

— Вы начали разговор об этой именно теме? — спросил Володя.

— Совершенно точно. А история — в двух словах — следующая. Нынешней весной в одном из районов нашего города был снесен самый последний деревянный дом. На чердаке строители обнаружили тайник, в котором оказались оружие и шкатулка с документами, спрятанные еще в годы гражданской войны. Среди бумаг было очень любопытное письмо. В нем-то и говорилось о Платоне Журко.

— Вы меня заинтересовали, — сказал Володя. — Вы помните содержание письма?

— Видите ли, здесь, на вокзале, не совсем подходящая обстановка для такого разговора. К тому же письмо лучше всего прочитать в оригинале. Поэтому я сейчас отвезу вас, Нина, в гостиницу. А завтра утром милости прошу ко мне домой. Не возражаете, товарищ Никитин? Чудесно. У меня будет очень удобно. Живу сейчас один, по-холостяцки. Жена в командировке. Договорились? К тому же моя квартира совсем рядом с гостиницей. Запишите адрес...

...На следующий день Володя и Нина встретились у гостиницы и направились к Комарову. Тот уже ждал их. На столе в гостиной были разложены какие-то фотокопии, пожелтевшие документы, истертая на сгибах карта.

— Начнем без предисловий, — сказал Комаров. — Вот фотокопия письма. Прошу слушать и не перебивать.

Он поднес листок к глазам, стал громко читать:

«Здравствуй, дорогой Николай! Горячий тебе привет и наилучшие пожелания. Я знаю, что у тебя времени мало, но все равно прошу выполнить мою просьбу. Обязательно передай нашим, что Платон Журко ни в чем не виноват. Провокатором оказался со-

всем другой, и он свое получил. А с Платоном произошли события, которые настолько невероятны, что в них просто невозможно поверить. Понимаешь, отыскался Дима Соснин, и он рассказал мне такое, что и во сне не приснится. Граничит с какой-то чертовщиной. Если бы говорил про это кто другой, я бы только посмеялся. Но комиссару верю — он выдумывать не станет.

Описывать эту историю подробней нет времени, а в двух словах не расскажешь. Но Дима во время своего вынужденного безделья (он серьезно болен) изложил все на бумаге, и ты сможешь потом познакомиться с этой любопытной историей. А пока — постарайся восстановить доброе имя Платона, это очень важно. Особенно для его сына — мальчишка был тогда прямо убит. Представляешь, как он обрадуется!

Между прочим, приключения Платона связаны со спящими карателями. Помнишь, как мы ломали головы над этой загадкой? После этого можно даже в чудеса верить...

Самое главное — изучение событий, которые произошли с Платоном, имело бы большое значение для науки. Эх, если бы время сейчас было другое!

Ладно, не буду тебя больше мучить недомолвками. Поедешь к Бакенщику, узнаешь все подробности. У него и Дима. Он очень плох, боюсь, что вряд ли выберется. Жаль парня! В случае чего Бакенщик уберет рукопись в свой ящик. У него ведь как в банке, сто лет пролежит. Только учти. Бакенщик сейчас переехал на свое старое место. Живет около П. Помнишь, охотились там?

Кончаю, адски спешу. Сегодня ночью еду в Н. Не знаю, сможем ли свидеться. Привет Настеньке, Федюшке и всем ребятам. Твой Степан.

19 октября 1919 года».

— Я что-то многого не понимаю, — чистосердечно призналась Нина. — Может быть, это шифр?

— Исключено, — сказал Комаров. — Шифровки, насколько мне известно, пишутся так, чтобы не привлекать чужого внимания. А тут все так и бросается в глаза. «Невероятные события...» «Граничит с чертовщиной...» Нет, дело в другом. Я убежден, что рукопись этого Соснина действительно существует. И представляете, как было бы здорово, если бы мы нашли ее?

— Но ведь прошло столько лет! — вздохнула Нина.

— А знаете, у меня идея, — вдруг оживился Володя. — Нина, ты не могла бы сейчас связаться со своими родными? Вдруг да они что-нибудь знают про Платона, Журко?

— Вряд ли. У нас в семье никогда не говорили об этом. Но я попытаюсь поговорить с отцом. Все равно нужно позвонить ему, сказать, как доехала. Разрешите, Николай?

Нина переключила аппарат на междугородную линию, набрала номер. На экране видеофона появилось женское лицо, но изображение было нечетким, размытым.

— Мне Сергея Николаевича. Можно вызвать?

— А кто спрашивает?

— Дочь.

— Одну минуту. Кажется, он под водой. Но я попытаюсь вызвать его по радиотелу.

На экране замелькали пестрые тени.

— Вот повезло! — сказала Нина. — Прямо не ожидала. Обычно туда очень трудно дозвониться.

— А где это? — спросил Комаров.

— Далеко. Баренцево море. Папка там директором опытного подводного совхоза. Планктон выращивают и водоросли. Конечно, люди живут на берегу, а под водой только участки и агрегаты для вычерпывания планктона. Там...

— Вызываю, — сказал женский голос из аппарата. — Сергей Николаевич слушает.

— Слушаю, — подтвердил приятный баритон.

По экрану по-прежнему бежали быстрые волны. Радиофон далекого собеседника не мог дать изображения, но голос его Нина узнала бы из тысячи.

— Папка! — закричала она. — Здравствуй, папка!

— Нина! Вот умница, что догадалась вызвать. Ты из Омска?

— Да. Устроилась тут чудесно. Практика начинается завтра.

— С мамой говорила?

— Вчера вечером. Сразу, как приехала. Как ты там?

— У меня все в порядке. Небольшая авария была, но уже устранили. Сейчас иду отдыхать.

— А у меня к тебе просьба. Скажи, ты знаешь что-нибудь про своего дедушку? Платона Журко?

— Странный вопрос. Почему он вдруг тебя заинтересовал?

— Нет, ты ответь: знаешь что-нибудь о нем?

— Сейчас не время об этом говорить. В другой раз.

— Но мне необходимо сейчас, сегодня. Это очень важно!

— Нина, я просто не хочу об этом вспоминать.

— Вспомни, папочка! А хочешь — я напомню. Он был революционером, да? И его все считали предателем?

— Ты что-то узнала?

— Узнала. Скажи, так было?

Сергей Николаевич помолчал.

— Хорошо. Я скажу. Мой дедушка был врач. После того, как красные отступили в восемнадцатом году из Омска, он ушел в партизанский отряд. Потом... Потом распространился слух, что он выдал этот отряд врагу. Сам же дедушка исчез бесследно. Вот все, что я знаю,

— А я знаю больше! — с торжеством заявила Нина. — Знаю, что твой дедушка ни в чем не виноват. У меня есть письмо, где об этом сказано.

— Что ты говоришь! — в голосе Сергея Николаевича звучало волнение. — Не может быть!

— Совершенно точно. Письмо подлинное. Правда, в нем не все ясно. Сейчас мы решили искать документы, где обо всем говорится подробно. Мы их обязательно найдем, слышишь, папка!

— Заканчивайте разговор, — вмешался невозмутимый голос дежурной. — Совхоз срочно вызывает Москва.

— Мы еще поговорим, Ниночка! — крикнул Сергей Николаевич. — Спасибо тебе за добрую весть. А завтра вызови меня еще раз...

— Неужели он из-под воды говорил? — спросил Володя, когда экран погас. — Он что, был в скафандре?

— Нет, что ты! У них к машинным залам ведут тоннели. Там все изолировано пластиком. А он как раз был в таком зале.

— А ты жила в этом совхозе?

— Конечно.

— Интересно было бы там побывать.

— Еще бы! Ты только подумай: там гектар водной поверхности дает кормов для животных раз в двадцать больше, чем гектар самых урожайных культур. Я тебе расскажу как-нибудь о подводном земледелии...

— Товарищи, не будем отвлекаться, — строго сказал Комаров. — Из этого разговора меня интересует другое. Итак, мы получили еще одно подтверждение реальности событий, о которых говорится в письме. Ваши выводы?

— Конечно, надо приниматься за поиски рукописи! — горячо и взволнованно сказала Нина. — Конечно, надо!

— Нина, можешь рассчитывать на мою полную поддержку, протянул ей руку Володя. — Для журналиста такая тема — клад. Только не надо торопиться.

— Правильно, — поддержал Комаров. — Я предлагаю следующее: попробуйте рассуждать. Проанализируйте все данные, подумайте, с чего надо начать. А потом я кое-что добавлю.

— Начнем с имен, о которых говорится в письме, — сказал Володя. — Адресат, которого зовут, кажется, Николаем, по-моему, отпадает. Автор письма Степан — тоже. Их, конечно, давно нет в живых. Разыскивать следы Дмитрия Соснина бесполезно. Таким образом, остается только Бакенщик. Вернее, его родственники — если они есть. Но как их найти...

— Бакенщик, — наверное, не фамилия, а подпольная кличка, — заметила Нина.

— Возможно. И еще это непонятное «П». Прямо ребус какой-то!

— А по-моему, ничего сложного тут нет, — сказала Нина. Бакенщик — профессия. Раньше так называли людей, которые зажигали на реке фонари бакенов, давали сигналы для проходящих судов. Жил наш бакенщик, конечно, на берегу. Место это не должно быть удалено от города — иначе бессмысленно устраивать там потайной склад. Короче говоря, я думаю, что «П» это маленькое село на берегу Иртыша. И если посмотреть по старой карте...

— Совершенно правильно! — сказал Комаров. — Из вас, товарищ Журко, получится хороший историк. А теперь могу вас обрадовать. Дело в том, что мне удалось выяснить весьма существенные обстоятельства. Во-первых, я точно знаю, что «П» — это крохотная деревушка Падь. Вот она, видите на карте? Вернее, бывшая деревушка. Сейчас ее нет. На этом месте новый совхоз.

— А вы не ошибаетесь? — недоверчиво спросил Володя.

— Что там новый совхоз? — улыбнулся Комаров.

— Я серьезно говорю. Что «П» — именно Падь?

— Судите сами. Вот вам еще один документ...

Николай вытащил из папки выцветшие бумаги. Володя, вытянув шею, смотрел ему через плечо.

— Интересно получается, — сказал Комаров. — Эта копия доклада офицера контрразведки своему начальнику обнаружена совсем недавно — года два назад. И когда мне стало известно о найденном строителями письме, я сразу вспомнил, что уже встречал где-то упоминание о Бакенщике. Порылся немного — и вот, смотрите...

Он поднес листок к глазам и медленно стал читать:

— «По полученным мною негласным сведениям в окрестностях г. Омска по деревням и заимкам формируется сеть мелких партизанских отрядов по 10-15 человек, по преимуществу из дезертиров и беглых военнопленных. Назначение этих отрядов при наступлении красных на Омск отрезать пути отступления нашим армиям. Отряды поддерживают связь с городом.

По тем же сведениям одним из связных является крестьянин Семен Павленко, который служит бакенщиком и проживает вблизи деревни Падь в пятнадцати верстах от города. Можно предполагать, что означенный Павленко держит потайной склад оружия и нелегальной литературы. Считаю необходимым установить за ним непрерывное наблюдение. Ротмистр»... Подпись неразборчива.

— Конечно, говорится про нашего Бакенщика! — убежденно сказала Нина.

— Плохо, — вздохнул Володя. — Его, наверное, сразу же арестовали, и рукопись могла попасть в руки контрразведки. Выходит, что шансы на удачу у нас весьма незначительны...

— Нет, не выходит! — снисходительно улыбнулся Комаров. Слушайте продолжение рапорта, написанное несколько дней спустя. Оба эти листка лежали в одной папке обнаруженного нами «дела».

Он взял в руки новую страничку.

— «По агентурным данным установлено, что бакенщик Семен Павленко, проживающий вблизи села Падь, поддерживает связь между красными отрядами Омского и Тарского уездов и подпольщиками города, а также хранит у себя нелегальную литературу и оружие. Вследствие этого Павленко был арестован и обыскан, причем обыск положительных результатов не дал.

Спрошенный на дознании Павленко, не признавая себя виновным, объяснил, что к нему приезжают из города рыбаки и охотники, фамилии которых он не знает. Повторный обыск на заимке результатов также не дал. Однако имеются сведения, что Павленко успел замаскировать потайной склад, и поэтому считаю необходимым продолжать его поиски». Как видите, колчаковцы ничего не обнаружили.

— Но ведь они собирались искать дальше, — сказал Володя.

— Документ датирован октябрём девятнадцатого года, — ответил Комаров. — В то время шла подготовка к эвакуации Омска, и колчаковцам было не до каких-то спрятанных складов. Бакенщик, очевидно, был расстрелян, и вполне возможно, что тайник существует и сейчас...

— Так в чем же дело? Надо ехать на место и искать!

— Правильно! — поддержал Володя. — Я — за! Как другие?

— А мне остается только присоединиться к общему мнению, сказал Комаров. — Постараюсь убедить дирекцию нашего музея. Дадут нам металлоискатель, командируют еще несколько человек. Надеюсь, что дня через два можно будет приступить к поискам. Договорились ?

— А зачем металлоискатель? — спросила Нина.

— Склад-то скорее всего подземный. А в нем должно быть оружие. Вот металлоискатель и покажет место, где надо рыть... Не станем же мы копать наудачу! Так можно несколько лет искать, если не призвать на помощь землеройную технику. Но тут придется работать древним способом — лопатами. Дело деликатное. Можно сказать, археологические раскопки.

— А если склад спрятан глубоко? — придирчиво сощурилась Нина.

— Надеюсь, что не глубже десяти метров. А металлоискатель, которым мы располагаем, «смотрит» в землю как раз на столько. Значит, договорились — начинаем поиски через два дня?

— Долго ждать, — нахмурилась Нина.

— Долго? Вы скажите спасибо, что все так удачно получилось! А на подготовку к поискам все же требуется время.

— В самом деле, Нина, — примирительно сказал Володя. Еще какой-то час назад мы терялись в догадках, а сейчас все, как на блюдечке. Мне кажется, что рукопись Соснина у нас в руках...

— Не кажи «гоп», — улыбнулся Комаров. — А вообще-то я разделяю общую уверенность. Правильно, товарищ Журко?

В совхозе «Утро»

Никитин сидит на диване, рассеянно листает книгу, прислушиваясь к каждому шороху. Вот-вот должен позвонить Комаров. Нина тоже ждет у себя. У Комарова возникли какие-то затруднения, и он просил немного подождать. А Володе не терпится. Кажется, он готов идти пешком, лишь бы скорей все выяснилось.

Иногда его охватывают сомнения. А может быть никакой рукописи Соснина вовсе не существует? А если она и была, не истлела ли бумага в земле за столько лет? Вполне вероятно, что они найдут лишь заплесневелый подвал и жалкие клочки изъеденных мышами листков... Но возможна и такая картина. Они разыскивают рукопись, а в ней ни слова о тайне Платона Журко. Или там окажется шифр, который невозможно разгадать. Впрочем, и это для историков будет интересно...

Младший брат Володи Игорь возится у телевизора. Чудак! Другие ребята целые дни пропадают на Иртыше, а его из дому не выгонишь.

— Шел бы ты к реке, — говорит Володя.

— Успею, — возражает Игорь. И тут же спешит похвастать: Представляешь, вчера достал «Судьбу человека». У одного товарища на «Звездную дорогу» сменял. Хочешь посмотреть?

— Потом, — говорит Володя. Он тоже с интересом посмотрел бы старинный фильм, который видел последний раз очень давно, но Комаров может позвонить в любую минуту. Уж лучше подождать...

У Игоря страсть к коллекционированию фильмов. В его кинотеке уже около пятисот миниатюрных коробочек с магнитными записями. Каждый вечер он подключает к телевизору одну из них и потом сидит у экрана, переживает события прошлых лет. Мать даже советовалась как-то с врачом — не отразится ли такое увлечение на здоровье ребенка.

Наконец-то! Раздался звонок, и на экране видеофона показывается улыбающееся лицо Комарова.

— Ура, Володя! — кричит он. — Полный порядок. Через пять минут выезжаю. Только вот беда — никого в помощники не дали. Как думаешь, втроем справимся? Или еще ребят позвать?

— Не надо. Зачем людей беспокоить? А лопаты взял?

— Конечно. Не боишься мозолей? Это, брат, не статьи писать!

— Ничего, и с лопатой справлюсь. Значит, я собираюсь!

Через полчаса открытая машина мчалась по улицам. Николай сидел за рулем, а Нина и Володя устроились на заднем сиденье. Все трое молчали — каждый по-своему был взволнован.

Город кончился неожиданно. Кажется, только что высились по обе стороны дороги белые многоэтажные корпуса, и вот уже их сменила зеленая пена садов, ровные ряды низкорослых яблонь. Кое-где в листве уже рдеют поспевающие плоды.

— Эти сады тянутся вдоль всего Черлакского тракта, — сказал Володя Нине. — Лет десять назад высаживали. Между прочим, тут и мои деревья есть. У нас каждый житель города принимал участие...

— Чудесно! — радовалась Нина. — Знаете, просто влюбилась в ваши края!

Потом они свернули с бетонной автострады на асфальт проселочной дороги.

— Падь давно больше не существует, — напомнил Комаров. Здесь поля совхоза «Утро». Так что придется искать старожилов.

Машина шла совсем медленно. Комаров нарочно убавил скорость, чтобы Нина могла лучше разглядеть окрестности.

— Нет, вы только посмотрите! — совсем по-детски воскликнула она. — Это же прелесть! Вы понимаете, как это все красиво?

Серая шершавая полоса дороги медленно, словно нехотя, изгибалась вдоль крутого обрыва. Иногда она приближалась к нему почти вплотную. И тогда Иртыш был виден во всю ширь — от прибрежной полосы, покрытой рыжими хлопьями ноздреватой пены, до синих зарослей тальника на противоположной стороне. Мелкие волны суетливо толклись, искрились, но от реки веяло величавым спокойствием. Казалось, что нет на ней стремительного течения, что вся эта причудливая игра света и теней лишь мираж. Далеко впереди был крутой поворот, и поэтому река представлялась непомерно широкой. Это впечатление усиливал пушистый изумрудный остров, который разрезал ее у горизонта на рукава.

— Рыбалкой пахнет, — сказал Комаров, жадно втягивая ноздрями свежее речное дыхание. — Эх, посидеть бы сейчас с удочкой!

— А что? Это мысль, — оживился Володя. — Вот найдем рукопись...

— Не кажи гоп. Между прочим, в вопросах всех исторических раскопок я ужасно суеверен.

— А вот, наверное, и совхоз! — сказала Нина.

В нескольких километрах показались большие дома, окруженные зеленью садов. Немного левее виднелись приземистые постройки — очевидно, животноводческие помещения.

— Никогда здесь не были? — спросил Комаров. — Напрасно. Совхоз первоклассный. По последнему слову сельскохозяйственной науки. Впрочем, сейчас сами увидите.

Но заехать в совхоз так и не пришлось. Впереди на дороге появилась шестиместная машина — степной вездеход. Через минуту она была рядом. За рулем сидел загорелый до черноты светловолосый паренек.

— Здравствуйте, товарищи! — широко улыбнулся он. — К нам в гости?

— Вы из «Утра»? — спросил Комаров.

— Совершенно точно. Разрешите представиться: Вася Смирнов, агроном. Одновременно комсорг совхоза.

Узнав, что перед ним историки и журналист, Вася оживился.

— Очень рад, что вы приехали! У нас совхоз просто замечательный. Еще пять лет назад тут что было? Небольшая деревенька. Можно сказать, пустое место. А теперь? Смотрите, какие дома! Дворец культуры, зимний плавательный бассейн... А знаете ли вы, что у нас впервые в области испытываются радиокомбайны? Сегодня началась уборка раннеспелых сортов. Я вам обязательно покажу!

Вася говорил так стремительно, словно впервые за много дней встретил незнакомых людей и торопился выложить им накопившиеся новости. Его слушатели даже немного оторопели.

— Пропала экспедиция! — шепнул Нине Володя. — Этот расторопный юноша не успокоится, пока мы не увидим все местные достопримечательности...

— Может быть, вы спешите? — деликатно спросил Вася. — Но я вам прямо скажу: не посмотреть на работу радиокомбайнов преступление. Представляете, один оператор выполняет обязанности десятка комбайнеров. Конечно, вы это могли видеть в кино и по телевизору, но действительность вас просто поразит. Ручаюсь! Превосходная тема для очерка, — повернулся он к Володе.

— Я бы с удовольствием...

— Между прочим, на корреспондентов центральных газет мы в большой обиде, — проникновенно сказал Вася. — Совхоз один из лучших в стране, а заглядывают ваши товарищи к нам не часто. Конечно, у нас есть ваши собкоры-общественники, но они между нами говоря — смотрят на все как-то обыденно. Привыкли, что ли? А свежий глаз всегда лучше!

— Даю слово, — сказал Володя, — что обязательно поинтересуюсь вашими делами. Но сначала вы, комсомольцы совхоза, должны нам помочь. Мы ведь к вам не с экскурсией, а по делу.

— Помочь? Это пожалуйста! Считайте, что комсомольская организация уже мобилизована. У нас ребята — огонь!

Заметив, что Вася готов начать новый пылкий монолог, Комаров поспешил объяснить причину, которая привела их в совхоз. Пока он говорил, на лице комсорга сменилась целая гамма чувств — любопытство, удивление, восторг.

— Это же просто замечательно! — убежденно воскликнул Вася. — И вы уверены, что рукопись существует? Впрочем, я и сам ничуть не сомневаюсь. Вот вам моя рука! Можете считать, что их двести пятьдесят. Все наши комсомольцы помогут вам в поисках.

Он на мгновение задумался, смешно нахмурил выцветшие брови, а потом его лицо снова просияло.

— Нам даже не надо заезжать в совхоз. Я совершенно точно вспомнил сейчас, что бакенщик жил здесь неподалеку. Могу даже указать место. Видите — вон тот пригорок? Как раз там!

Комаров с сомнением посмотрел на зеленый холмик около обрыва. Мимо этого места они проезжали несколько минут назад.

— Не верите? — обиженно спросил Вася. — Честное комсомольское! Пять лет назад здесь была разрушенная землянка. Мы потом ее сломали. А кто-то из старожиллов рассказывал, что в ней когда-то жили бакенщики. Между прочим, последний из них уехал не так давно — лет пятнадцать назад.

— А может быть, наш бакенщик жил совсем в другом месте? предположила Нина.

— Вряд ли, — сказал Комаров. — Бакенщик обслуживает большой участок реки, и около одной деревни искать другого бесполезно. Да, пожалуй, это так и есть.

— Точно! — сказал Вася. — А сейчас у меня такое предложение. Вы поезжайте к месту, начинайте разведку! А я возвращаюсь в совхоз, поднимаю всех свободных хлопцев — и сюда. Мы мигом!

Он вскочил в машину, ловко развернул ее и, весело помахав рукой на прощание, помчался в совхоз.

— Боевой парень, — сказал Комаров. — Что ж, с таким помощником дело у нас пойдет. Думаю, что мы на самом пороге находки. Один шаг остается. Сделаем его?

Но Николай ошибся. Поиски оказались более сложным делом. И если бы не помощь комсомольцев, им пришлось бы копать очень долго.

Николай Комаров рассуждал так. Документы должны находиться в металлическом ящике, иначе трудно рассчитывать, что они могли бы уцелеть в земле. Он закопан, очевидно, недалеко от дома бакенщика. Поэтому, проверив с помощью металлоискателя окрестности, можно обнаружить предмет поисков.

Смирнов не подвел. Не успели они подготовить прибор к работе, как подкатила грузовая машина, в кузове которой было человек тридцать парней и девушек. У каждого в руках лопата. Сам Вася не приехал — его задержали какие-то срочные дела.

— Много-то вас как! — покачал головой Комаров. — Ну ничего, веселей будет.

Он поправил на голове наушники и медленно пошел вдоль берега, передвигая искателем. Почти сразу же послышалось гудение.

— Есть! — восторженно закричал кто-то.

Стараясь не выдавать волнения, Николай указал место, где следовало копать. Вокруг тотчас образовалось кольцо любопытных. Трое ребят начали усердно орудовать лопатами.

— Нашел! — снова раздался тот же голос.

Но находка не доставила радости. Из земли было извлечено ржавое ведро.

За ведром последовали и другие находки — обломок чугунной плиты, кастрюля, кусок листового железа. Комаров разбил комсомольцев на группы, и вскоре все работали.

— Никогда не думала, что можно раскопать столько хлама! удивлялась Нина.

— Люди здесь жили десятки лет, — сказал Володя. — Вот и накопилось разное. Но все это пока мало утешает...

Солнце уже клонилось к закату, когда над притихшей рекой гулко загрелили победные крики. Один из совхозных комсомольцев, маленький, рыжеволосый паренек, нашел замаскированный погреб. Сначала он раскопал смятый жестяной бидон и хотел было выбраться из ямы, но неожиданно его лопата провалилась в какую-то пустоту. Оказалось, что рядом — полузасыпанное подземелье. Раскидать глину было делом нескольких минут. И вскоре на поверхность торжественно был извлечен небольшой окованный жестью сундучок.

Подгнившая крышка с него легко слетела.

— Отойдите, товарищи! — сказал Комаров. — Попрошу не толпиться. Здесь оружие.

Все притихли. В сундучке лежали густо смазанные револьверы, круглые гранаты-лимонки, стояла жестянка с позеленевшими патронами.

— Ого! — присвистнул кто-то. — Целый арсенал...

— А рукопись? — спросила Нина, наклоняясь над сундучком.

Володя видел, как дрожит ее рука и стремительно пульсирует жилка на загорелой шее.

— Есть и рукопись! — весело проговорил Комаров. Он выпрямился и высоко поднял над головой пачку желтых тетрадных листов, густо исписанных карандашом...

Рукопись Соснина

«Настроение прескверное. Кругом — война, борьба, а я, как проклятый, пролеживаю бока. Тьфу! Землю готов грызть от злости. И главное — винить некого. Дурацкая болезнь зацепила так крепко, что не знаю даже, смогу ли вообще выбраться.

...Все-таки, кажется, я придумал себе занятие. Петрович раздобыл мне толстенную тетрадь и карандаш, буду теперь царапать помаленьку. Надо обязательно изложить удивительную историю, свидетелем которой я стал. Иначе никто не поверит. Откровенно говоря, я и сам бы не верил, если бы кто другой мне все это рассказывал. Но в будущем — не в нынешней заварухе, а лет через пять-десять — можно будет все проверить досконально. Вот тогда-то, может, и пригодятся мои записи.

Да, я сейчас — единственный живой свидетель, если не считать, конечно, Платона. Но мне с трудом верится, что он может вернуться. И поэтому надо припомнить все мелочи.

...Итак, с чего же все началось? Пожалуй, с ночного боя под Ольховкой. Нет, еще раньше. Когда прибыл из города связной. Да, он и сыграл главную роль в судьбе Платона Журко.

Наш отряд стоял в глухом урмане. Жили в шалашах и землянках. В селах старались не задерживаться. Командиром у нас был Игнат Лосев — светлая голова. Бывший омский железнодорожник. А я, прежний учитель, сделался комиссаром.

Народу в отряде было человек семьдесят. Не очень густо, но и не так мало. Беляков пощипывали. Даже о крупных операциях помышляли.

А теперь про Журко. Его в отряде любили. Знающий врач и боец неплохой. Правда, фантазер. Как начнет про будущее рассказывать — уши развесишь. Про города-сады, разные хрустальные купола, дворцы, про удивительные машины — о чем только он не говорил. И так подробно, словно все своими глазами видел. Как сейчас его вижу: сидит у костра, очки поблескивают, бородака растрепана, светлые волосы на лоб упали. Вид, прямо скажу, не воинственный. А в бою ведь совсем другой становился... Впрочем, опыт у него был. К нам он пришел не сразу, воевал сначала в другом отряде. Но потом был ранен, отлежался в деревне и к нам пристал.

Я хорошо помню ночь, когда прибыл связной. Шел дождь. Сосны шумели глухо и тревожно. И вдруг — свист дозорного. Я не спал, услышал сразу. Смотрю, ведут какого-то человека. Держится довольно уверенно.

— Мне бы командира, — говорит.

А Игнат только заснул. Не хотелось его будить.

— Я комиссар отряда, — отвечаю. — Можешь мне все выкладывать.

Зашли мы в землянку. Зажигаю фонарь, присматриваюсь. Молодой рыжеватый парнишка, вроде интеллигентного вида. Одет в крестьянское, но руки чистые, белые. Без лишних слов лезет за пазуху, достает пакет.

Что за бумаги были в пакете — не так важно. Во всяком случае, известия неплохие. Сейчас я думаю, что это обстоятельство и притупило мою бдительность. Когда у человека хорошее настроение, он не будет чересчур недоверчивым...

Связной — звали его Иваном Фоминым — оказался бойким пареньком. В доставленном им сообщении была приписка, в которой говорилось, что связной может быть оставлен в отряде. Посоветовались мы с Игнатом и решили принять его к себе. Парень охотно согласился.

На другой день разговариваю я с Платоном Журко и вижу, что доктор наш что-то слишком рассеян. Он и прежде был чудаковат, а тут совсем выглядит не от мира сего.

Спрашиваю его, в чем дело. Он мнетя. Наконец, говорит:

— Кажется, где-то я видел этого связного. А где — убей, не вспомню. Второй день мучаюсь.

— Стоит ли голову ломать, — отвечаю ему. — Ну, видел где-нибудь на улице. Оба вы из Омска. Мало ли каким образом два человека могут встретиться.

— Нет, не в том дело, — говорит Платон. — Что-то тут еще есть. Какая-то заковыка... Но не могу припомнить.

Посмеялся я над доктором и занялся другими делами. А потом этот разговор совсем забылся. И снова я, как комиссар, оказался не на высоте.

Через несколько дней прибыли мы в Ольховку. Село бедное, жители поголовно сочувствуют партизанам. Ребята рады — можно отдохнуть, выспаться как следует, почи-

нить бельишко, помыться. И хотя о беляках тут ничего не слышали, держимся все равно настороже. Посты все время начеку.

Первая ночь прошла спокойно. А на вторую будят меня. Смотрю — один наш боец. Глаза страшные, встревоженные.

— Вот, — говорит, — какое дело. Доктор-то наш сбежал!

Я даже подскочил.

— Как так?

— А вот и сбежал. Лег я, значит, во дворе, на сене. Потом вдруг проснулся. Слышу — шорох какой-то.. Присмотрелся и вижу: идет наш доктор, вроде крадется куда-то. Между прочим, одет. Сам старается держаться в тени. Потом вышел на улицу, вое так же крадучись перебежал дорогу и пропал в кустах. Подождал я немного — никого. Потом заглянул в хату, там все спят. Эге, думаю, дело неладно. И прямо сюда...

— А ты хорошо видел, что это доктор?

— Еще бы! Ночь-то лунная. К тому же он у нас один очкастый. Я так полагаю, выдаст он нас белым....

Я задумался. Бойцу велел не поднимать шума. А сам разбудил Игната, рассказал ему все. И никак мы не можем понять, что именно заставило Платона пойти ночью в тайгу. В то, что он мог струсить — не верилось. Слишком хорошо мы его знали. Да и в боях он себя героем показывал. И в то же время последние слова бойца вертелись у меня в уме. Неужели все поведение Платона было только ловкой маскировкой? Может быть, он хотел войти в доверие, а потом навести карателей на след отряда? Я осторожно высказал эту догадку, но Игнат хмурится. Не верит.

— Хорошо, — говорю, — спорить не стану. Но факт-то налицо! Что делать будем?

— Подождем. Утро вечера мудренее.

— А может, лучше поднять отряд по тревоге?

— Людей смешить? Пусть спят. К тому же сейчас искать его — что иголку в сене. Урман все скроет...

— А вдруг белые близко?

— Ерунда. А если что — посты тревогу поднимут. Доктор же все равно не знает их расположения. Он был весь вечер у раненых, а посты Фомин разводил.

Я вспомнил о недоверии, которое доктор почему-то испытывал к расторопному связному из города, но вслух ничего не сказал. Если бы я знал в тот момент, что случится через каких-то полчаса!

Мне не спалось. Вышел я во двор покурить. Стою, на луну поглядываю. Вдруг слышу — вроде выстрела где-то вдали. Прислушался — тихо. Померещилось, думаю. Долго еще стоял, потом замерз, повернулся, чтобы идти. И в тот же миг застучали со всех сторон пулеметы, захлопали выстрелы. Случилось самое страшное. В село ворвался отряд карателей.

Жаркий был бой. Но что могли мы сделать, если наши бойцы даже опомниться от сна не успели. А беляки совершенно точно знали, в каких избах спали партизаны. Подбегут к окнам — и гранатами. Не прошло и нескольких минут, как половины отряда словно не было.

Я и еще несколько бойцов залегли в канаве. Отстреливаемся кое-как. И вдруг меня словно молотом по голове. Перевернулся мир в глазах, и потерял я сознание.

Очнулся — ничего не могу понять. Лежу в каком-то сарае. Голова гудит, в ушах звон. А надо мной какая-то старушонка склонилась.

— Ожил, касатик? — спрашивает. — Слава тебе, господи!

— Где я, бабушка?

— Молчи, молчи, сынок. Солдаты ваши тебя сюда затащили. Схорони, говорят, комиссара нашего. А сами обратно.

— А бой кончился?

— Кончился, родимый. Всех ваших побили. Почитай, никого в живых не осталось. А природы-то вроде дале пошли...

Только много дней спустя удалось мне узнать, что от всего нашего отряда уцелело человек пять-шесть. С трудом добрались они до города, передали в подпольный штаб о гибели отряда. Был среди них и тот боец, который приходил ко мне ночью. От него и стало известно, будто Платон Журко предал отряд...

А тогда я был уверен, что наши погибли все. Раненых беляки добились, а пленных расстреляли. Меня же, крепко контуженного гранатой, ребята во время боя затащили в ближайшую хату. Старуха-хозяйка и ее дочь сумели спрятать меня в сарайчике, хоть и рисковали головами.

Почти сутки я у них отлеживался. А потом поблагодарил своих спасителей, собрался я на рассвете направился в тайгу. Я решил обязательно добраться до города. Пошел вдоль дороги, прямо к югу. И не успел отойти от села, как встретился на полянке с Платоном Журко.

...Не знаю, что удержало меня в тот момент от выстрела. Я много думал за эти сутки о докторе, и такая к нему ненависть поднялась, что готов был задушить его своими руками. Шутка ли — весь отряд погиб из-за одного подлеца!

Платон сидел на корточках на берегу крошечного озера, зачерпывал горстью воду и жадно пил. Его голова была повязана окровавленной тряпкой. Одежда в грязи, помята. Меня он не видел.

Сначала я ничего не почувствовал, кроме жгучей ярости. Но первая вспышка пропита, и сразу же появилось сомнение. Уж очень не походил Платон на предателя. Если бы он действительно выдал отряд, навряд ли бы я его здесь встретил. Он же должен был уехать с беляками, а не бродить по тайге, грязный и голодный. Нет, думаю, тут что-то неладно...

Вытащил на всякий случай оружие, подхожу ближе. Окликаю. Платон обернулся, узнал. На лице никакого испуга, наоборот, весь просиял.

— Дмитрий! — кричит. - Живой!

Вскакивает на ноги, торопится ко мне.

— Что с нашими? — спрашивает.

А я и не знаю, что делать. То ли на мушку его брать, то ли руку протягивать. Потом говорю сурово:

— Подожди. Рассказывай, как здесь очутился.

Доктор остановился, глаза растерянные.

— И верно, — говорит. — Вы же меня, небось, за беглеца считаете. Как я не сообразил? А дело вот в чем...

И рассказал он мне, что с ним произошло. Я сразу поверил — всем сердцем. И действительно, не ошибся. Оказывается, он все последнее время мучился одним вопросом: где раньше видел Ивана Фомина, того связного. Думал и никак не мог вспомнить. Но чем-то этот парнишка был для него подозрителен. И вот заметил Платон, что тот несколько раз куда-то отлучался. Дисциплинка у нас была так себе, поэтому отлучка бойца могла пройти незамеченной. Но доктор недаром косился на Фомина. Сначала ему не удалось проследить до конца, и он решил проверить. Ночью все улеглись, а доктор не спит. Прошло часа два — Фомин поднимается, выходит. Платон оделся быстренько и за ним. Фомин в тайгу, а он следом. В тот момент и заметил доктора боец...

— Почему же ты никому не сказал об этом? — не выдержал я.

— Сглупил, Конечно, Пинкертона из себя разыгрывать было ни к чему, но я ведь не имел конкретных доказательств. Вот и захотелось самому проверить...

И Платон рассказал мне, как он с полверсты шел за Фоминым и был свидетелем его встречи с белыми. Он услышал обрывки разговора — Фомин говорил, что все в порядке и скоро можно начинать. И тут доктор, наконец, вспомнил, где видел этого паренька. Оказывается, тот был когда-то пациентом Платона. Был он сыном жандармского офицера...

Я думаю, что настоящий связной был схвачен колчаковцами и на допросе не выдержал, рассказал все. Конечно, его расстреляли, а потом с подлинными документами к нам был направлен агент контрразведки. А по его следам послали и карательный отряд...

Когда Платон понял, что партизаны окружены, он хотел бежать, предупредить об опасности. Но его заметили. Офицер выстрелил, и пуля чиркнула Платона по голове. Доктор потерял сознание. Его, очевидно, сочли убитым. А может быть, не захотели стрелять снова, поднимать лишний шум.

А Платон пролежал больше моего. Наконец, очнулся, перевязался кое-как, побрел к селу. И тут мы с ним встретились.

Возвращаться в село было бесполезно. Там оставались белые, нас мигом бы сцапали. И мы решили или разыскать другой партизанский отряд, или добраться до Омска. Я поделился с Платоном едой, какую мне дала старушка — хозяйка сарая. Подкрепились мы, и — в дорогу.

Часа два шли без происшествий. А потом начались самые удивительные события, какие мне приходилось испытать в жизни. События настолько странные, что я и сейчас иногда думаю — а вдруг это просто игра воображения? Бывают же такие галлюцинации... И если бы не исчезновение Платона, не спящие каратели, которых я трогал своими руками, трудно было бы самому поверить в случившееся...

Мы немного сбились с дороги. Заспорили, как лучше идти. И тогда я решил залезть на дерево, осмотреть окрестности. Заодно, думаю, проверю, нет ли поблизости белых.

Выбрал я высоченный кедр. Он над всеми деревьями возвышался. Но не успел осмотреться как следует, слышу — голоса внизу. Глянул — и оторопел. Выезжает на полянку десяток конных казаков. А рядом с офицером — он, Иван Фомин.

Не один я их увидел. Не успел сообразить, как мне поступать — или спускаться, или притаиться, — слышу, выстрел.

Оказывается, Платон не выдержал. Стрелял доктор неплохо. Предатель качнулся в седле и ткнулся головой вниз.

Что тут поднялось! Крики, стрельба...

А у меня в этот момент несчастье. Стал изготавливать маузер для стрельбы и — не знаю, как это получилось — не удержал его в руке. Мелькнул он в зелени и пропал внизу. Остался я, как галка на заборе. Пока вниз спущусь, десять раз подстрелят...

А под деревом вот что происходило. Платон, очевидно, решил переменить позицию, а заодно отвлечь внимание беляков от моего дерева. Кинулся в самую чащу. Правильно сделал — лошади там не пройдут, а пешие казаки побоятся залезть.

Глянул я в ту сторону, куда он бежал, и вдруг забыл на мгновение обо всем, что происходит вокруг. Мне хорошо было видно сверху то, что деревья и кустарник скрывали от Платона и казаков. А увидел я такое, что сразу описать трудно...

Огромное непонятное тело косо торчало среди деревьев. Я не мог разглядеть его полностью, видел только верхнюю половину. Но и этого было достаточно, чтобы сказать: ничего подобного я никогда не встречал. Тело напоминало громадную темно-серую луковицу несколько удлиненной формы. Оно жирно блестело. Величиной „луковица“ была с добрый дом, а верхняя ее часть, которая заканчивалась шпилем странной формы, поднималась от земли „саженей на пять. Платон бежал прямо к этому загадочному предмету. Если он проберется через чащу на полсотни шагов, то окажется совсем с ним рядом.

Но раздумывать мне долго не пришлось. Внимание отвлекли новые события. Казаки поняли, что беглец может уйти, и открыли стрельбу. Но Платон успел добежать до толстого дерева и спрятался за его стволом. Очевидно, ни одна пуля его не задела.

И вдруг раздался Голос. Я написал это слово с большой буквы, потому что крик, который мы все услышали, не мог быть произведен человеком. Это было что-то сверхъестественное. Мне трудно даже передать свое впечатление. Голос был невероятной силы и чистоты. И в то же время это были слова. Непонятные, мягко-округлые, они даже отдаленно не походили ни на один язык, какой мне приходилось слышать. При всем желании я не мог бы воспроизвести их — просто звуков не хватит. В Голосе мне почудилась скрытая боль. Он звал, приказывал, требовал чего-то. И неудивительно, что казаки опустили винтовки, испуганно сбились в кучу. Платона я не видел, но он, очевидно, тоже растерялся.

А потом я увидел Его. И снова невольно написал так, будто имею в виду бога, хоть я убежденный атеист. Но просто трудно описывать будничными словами удивительное существо, вдруг появившееся из чащи. Он напоминал человека очень высокого роста, с совершенно круглой головой. На большом расстоянии я не мог различить лица, на котором почему-то играли солнечные блики. Непривычные пропорции тела, удивительно гибкие руки, серебристая, словно из металла, плотно облегающая тело одежда — все говорило о том, что это не обыкновенный человек. Именно ему принадлежал голос. Это я сразу понял.

К сожалению, мне так и не удалось разглядеть странного незнакомца. Он сделал несколько неуверенных шагов, и густые ветви скрыли его. Но через минуту я увидел его снова. Только на этот раз он уже не шел, а бессильно повис на руках Платона. Хорошо помню, что в тот момент я очень удивился, почему доктор, не очень-то сильный физически, нес его, как малого ребенка.

Я до сих пор не могу понять, что именно произошло. Скорее всего

шалая пуля ранила незнакомца. Я так и не знаю, как его называть. Мне просто трудно подыскивать для него определения, потому что, повторяю, он не был обычным человеком. В этом я убежден. А доктор увидел раненого и, забыв обо всем, бросился ему на помощь. Но может быть, все случилось иначе, не знаю.

Колчаковцы, наконец, опомнились. Кто-то из них снова выстрелил. Кто-то побежал за доктором. И тут произошла новая неожиданность. Передний казак вдруг споткнулся и рухнул, как подкошенный. За ним свалился другой, третий. Через несколько секунд все каратели, каких я только мог видеть, лежали в траве.

Нет, я больше не мог оставаться безучастным свидетелем. Я полез вниз, обдирая руки, царапая ветками лицо. Голова просто гудела от впечатлений. Порой происходящее казалось сном. Я уже не думал о том, что прямо под моим деревом лежало несколько казаков, и они в любой момент могли подняться. Мне хотелось узнать разгадку необыкновенных событий.

Но едва я коснулся земли, как увидел, что серая «луковица» словно вырастает из окружающей ее зелени. Верхушка выпрямилась, теперь она нацелена в зенит. Мгновение — и «луковица» повисла над деревьями. У нее нет крыльев, не заметно никакого двигателя. Не слышно ни малейших посторонних звуков. Словно надутый водородом шар (а может, так оно и было?). Она поднимается все выше и выше. И вдруг — ослепительная беззвучная вспышка хлестнула меня по глазам. Серая тень мелькнула в вышине и исчезла. Остались только удивленно шумящие сосны, залитая солнцем поляна, неподвижные фигуры солдат на траве. Да чистое безоблачное небо. Словно и не было никогда загадочной «луковицы», серебристой фигуры и необыкновенного Голоса...

Казаки оказались живыми. Они спали. Спали глубоким сном, некоторые даже храпели. Интересно, что спали и лошади. Только один человек был мертв. Это был Иван Фомин, убитый доктором...

Ни малейших признаков таинственной «луковицы» и ее хозяина я, конечно, не обнаружил. Только трава на полянке, среди которой совсем недавно высилась серая громадина, была сильно примята. Я нашел и следы Платона. Они шли сквозь чащу и исчезли на краю поляны. Казалось, что мой товарищ загадочным образом вознесся в небо...

Я долго бродил вокруг, но по-прежнему ни на шаг не приблизился к разгадке. Казаки все спали. Их можно было перестрелять, но рука не поднялась. Я лишь вытащил из их винтовок затворы, собрал все патроны и утопил в ближнем болотце. Потом подумал и старательно связал каждому руки и ноги. А сам набил сумку едой, запасся лишним револьвером, патронами и пошел на юг, к Омску...

Как я узнал гораздо позже, на спящих карателей наткнулись на следующий день партизаны другого отряда. Они немало дивились, но так ничего и не поняли. Беяки стали просыпаться лишь к вечеру, проспав, таким образом, больше суток. И что удивительно — ни один из них не мог объяснить, почему он вдруг заснул. События последнего дня выветрились у них из памяти. Дальнейшую судьбу этих казаков я не знаю. Но можно предположить, что никто из них (если, конечно, они остались в живых) так никогда и не вспомнил удивительных событий на лесной поляне...

Досказать мне остается немного. Я добрался до города, но тут свалила болезнь. Сейчас приходится отлеживаться и чувствую — до выздоровления далеко. А может, и не вытяну. Словом, дело худо. Про свои приключения еще никому не рассказывал. Боюсь, сочтут за сумасшедшего. Но если появится кто из хорошо знакомых ребят, надо все объяснить. Главное меня тревожит — Платона считают предателем. Мне рассказал об этом Петрович, он же сообщил, как были найдены спящие каратели. Старик — прямо ходячая энциклопедия всех подпольных новостей. Жаль только, что многое нельзя записывать, а то получилась бы увлекательная книга.

Как я сам расцениваю события, свидетелем которых оказался? В чудеса я не верю. Померещиться это тоже не могло. Объяснение напрашивается только одно...

Мы, жители Земли, не исключение во Вселенной. Еще Джордано Бруно утверждал, что есть бесчисленные миры, населенные разумными обитателями. Так стоит ли удивляться, что где-то, на одной из далеких планет, жизнь достигла большего расцвета, чем у

нас, и наши братья по мысли научились строить летательные аппараты, способные преодолеть миллиарды верст пустоты?

Да, я убежден, что это был житель какого-то иного мира. Он прилетел к нам с Марса, Венеры или, может быть, из еще более дальних краев. Прилетел в гости, как вестник мира и разума. А его встретили пулей. Но кто мог знать, что он попадет в такую заваруху? Объяснить, почему он опустился в глухой тайге, почему так быстро улетел обратно, какой был двигатель у его корабля — не могу. Впрочем, совсем ни к чему строить разные догадки. Я старался писать только о фактах и не буду лезть в дебри предположений.

Я уверен, что Он или Они вернутся. Платон улетел с ним, и они найдут общий язык. Мыслящий человек всегда поймет брата по разуму. И если доктор выдержит необычные условия путешествия по Вселенной, он расскажет жителям другого мира о Великой революции, о том, как трудно завоевывали люди свое счастье. Платон окажется достойным представителем человечества, и Им не придется думать о людях плохо...

Когда они могут вернуться — гадать не стану. Хотелось бы, чтобы это произошло после мировой революции. Она не за горами. Надо очистить землю от разной погани, тогда мы не будем краснеть перед гостями. Очень хотелось бы дожить до этого времени! Но пусть мне и не придется... Я верю, что другие люди — обязательно хорошие, настоящие люди — пожмут руку гостю в серебряной одежде. Они встретят его на этот раз цветами. Это обязательно будет!»

Кто он ?

— И все-таки верится с трудом, — сказала Нина. — Как хотите, товарищи, а я сомневаюсь.

— Ты же по-моему, больше всех верила в эту историю, улыбнулся Володя.

— Правда, верила. А сейчас, когда нашли рукопись... Понимаете, уж слишком необычно все это. И я начинаю думать: а вдруг на самом деле было не так?

— Короче говоря, Соснина нельзя считать авторитетным источником?

— Нет, не то.

— Тогда и я что-то понимаю, — сказал Комаров.

— Соснин писал совершенно искренне. Но мог же он заблуждаться? У меня подруга учится в медицинском, и она рассказывала, что есть такие психические заболевания, когда человеку кажется, что он ясно видит совершенно невероятные вещи. И сам он в них верит. Могло же так быть, правда?

— Нина, в медицине и я немного смыслю, — возразил Комаров. — Во-первых, все галлюцинации связаны в какой-то степени с окружающими реальными явлениями. Поэтому в начале нашего века космический путешественник никак не мог возникнуть в больном воображении человека. Не было, так сказать, базы. Согласись, что в те времена о подобных вещах никто даже не думал. А во-вторых, не надо забывать про спящих казаков. Их же и другие видели!

— Да что ее убеждать, — нетерпеливо сказал Володя. — Она просто хочет лишний раз услышать доказательства.

— Может быть, — согласилась Нина. — Но ведь это не так просто укладывается: учетные спорят о жизни на других планетах, а тут, пожалуйста, — живое доказательство!

— Положим, не живое, — сказал педантичный Комаров. — Но вполне реальное... Да, не зря мы помучились над этими бумагами!

Действительно, поработать пришлось немало. Годы сделали свое: бумага рукописи отсырела, слиплась, и карандашные строки можно было разобрать с большим трудом. Поэтому тогда в совхозе Комаров даже никому не позволил дотронуться до рукописи. Он с величайшей осторожностью положил ее в полиэтиленовый пакет и объявил, что немедленно выезжает в лабораторию. (По старой памяти ее называли криминалистической, хотя она в основном служила историкам). Володя, выполняя свое обещание, остался в совхозе еще на день. Впрочем, Комаров заверил его, что на расшифровку потребуется дня три, не меньше. На самом же деле ждать пришлось почти неделю.

И вот, наконец, Комаров появился у Володи дома. С ним приехала и Нина, которая все последние дни усердно занималась расшифровкой. «Прекрасная практика, — говорил ей Николай. — Не каждому так везет». Нина была согласна с ним.

Комаров прочитал перепечатанную на машинке рукопись. Сначала все молчали. А потом заговорили наперебой...

— Завтра вечером я высылаю в (редакцию свой репортаж с приложением копии Соснинской рукописи, — сказал Володя. Информацию уже дали — видели? Теперь дело за подробностями. Вот сенсация будет!

— За день напишешь? — спросила Нина.

— Конечно. Тема-то какая! Опомниться не могу! К тому же я уже кое-что набросал. И про совхоз написал, как с Васей договорились. Так-то, историки! Это вам не в архивах копать!

Но Комаров не обратил внимания на дерзкий выпад.

— Ты дай мне почитать свой труд, — сказал он. — А то еще поднапутаешь чего-нибудь...

— Пожалуйста! Между прочим, у нас закон: любой материал показываем специалисту. Так что я и без всякой просьбы показал бы.

— А мне покажешь? — спросила Нина.

— Тоже как специалисту? — не удержался Володя от ехидной реплики.

— До специалиста мне далеко. Так, из любопытства.

У Нины было замечательное качество — никогда не обижаться. Ее простота и доверчивость обезоруживали. Володя мысленно назвал себя свиньей и дал слово никогда не смеяться над этой милой девушкой. А вслух сказал:

— Я отпечатаю три экземпляра. Два для вас. Завтра после обеда позвоните, скажу, когда зайти.

— Так какую же гипотезу ты выдвигаешь? — спросил Комаров.

— Об этом пусть ученые спорят. А я, как писал Соснин, в дебри не буду забираться. Тут и без этого материала хватит.

— А все-таки, кто он? — спросила Нина. — Откуда он прилетел?

— Конечно, Марс и Венера отпадают, — сказал Володя. — Сегодня об этом можно судить уверенно, Остается одно — другая планетная система.

— Тогда и гадать бесполезно, — махнул рукой Комаров. Звезд на тебе много.

— Не так-то уж и много. Если допустить, что космические гости прибыли от одной из ближайших к нам звезд, круг поисков очень сужается. В окрестностях Солнца астрономы насчитывают, если я не ошибаюсь, немногим более сорока звезд. А планетные системы, на которых возможна разумная жизнь, могут оказаться всего у двух звезд — эпсилон Эридана и тау Кита. Как видите, выбор небогатый.

— Постой, постой, — вспомнил Комаров. — Я, кажется, что-то читал... Кажется, еще в начале шестидесятых годов к этим звездам посылались сигналы радиотелескопов, и делалось это для того, чтобы сообщить возможным жителям иного мира о жизни на Земле. Правильно! Так и было.

— Я тоже читал об этом. А кроме того, где-то попадалось мне сообщение, что ученые несколько раз принимали из космоса загадочные радиосигналы, которые так никто и не смог расшифровать. А не могли это оказаться сообщения, направленные нам в ответном порядке?

— Сейчас и не о таком можно подумать, — улыбнулся Комаров. — Только успевай фантазировать...

— А знаете что я думаю? — мечтательно сказала Нина. Вдруг мой прадедушка еще жив? Вы только представьте: в один прекрасный день опускается около нашего города такая «луковица» и оттуда выходит Платон Журко собственной персоной. Вот здорово будет, правда? Интересно, что бы он сказал о нашей жизни?

— Теоретически такая встреча возможна, — согласился Володя. — Если космический корабль прилетел от другой звезды, он может развивать скорость, близкую к скорости света. Значит действуют законы, вытекающие из теории относительности Эйнштейна. Время на звездолете как бы сожмется по сравнению с земным. У нас уже прошли десятилетия, а эти космонавты прожили, возможно, лишь по несколько месяцев или даже дней. И вместе с ними — твой прадед.

— А нельзя ли подсчитать, когда можно ждать возвращения этого корабля? Хотя бы приблизительно?

— Нет, конечно. Во-первых, необходимо точно знать скорость корабля. А во-вторых, все-таки неизвестно, откуда он прилетел. Что если от такой звезды, полет к которой по земному времени будет продолжаться столетия? Может быть, сейчас этот корабль не пролетел и десятой доли своего пути и по-прежнему удаляется от нас. Гадать тут можно сколько угодно.

— Между прочим, — заметил Комаров, — даже сейчас можно представить, каким был этот корабль. В рукописи есть на этот счет точные указания.

Володя быстро перелистал страницы.

— «Тело напоминало громадную темно-серую луковицу... Величиной с добрый дом...» Это?

— Нет, я имею в виду другое. Найди место, где говорится об отлете.

— Сейчас. Ага, вот. «...Увидел, что серая «луковица» словно вырастает из окружающей ее зелени. Верхушка выпрямилась, теперь она нацелена в зенит. Мгновение — и

«луковица» повисла над деревьями. У нее нет крыльев, не заметно никакого двигателя. Не слышно ни малейших посторонних звуков. Словно надутый водородом шар (а может, так оно и было?), она поднимается все выше и выше».

— Ясно? — спросил Комаров.

— Конечно. Гравитационный двигатель.

— Работающий на силе тяготения? — опросила Нина.

— Он самый. Мы, к сожалению, о нем только мечтаем. А они давно построили. Вот бы с кем познакомиться! Завидую я твоему прадедушке!

— А про какую вспышку говорится потом? — спросила Нина, заглянув в рукопись через плечо Володи.

— «Ослепительная беззвучная вспышка... Серая тень мелькнула и исчезла...» Гм. Пока судить трудно. Меня смущает слово «беззвучная». Очевидно, это не начало работы реактивного двигателя, потому что тогда была бы звуковая волна. Скорее всего, просто какой-то световой сигнал. Хотя кто его знает...

— А перегрузки? — вспомнила Нина.

— На таком корабле о них не может быть и речи. В жилых районах наверняка создано искусственное поле тяготения, с постоянным ускорением свободного падения. Тогда экипажу не страшны никакие перегрузки.

— Ты говоришь так уверенно, будто уже летал на этом корабле, — улыбнулся Комаров. — А вообще-то, ты прав. Я тоже немного интересуюсь проблемой космоса, читал о подобных вещах. Меня только удивляет, почему Космонавт был один. Пускаться в подобный рейс в одиночку — по меньшей мере безумство.

— Я другое не могу понять, — сказал Володя. — Судя по всему, у них должны быть совершенные автоматы. Зачем ему было самому соваться в незнакомое место? Разве не проще было послать киберразведчика? Лететь одному и идти на такой риск? Странно!

— А может быть, это и был робот? — предположила Нина.

— Вряд ли.

— Вопрос остается открытым, — сказала Нина. — А вот еще один: зачем нужно было садиться в таком диком месте, среди тайги?

— Это понятно, — уверенно заявил Володя. — Какая-нибудь авария. Мог отказать один из автоматов, управляющих посадкой. И я вот что еще думаю. Эта «луковица» могла быть одноместной разведывательной ракетой. А сам корабль оставался на орбите спутника. Тогда понятно, почему Космонавт был один. Кстати, аварией можно объяснить и его выход из своей ракеты. Стал что-нибудь исправлять, а его в этот момент и стукнуло шальной пулей.

— Он закричал на своем языке, — подхватила Нина. — А потом сам побежал к людям. И тут потерял сознание... Правильно, так и было!

— Нина, историк должен быть бесстрастен, — наставительно сказал Комаров. — Эмоции — дело его, — кивнул он на Володю. — А нам подавай факты, факты.

— Но могло же так быть?

— Могло, конечно. Только мне не совсем ясно, почему этот корабль, приняв на борт человека с Земли, сразу улетел обратно.

— А может быть, он еще раз где-нибудь приземлился?

— Об этом бы было известно. Нет, он улетел назад. А почему? Словом, сколько мы ни будем рассуждать, загадок не убавится. Все равно дальше гипотез дело не пойдет.

В этот момент в дверь заглянул Игорь.

— Вова, к аппарату! — крикнул он. — Москва!

Володя извинился и вышел. Через несколько минут он вернулся, радостный и растерянный.

— Ничего не понимаю, — сказал он. — Звонили из редакции. Велели немедленно вылетать вместе с рукописью. Странно. Зачем это я понадобился? Не помню случая, чтобы у нас вызывали отпускников...

Лицо у Нины стало скучным.

— Значит, так и не прочитаю я твоего очерка до того, как он будет в газете. Жаль!

Эффект присутствия

Никитин жил на космодроме третий день, и все никак не мог опомниться. Иногда происходящее казалось ему сном. Совсем недавно он думал о полете в космос как о далекой, неосуществимой мечте. А сейчас стал равнодушным участником экспедиции к лунному кратеру Циолковский. Да, поверить в это не так-то просто!..

Когда Володя летел в Москву после неожиданно прерванного отпуска, он, конечно, не подозревал, что события смогут повернуться таким образом. Самые смелые предположения не шли дальше встречи с президентом Академии наук или статьи на страницах «Правды».

Первым человеком, которого Володя встретил в редакции, был Тепляков. Он засуетился, забегал вокруг Володи, и вид у него был такой, словно он знает интересный секрет, но не имеет права его выдавать. В конце концов он не удержался, сказал таинственным шепотом:

— С тебя, старик, причитается. Считай, что дико повезло. Фантастика! Иди скорей к редактору, он, кажется, у себя.

Еще ничего не понимая, Володя отправился в кабинет редактора. Тот сидел за своим столом, просматривал почту.

— Садитесь, Никитин, — сказал редактор и как-то странно посмотрел на Володю. — Наверное, отдохнуть не успели?

— Пустяки. Готов к любому заданию.

— Это хорошо. Тем более, что задание не совсем обычное. Мы тут кое с кем посоветовались и решили предложить вашу кандидатуру, — редактор сделал большую паузу, — для включения в состав экспедиции, которая примерно в ноябре должна отправиться к лунному кратеру Циолковский.

Володе показалось, что он ослышался.

— Меня? — неожиданно охрипшим голосом переспросил он.

— Да, вас. Признайтесь, мечтали об этом?

— Конечно! Кто из нас не мечтает! Но почему...

— Неужели не догадываетесь? Помогла ваша омская находка. Кстати, сегодня вам нужно быть в Комитете по освоению космоса. Найденная рукопись у вас с собой?

Володя показал свою золотистую папку.

— Здесь и расшифрованный текст и оригинал. Еле выпросил у омских историков.

Редактор кивнул.

— Правильно. Наши ученые — народ недоверчивый, дотошный. Их убедить трудно. Сами увидите, когда побываете на дискуссии. Да, Дроздов взбудоражил многих...

— Дроздов? Профессор?

— Да, тот самый профессор, у которого вы не так давно брали интервью. Между прочим, это он настоял на том, чтобы вас ввели в состав экспедиции. Говоря по секрету, были и другие, не менее достойные кандидатуры. Но Дроздов сказал, что лететь должен тот, кто отыскал ключ к тайне кратера.

Володя вспомнил моложавое лицо ученого и удивился, как это он тогда мог плохо подумать о профессоре. Конечно же, Дроздов удивительно симпатичный человек! Но о каком ключе идет речь?

— Предположение профессора Дроздова, — продолжал редактор, — наделало много шума. Видите ли, он высказал мысль, что загадочные сигналы, отмеченные в районе кратера Циолковский, — не что иное, как действие автоматической аппаратуры, оставленной на Луне космическим кораблем, который прилетел к нам из глубины Вселенной в 1919 году. Короче говоря, между непонятными сигналами на Луне и вашей находкой есть самая прямая связь. А поскольку речь идет о несколько необычной цели экспедиции, мы добились у правительства разрешения послать на Луну своего спецкора. Так что сможете проверить на месте, прав ли автор рукописи. Надеюсь, ваша кандидатура будет утверждена всеми комиссиями. Здоровье у вас, кажется, подходящее. Не последнюю роль играет и ваше инженерное образование. В экспедиции работать придется каждому, там нельзя быть простым наблюдателем.

— Правда, я многое забыл...

— Не беда, вспомните. Кроме того, вам предстоит пройти курс специальной подготовки. Если, повторяю, не забракует медицинская комиссия, через неделю вам придется поехать на космодром, где начнутся тренировки. Да, может быть, вам еще нужно время для размышления? Не буду скрывать — такая командировка связана с серьезным риском. Может быть, даже для жизни. Имейте в виду: никто вас не неволит, можете и отказаться.

Но Володя посмотрел на редактора таким взглядом, что тот только засмеялся. Потом встал из-за стола, подошел к будущему космонавту и похлопал его по плечу.

— Ну, как говорится, ни пуха ни пера!

...И вот Володя живет на космодроме. Первые три дня он ничего не должен был делать, если не считать занятий гимнастикой.

— Пока будете, так сказать, вживаться в роль, — сказал ему при первой встрече начальник подготовки Карпенко. Присматривайтесь, знакомьтесь. А через три дня — извините буду спрашивать с вас не меньше, чем с других. А может быть, даже больше.

Он сердито нахмурил рыжие брови, но в глубине его светлых, словно выгоревших на солнце, глаз Володя уловил насмешливое любопытство.

Время шло удивительно быстро. Обилие впечатлений оглушило даже привычного Володю. До сих пор космодромы он видел только в кино да читал о них в газетах. Но он твердо знал: любой из его товарищей, не раз писавший репортажи о стартах космических кораблей, о буднях космонавтов, испытал бы на его месте такое же острое, захватывающее дух чувство новизны. Ведь одно дело быть посторонним наблюдателем и совсем другое — непосредственным участником событий...

Для Никитина был разработан индивидуальный курс подготовки. Ему даже неудобно делалось, когда он думал, сколько людей будет занято его персоной. И каких людей! Инженеры, селенологи, медики — многие из них с мировыми именами. Ему придется основательно изучить устройство планетолета, пройти трудные тренировки, которые предусматривают и сурдобарокамеру, и центрифугу, и тренировочные полеты, и прыжки с парашютом. А он-то сначала думал, что будет лишь бегать с блокнотом да расспрашивать...

С участниками будущей экспедиции Володя познакомился сразу же после приезда на космодром. Собственно говоря, знакомиться пришлось только с Костровым и Чумаком. Командира экипажа Андрея Федоровича Соколова он уже знал. Правда, их встреча была недолгой, а разговор — официальным. Но мог ли тогда Володя думать, что сам вскоре сможет полететь на Луну вместе с этим прославленным космонавтом?

Члены экипажа встретили его дружески, приняли как равного. И это сразу же придавало новые силы, вселило уверенность. Теперь у него одна задача — оправдать этот щедрый залог.

Поселили Володю в аккуратном двухэтажном домике, который стоял неподалеку от реки. Из окна хорошо было видно стальную синеву излучины, зубчатую стену леса на другом берегу, рыжие песчаные откосы. Иногда ему даже казалось, что нет рядом никакого космодрома, что он просто приехал отдохнуть в село и живет там, занимаясь рыбалкой. Но стены вздрагивали от свирепого рева ракетных двигателей, и эта идиллическая картина исчезала.

Володя отложил учебники, достал из своей золотистой папки толстую тетрадь в мягкой пластмассовой обложке. Это был дневник, который он начал вести всего три дня назад — сразу же после того, как прибыл на космодром.

Володя написал всего несколько фраз, как услышал звонок видеофона. На экране появилось лицо Кострова. Изображение было неустойчивым, — наверное, вблизи находился мощный источник помех. Зато голос звучал вполне отчетливо.

— Не соскучился без меня? Слушай, узнал новость. Сегодня у нас будет Большой театр. Опера «Руслан и Людмила». Не веришь? Совершенно достоверно!

— Не понимаю, — растерянно сказал Володя. — Какая опера? И где? В нашем клубе ведь им не разместиться...

— Еще как поместятся! И хор, и оркестр, и чистое поле. «О поле, поле, кто тебя усеял мертвыми костями?» — последние слова Костров пропел.

— Брось шутить.

— Чудак, я и не думаю тебя разыгрывать. Звоню для того, чтобы ты заранее подготовился. Пожалуй, об этом можно написать целую статью.

— Рецензию?

— Нет, статью. Видишь ли, Большой театр, конечно, сейчас в Москве и в то же время мы увидим его тут. Вот про это и напишешь.

— Удивил! — разочарованно сказал Володя. — Обыкновенная релейная трансляция. Костров радостно засмеялся.

— Ничего-то ты не знаешь, товарищ журналист! Про полный эффект «присутствия» слышал?

— Ну?

— Вот тебе и ну. Построена экспериментальная установка. И первая опытная передача будет показана для нас. Видишь, как это выгодно — быть на ты со звездами!

Володя вспомнил. В научных журналах да и у них в газете не раз писалось о том, что разрабатывается новый метод трансляции передач. И цветное, и объемное телевидение все-таки не могли полностью удовлетворить зрителя. И хотя кинотеатры доживали свой век — телевизор в любом доме стал таким же обычным, как электрическое освещение — концертные залы и театры всегда были переполненными. Любители искусства предпочитали видеть и слышать живых артистов, а не их отражения. И вот группа молодых ученых взялась за решение интересной задачи: создать такую систему трансляции, чтобы у зрителя, как бы далеко от театра он ни находился, оставалось ощущение присутствия в зале, где шел спектакль.

— Так не забудь! — напомнил Костров. — Начало в восемнадцать часов. Ты человек свободный, поэтому тебе общественное поручение: обеспечить лучшими местами всю нашу команду.

— Договорились! — сказал Володя.

Клуб космодрома был небольшой, мест на двести. Концерты и спектакли здесь проходили часто, но зрителей обычно собиралось немного. И не потому, что не находилось любителей театрального искусства — просто не каждый мог выкроить свободный вечер. Случалось, что и во время действия кое-кому приходилось осторожно пробираться к выходу. Артисты не обижались. Они знали, что космонавты подчинялись жесткой дисциплине, что каждая минута была у них на счету. И не по собственному желанию приходилось человеку покидать зал в самый интересный момент...

Но на этот раз свободных мест в клубе почти не осталось.

— Начальство проявило гуманность, — сказал Костров Володе, усаживаясь рядом с ним. — Даже несколько полетов перенесли по такому поводу. Удивительно, но факт!

Володя с любопытством смотрел на сцену. Выглядела она необычно. Привычный занавес был снят со сцены. Вместо него с потолка свешивался голубовато-серебристый экран. Он казался подвижным, словно непрерывно стекал вниз, струясь и переливаясь. Вдоль ramпы вытянулся длинный и узкий блестящий ящик. Из боковых лож смотрели на сцену слепые глаза каких-то многочисленных странных прожекторов, установленных на сложной системе кронштейнов. Аппаратура казалась бутафорской, напоминала декорации фантастической пьесы.

Свет погас. И тотчас взметнулась, плеснула широкой волной увертюра, захлестнула зал. Одновременно стали возникать из пустоты тяжелые складки красной с золотом парчи. Еще несколько секунд — и на месте струящегося экрана повис знакомый всем традиционный занавес Большого театра. Аплодисменты даже заглушили музыку — такой ре-

альной до малейших подробностей оказалась эта картина. Было просто невозможно поверить, что все это — лишь иллюзия, оптический эффект...

Занавес мягко раздвинулся, и аплодисменты вспыхнули с новой силой. Скромная клубная сцена вдруг намного раздалась в ширину и глубину, превратилась в роскошные княжеские палаты. Началось первое действие оперы. Декорации, костюмы, лица актеров, тончайшие световые оттенки — все было настолько реальным, что Володя никак не мог избавиться от ощущения, будто он чудом снова очутился в Москве, среди зрителей Большого театра. Он даже тряхнул головой, словно отбрасывая какое-то наваждение. Но нет, все осталось по-прежнему. Гремела свадебная песня, перебирали струны седые гусли, высоко поднимали кубки гости...

Кажется, стоит лишь пройти вперед — и можно коснуться любого из актеров. Ну как убедить себя, что на самом деле сцена, декорации, артисты находятся за многие сотни километров?

Володя украдкой бросает взгляд на соседей. Восторженные глаза Кострова, застывший угловатый профиль Чумака, непривычная задумчивая улыбка на лице Соколова. Потом кто-то незнакомый, а за ним... Этот взгляд исподлобья, эту тугую прядь, упрямо упавшую на глаза, он может узнать мгновенно. Она!

Мелькнула мысль — а может быть, и это только эффект присутствия? Может быть, сюда проектируется часть зала театра, и она сидит там? Но нет, техника тут ни при чем. Вон, немного подалее, летчик, которого он почему-то заметил перед началом оперы.

Володя уже не видел, что делается на сцене... Кажется, весь мир сосредоточился для него в этом девичьем лице, почти неразличимом в полумраке зрительного зала.

Но как она здесь очутилась? Ведь всего неделю назад он писал Гале в Казахстан — правда, не рассчитывая, как всегда, на ответ...

— Замечательная ария, верно? — шепнул Костров.

— Не ждал, — рассеянно сказал Володя.

— Что же ждал? Да ты куда смотришь?

Сзади зашикали. Костров перехватил Володин взгляд, хмыкнул и замолчал.

Окончилось первое действие. Поплыл, сближаясь, занавес, и в клуб ворвался шум далеких аплодисментов — оттуда, из Большого театра. Потом оператор, следящий за аппаратурой, отключил звук, но тишина в зале не наступала. Зрители, поднявшись с мест, дружно хлопали в ладоши. Не артистам, которые, конечно, не могли их слышать, а инженерам, создателям нового вида трансляции.

Галя поднялась, привычно — таким знакомым и милым жестом — отбросила со лба волосы и вместе с подружкой, высокой блондинкой, вышла в фойе. А Володя все сидел на месте...

Потом он все-таки вышел вслед за Костровым. Сергей оживленно рассказывал ему об устройстве аппаратуры, стараясь говорить как можно популярнее. Но Володя слушал плохо.

— Тебе что, понравилась эта девушка? — просто и бесцеремонно спросил Костров, перехватив взгляд Никитина.

— А ты знаешь ее?

— Конечно. Кого я тут не знаю? Галя Карева. Прибыла к нам недели две назад. Инженер-механик. Работает в четвертой насосной. Что еще? Веселая дивчина. Превосходная спортсменка. Кажется, характеристика достаточная...

— Мы учились с ней вместе, — сказал Володя. — И я... Словом, мы хорошо знакомы.

— Вот в чем дело! А я-то подумал... Так что же ты сидишь? Пойдем к ней! Небось, обрадуется встрече.

— Не надо. Потом. Видишь, это для меня не так просто...

Костров понял по-своему.

— Совсем забыл! — сказал он фальшивым тоном. — Мне надо с Чумаком об одном деле поговорить...

— Не убегай, Сережа. Мне одному совсем не подойти к ней.

И, словно боясь, что Сергей может не дослушать и уйти, он заговорил — быстро и взволнованно:

— Она училась на другом факультете и двумя курсами младше. Я часто видел ее, но подойти не решался. Потом узнал ее адрес и написал письмо — длинное и невероятно глупое... Однажды встретил ее в метро. Шел рядом и чувствовал себя последним дураком в мире. Даже слова не мог из себя вытянуть. И знаешь, с того времени я очень любил этот старый переход он ведет к станции «Площадь Свердлова». Белый такой, светлый, и идти по нему хорошо — под уклон. Часто потом туда приезжал, и как иду — о ней думаю... В институте ее встречал — то в столовой, то в коридоре. А что толку? Поздороваемся и все. Снова стал писать письма. На бумаге у меня здорово иногда получается, я только говорю неважно. Но ответа не было... Потом я окончил институт, уехал на Урал. Писал ей каждую неделю, и опять без ответа. А когда меня перевели в Москву, узнал, что она уехала по назначению — в Казахстан. Опять писал ей, и снова молчание. И вот — эта встреча. Понимаешь, что я сейчас чувствую?

— Понимаю. И думаю — тебе нужно с ней поговорить. Что письма, письмами все не скажешь.

— В следующий антракт я обязательно поговорю с ней, — тихо сказал Володя.

Возможно, со стороны кому-нибудь могло показаться странным, что Володя так легко стал рассказывать о самом сокровенном. Ведь он знал Кострова так мало! Но Сергей с первой же встречи показался Володе человеком, который всегда правильно поймет товарища.

Сам открытый и доверчивый, он вызывал к себе такое же отношение...

Но разговор не состоялся. Во время второго действия Галя неожиданно поднялась и, низко опустив голову, торопливо пошла к выходу. Только много дней спустя Володя узнал, что она получила вызов по своему карманному радиофону. На насосной станции, где работала Галя, произошла авария, и потребовалось срочное вмешательство механика. Но тогда Володя почему-то решил, что она просто не захотела с ним встречаться, даже пожертвовала из-за этого спектаклем. И он дал себе слово не быть больше назойливым. К тому же на следующий день начались тренировки...

Накануне

Профессор Дроздов прилетел рано утром. Володя занимался гимнастикой на спортивной площадке, когда у него над самой головой зарокотал турболет. Круглая серебристая машина вынырнула из рассветной мглы, повисла в воздухе и мягко опустилась неподалеку от дома, на бетонированной дорожке. Из нее легко выпрыгнул высокий человек в теплом голубом комбинезоне Космической службы. Его непокрытую голову венчала копна русых кудрей.

Никитин сразу же узнал профессора. Он сделал последний поворот, точным и красивым движением соскочил на смерзшиеся опилки. Очень хотелось сразу же подойти к профессору Дроздову, но Володя заставил себя пробежать вокруг площадки и проделать весь комплекс дыхательных упражнений. Пусть знает научный руководитель экспедиции, что режим дня стал для его нового подчиненного железным законом...

Дроздов ожидал на веранде.

— Здравствуйте, здравствуйте, товарищ спецкор, — приветствовал он Никитина. — Тренируетесь? Ну, а как центрифуга? Крепко досталось?

— Крепко, — улыбнулся Володя. И тут же не удержался, похвастался. — Но я выдержал шестикратную.

— Шестикратную? — притворно изумился профессор. — Ах, варвары! Никакого снисхождения к новичкам. Задам же я им!

— Первые космонавты не на таких перегрузках тренировались, — с обидой сказал Володя.

— Им нужно было. А на современных ракетах больше тройной не бывает. Впрочем, все это вы и без меня знаете. М-да... Так вы, значит, как говорят спортсмены, в форме? Готовы лететь? Или страшновато?

— Готов, Виктор Иванович, — сказал Володя. Ему даже захотелось отодвинуться от профессора, чтобы тот не услышал, как бешено застучало его сердце.

— Вот и хорошо. Конечно, волнуется, но иначе не бывает.

— Заходите к нам, Виктор Иванович.

— Спасибо. Я сюда мимоходом. А сейчас спешу, извините. Да, вечером в семнадцать ноль-ноль прошу к Соколову. На «генеральный совет». Ясно?

Он весело подмигнул Володе и пошел к своей машине. Открыв дверцу, обернулся и крикнул:

— Можете позвонить в Омск, что завтра будете там. Отпустим вас на день. Устраивает, не мало?

— Достаточно, Виктор Иванович!

— Тогда — до вечера!

Турболет басовито взревел, поднялся над землей метра на два и полетел к корпусу, где помещалось управление. Через минуту он опустился на плоской крыше здания. На фоне просветлевшего неба было хорошо видно, как голубая фигурка снова легко выпрыгнула из кабины, прошлась немного и исчезла в широких дверях лифта.

Холодный ветер нес колючие крупинки снега, забирался за воротник. Но Володя не обращал на это внимания. Он думал о том большом, новом, что через день-два войдет в его жизнь. Минет немного времени — и это серое небо, и снежное дыхание ноября, и земля, по которой струится слабая поземка, и синий лес, и ладные, уютные домики — все сделается бесконечно далеким, останется в другом мире. А он полетит на Луну...

Как ни старался Володя быть спокойным, весь день ходил он под впечатлением разговора с Дроздовым. Его не покидало странное чувство. Плещется под душем, а сам в это время думает, что там вода является величайшей драгоценностью и так беззаботно тратить ее не придется. Шагает по лестнице, и тут же вспоминает, что вскоре он будет совершать громадные прыжки, взбираться на такую лестницу за один шаг.

«Генеральный совет», о котором говорил Дроздов, оказался до обидного коротким. Кроме пятерых космонавтов, на нем присутствовали начальник подготовки Карпенко и прилетевший вместе с Дроздовым академик — совершенно седой, не расстающийся с тонкой черной тростью. Когда Володя вошел в комнату, ему захотелось почтительно вытянуться перед этим строгим стариком. Человек, который принимал участие в запуске первых спутников и космических кораблей, провожал в звездную дорогу Юрия Гагарина, стал легендарным уже при жизни.

Володя ожидал, что вести совет будет или академик, или Дроздов — научный руководитель экспедиции. Но оказалось иначе. Академик почти не говорил — лишь вначале, здороваясь с космонавтами, сказал каждому несколько дружеских и ободряющих фраз. А Дроздов скромно сел в уголке, словно подчеркивал, что главный здесь не он. Зато Соколов совсем преобразился. Пока шли тренировки, теоретические занятия, он был точно такой же, как все они. Володя в первые дни даже удивлялся, когда видел, что Соколов не отдает никаких приказаний, ничего не требует с других, словно не его назначили командиром экипажа.

А сейчас это был действительно начальник экспедиции строгий, требовательный. Даже голос у него приобрел особые стальные нотки, даже рост словно стал выше. Вот теперь он очень походил на свой портрет в Аллее Вечной Славы. В его взгляде появилось то же удивительное, зажигающее других вдохновение. Взгляд человека, который взял в руки штурвал корабля, уходящего в большое плавание...

— Итак, — сказал Соколов, — правительственная комиссия утвердила срок нашего отлета. Отправляемся через два дня двадцать пятого в девять утра. Завтрашний день для всех свободный. Двадцать четвертого утром экипаж должен быть здесь. Вопросы есть?

Все молчали. Соколов поочередно посмотрел на членов своего экипажа, задерживая взгляд на каждом, потом добавил:

— Любой из вас может сейчас отказаться от участия в полете. Физически все подготовлены, врачи дали о каждом положительные отзывы. Но если есть хотя бы малейшая неуверенность — решайте.

Наступила традиционная минута молчания. И хотя за все время космической эры не было ни одного случая отказа от полета, всякий раз экипажу задавался один и тот же вопрос. Он как бы напоминал: не забывайте, вы свободны в своих решениях, и личное желание каждого — закон.

Секундные стрелки часов обогнули круг. Володя шумно перевел дыхание — в тишине это прозвучало особенно громко. Все заулыбались, обернулись к Никитину. А он, окончательно смутившись, совсем некстати спросил Дроздова, можно ли передать информацию об отлете.

— Пока рано, — ответил тот. — Ради своего же спокойствия воздержитесь. Поедете завтра в Омск, от энтузиастов отбою не будет... Вот завтра вечером — пожалуйста. Можете сообщать на здоровье.

Потом Дроздов, Соколов, Карпенко и академик остались, чтобы обсудить технические и хозяйственные вопросы. А Володя вышел вместе с Костровым и Чумаком.

— Значит, летим, товарищ журналист? — спросил Сергей. Настроение, говоришь, боевое?

— Как у всех.

— Нам проще. У нас, как-никак какой-то космический стаж. И то волнуемся. Правда, Леша?

— Если имеешь в виду себя — правда.

— Да, я и забыл, что у тебя нервная система отсутствует. Так, несколько обратных связей. А мы вот люди...

— Кончай, — сказал Чумаков.

— Все. Перехожу на другую тему. У меня деловое предложение. Отправиться всем в Москву. Пройдемся по традиции по Красной площади, постоим у Мавзолея, зайдём в Кремль... Согласны?

— Только сначала побываем у своих, — заметил Чумаков. — В Москву — завтра вечером.

— Что ж, завтра так завтра, — нехотя согласился Костров.

Володя понимающе улыбнулся. Он знал, что в Москве живет некая девушка, которой Костров посвятил множество стихов. По секрету Сергей сообщил, что она кончает медицинский и что они обязательно поженятся после его возвращения из экспедиции.

Володя мог вылететь немедленно. Ракетоплан доставит его в Омск за час. Но что-то мешало ему пойти к аэровокзалу...

— Я немного попозже полечу, — сказал он товарищам. — Нужно еще здесь с одним человеком повидаться.

Теперь Кострову пришел черед понимающе улыбнуться. Он сразу понял, о ком говорит Никитин...

— Что ж, не будем задерживать друг друга, — заявил Сергей. — Значит, договорились. Завтра в двадцать часов Москвы встречаемся все вместе на Красной площади. Счастливого пути, ребята!

И вот Володя остался один. Он пошел по заснеженной дорожке мимо стартовых площадок, мимо ангаров и строений вспомогательной службы. На первый взгляд, он прогуливался, бродил от нечего делать. Больше того — и себе Володя старался внушить эту мысль. Но конечной точкой его пути была насосная станция...

Зарокотал мотор, гул его стал стремительно нарастать. Из-за поворота вынырнул мотороллер. На космодроме было светло круглые сутки — сотни газосветных ламп заливали окрестности пронзительным белым светом — и Володя сразу узнал водителя. Он уже

встречался с этим нескладным длинноруким парнем во время своего первого неудачного визита в насосную. Они познакомились, долго беседовали. Парень работает слесарем. Если он сейчас на вахте, Гали на станции нет. Они в разных сменах...

— Привет, товарищ корреспондент! — крикнул водитель, затормозив около Володи.
— Снова к нам?

— Да нет, гуляю просто. А вы далеко?

— Понимаете, роликовый подшипник полетел. А запасного на складе не оказалось. У, деяти! — погрозил он кому-то кулаком. — Дам же я вам на собрании!

— А кто сейчас дежурный инженер? — спросил Володя как можно равнодушнее.

— Вера Николаевна. Помните?

— Помню, как же...

— Может быть, зайдете к нам? Могу вернуться, подвезти.

— Спасибо. Я, пожалуй, обратно пойду.

— Тогда еще лучше. Садитесь, садитесь...

Володя почувствовал, что парень обидится, если он откажется ехать, и устроился на заднем сиденье. Через несколько минут он очутился неподалеку от домика, где недавно проходил совет. Окна были темными — очевидно, Соколов и ученые уже ушли.

— Остановитесь, пожалуйста, — сказал Володя. — Мне дальше не нужно.

Он сам толком не мог объяснить, почему решил сойти здесь. Во всяком случае, ничего такого, что могло привлечь внимание, он не заметил.

Конечно, ему следовало вернуться к себе, собраться и ехать на аэровокзал. Дома его давно ждут — еще утром сообщил отцу, что приедет. А вместо этого он сел на мягкую пластмассовую скамейку под косым козырьком выступающей стены. Сел, не зная, что делать дальше.

Если бы мысли Володи можно было записать на пленку, получился бы невероятный сумбур. С одной стороны, — критика возмущенного ума, суровое осуждение в свой адрес. И в то же время очень хотелось увидеть Гаю, попытаться поговорить с ней. Правда... Дом специалистов, где она живет, находится далеко, но это, в конце концов, пустяки.

И вдруг ему стало жарко. За углом в нескольких шагах от него послышался голос, который он узнал бы из тысячи:

— Добрый вечер, Андрей Федорович!

Володя так никогда и не узнал, случайно оказалась здесь Галя или она специально ждала где-то неподалеку. Но в тот момент, когда Соколов собирался войти к себе, она вышла ему навстречу. Володя не видел их, но ему отчетливо было слышно каждое слово. Конечно, полагалось немедленно уйти. Но он только глубже отодвинулся в тень. Пусть некрасиво, недостойно, только уходить — выше его сил. Будь что будет...

— Добрый вечер, — вежливо сказал Соколов.

— Вы не узнаете меня?

— Узнаю. Вас зовут Галина... Простите, не знаю отчества.

— Просто Галя. И я хочу сказать вам... Раз уж мы увиделись... Словом, мне хочется попросить у вас прощения.

— Прощения? За что?

— За глупую выходку на реке. Я ведь тогда не тонула. Все это было нарочно.

— И что же здесь особенного? Ну, пошутили. Я ничуть не обижаюсь. Пустяки!

— Я не хотела шутить. И говорю об этом сейчас только потому, что знаю: вы скоро улетаете. А я не могу быть спокойной, если на совести у меня есть царапинка.

— Я не придал тому случаю никакого значения, — возразил Соколов. — Я давно забыл об этом.

— А я не забыла. И мне хотелось бы объяснить, почему я так поступила. Я не задерживаю вас?

— Я свободен. Но... может быть, мы пройдем в комнату? Здесь довольно прохладно.

— Спасибо, — не сразу сказала Галя. — Мне лучше тут.

Они сели совсем рядом с Володей, сразу за углом. При желании он мог бы даже дотянуться до них рукой. «Какой будет ужас, если меня заметят, — мелькнула мысль, — пропал, совсем пропал». Но уйти было уже нельзя. Первые же шаги выдадут его. Зачем это он не ушел сразу?!

Короткое молчание. И — прерывающийся девичий голос:

— Конечно, это была выходка сумасшедшей девчонки, потерявшей голову. Я скажу правду: мне хотелось, чтобы вы обратили на меня внимание. А теперь можете думать обо мне что угодно. Прощайте.

Володя услышал, как она поднялась с места, но Соколов остановил ее.

— Сидите. Я прошу — сидите. Так вот. Откровенность за откровенность. Я не забыл о том случае. Я много раз вспоминал о нем. Очень хорошо вспоминал. И никогда — слышите, никогда! — я не подумаю о вас дурно.

Галя молчала. Володя отчетливо слышал ее быстрое, прерывистое дыхание. Он сидел в странном оцепенении — нет ни мыслей, ни чувств, ни малейшей попытки оценить происходящее. Словно он видит сон, знает, что в любую минуту может скомандовать себе проснуться, но не делает этого — интересно, что будет дальше...

А дальше опять негромкий, твердый голос Соколова:

— Мы, космонавты, не можем пожаловаться, что нашего возвращения никто не ждет. Но среди миллионов людей должен быть один человек, который дороже всех. Четыре года нет у меня такого человека. А теперь я думаю — он может быть...

— Он будет, — тихо сказала Галя. — Он уже есть.

— Не надо ничего больше говорить. Но мы обязательно продолжим этот разговор. После моего возвращения...

И тут произошло самое страшное для Володи. Галя быстро поднялась с места, поцеловала Соколова и, не оглядываясь, бросилась прочь. Она пробежала мимо Володи, совсем рядом с ним. Но он знал, что остался незамеченным. Впрочем, это не имело теперь никакого значения...

Игорь расспрашивает брата

Все говорят, что Игорь очень похож на Володю. У него такие же светлые, чуть вьющиеся волосы, такие же быстрые глаза — карие, с золотистыми искорками, И лицо смуг-

лое, как у брата — недаром он каждый день ходит на зимний пляж, расположенный на берегу искусственного озера термальных вод, часами лежит под лучами горячих кварцевых «солнц». Игорь старается подражать Володе даже в походке. Он заранее представляет, как все будут спрашивать его: «Скажи, мальчик, ты не родственник тому Никитину?» И как все потом будут ахать — до чего похож, ну просто вылитый... Да, это очень здорово — быть братом знаменитого человека!

Когда Игорь узнал, что Володя должен полететь на Луну, он испытал одновременно и огромную гордость за брата и самую черную зависть. Хотя много раз говорили в школе, что в коммунистическом обществе люди не должны завидовать друг другу, что чувство зависти — пережиток прошлого, он не мог справиться с собой. Кажется, все отдал бы за возможность очутиться на Володином месте!

Володя сообщил родным о предстоящем полете только после того, как прошел последнюю медицинскую комиссию. Что же касается Игоря — он узнал обо всем в самую последнюю очередь, за день до того, как Володя приехал прощаться. Было немного обидно, что ему не доверяют. Но отчасти это и к лучшему. О будущей экспедиции в печати сообщалось скупно, не назывались фамилии космонавтов. И Игорь после некоторого раздумья согласился, что ему очень трудно было бы хранить секрет, ни о чем не намекать товарищам...

Володя прилетел ночью, Игорь уже спал. Мальчику удалось поговорить с братом лишь после обеда, когда в школе кончались занятия. Зато этот разговор шел без всяких помех. Родители были на работе, Володины друзья собирались прийти только под вечер. Игорь знал, что у него больше не окажется такой возможности обо всем расспросить, все выяснить. И его вопросам не было конца...

— Ваша ракета атомная? Да?

— Нет, дружок. У нее термоядерный двигатель. Как бы тебе понятней объяснить? Про термоядерные реакции ты вообще-то знаешь?

— Знаю немного. Это когда-то водородные бомбы были. И на Солнце такие реакции идут все время.

— Правильно. Когда еще не был подписан Договор о всеобщем и полном разоружении, существовало такое страшное оружие. В бомбе соединение, или, как говорят, синтез легких ядер в более тяжелые происходит мгновенно, вот и получается очень сильный взрыв. Но наши ученые еще в шестидесятых годах научились управлять термоядерной реакцией. Сначала, как ты знаешь, были построены электростанции — одна из них в нашем Омске. А недавно сконструирован первый в мире космический корабль на термоядерном горючем. Это и есть наш «Циолковский».

— И до вас никто-никто не летал на термоядерной ракете? Вы будете самыми первыми?

— Из людей — да. А автоматические ракеты с термоядерными двигателями летали много раз. Сам понимаешь, сначала нужно все испытать, проверить.

— А это опасно?

— Не так, чтобы очень... но и не очень, чтобы так, — ответил Володя старой шуткой. — Как и на любом другом космическом корабле. Максимум гарантии. Это ведь только в

капиталистических странах могут ради рекламы пойти на неоправданный риск. Помнишь ионолет Ситжера?

— Читал. Он погиб, не долетев до Марса. А потом стало известно, что людей послали почти на верную гибель.

— А у нас в стране жизнь человека ставится выше всего. Так что наши ученые и конструкторы постарались сделать все, чтобы мы могли лететь спокойно.

Игорь спросил, как устроен «Циолковский».

Володя задумался. Он вспомнил громадную модель космического корабля, изготовленную в одну десятую натуральной величины, на которой с ювелирной точностью были воспроизведены все детали. По этой модели космонавты изучали свой корабль, находящийся за пределами атмосферы.

Володя взял лист бумаги, вытащил из кармана авторучку и быстро набросал причудливое сооружение, мало напоминающее строгие контуры космических ракет.

— Смотри, — сказал он. — Может, что разберешь. Правда, художник из меня неважный, но тут особенной красоты и не требуется. Вот здесь, в верхней части корабля, помещение для экипажа. По форме немного похоже на удлиненную шляпку гриба. Там три этажа. В верхнем центральный пост управления, потом жилые кабины и внизу — грузовые отсеки. Еще ниже — шлюзовая камера, через которую можно выходить наружу, находясь в космосе. А вот эти пять огромных шаров — емкости для рабочего вещества. На «Циолковском» применен жидкий водород. Прямо под шарами расположен главный двигатель. Устройство его в двух словах не объяснишь, да тебе все равно будет трудно понять.

— А ты расскажи хотя бы примерно, — сказал Игорь.

— Примерно? Тоже нелегкая задача. Скажи, тебе известно, что такое плазма?

— Немного. Но подробно мы это еще не проходили.

— Тогда вспомни, в каких состояниях может быть любое вещество.

— А чего тут вспоминать: в твердом, жидком и газообразном.

— А плазма — четвертое состояние. При этом электроны в атомах оторваны от своих ядер, существуют самостоятельно от них. И поэтому на составные части плазмы можно воздействовать магнитными и электрическими полями. Иначе говоря, веществом в состоянии плазмы нетрудно управлять. Например, получить огненный шнур из тяжелого водорода — дейтерия, висящий в вакууме. Он будет удерживаться электромагнитными силами.

— А зачем это нужно?

— Слушай дальше. Если плазменный шнур разогревать, повышать его температуру до сотен миллионов градусов, движение ядер дейтерия будет все ускоряться. И они начнут все чаще сталкиваться одно с другим. А при каждом слиянии таких ядер будет выделяться огромная энергия. Скорость реакции можно, разложить, регулировать...

— Постой. Ты же рассказываешь про нашу термоядерную электростанцию!

— А тут один и тот же принцип действия. Только на электростанции энергия термоядерной реакции нужна для получения электрического тока, а на космическом корабле происходит иная картина. Вот мы и добрались до главного двигателя. Представь себе камеру, стенки которой могут выдержать температуру в сотни тысяч градусов. Магнит-

ное поле направленного действия удерживает в центральной части камеры плазменное кольцо, в котором идет термоядерный синтез. Из шаровых емкостей буквально по каплям в зону реакции поступает жидкий водород. Разумеется, он мгновенно распадается на атомы, и мощная струя раскаленного газа вырывается наружу. При этом и возникает реактивная сила, которая движет корабль. Понял?

— В основном понял.

— Только имей в виду, что я нарисовал очень приблизительную картину. На самом деле устройство двигателя гораздо сложнее. Я сам до конца не разбираюсь в некоторых тонкостях. Ты подумай, как это было непросто — заставить плазму работать не в спокойных земных условиях, а на космическом корабле. Но наши ученые все-таки запрягли солнце...

— Запрягли солнце! — с удовольствием повторил Игорь. Здорово! И оно не может вырваться?

— Не волнуйся, все предусмотрено.

— А что это ты нарисовал сбоку, около двигателя?

— Я просто не договорил. Сбоку, на выносных кронштейнах, находятся обычные ракетные двигатели точной регулировки. Их пять. Когда мы будем садиться на Луну, пилоты с помощью этих двигателей заставят корабль опуститься...

— Прилуниться, — строго поправил Игорь.

— Да, прилуниться в намеченной точке.

— В Лунограде?

— Правильно. Сначала мы побываем в Лунограде, а потом «Циолковский» перелетит на другую сторону Луны. Там у нас будет базовая стоянка, откуда начнутся поиски.

— И ты думаешь, что вы встретите следы разумных существ?

— Уверен. Какая-то аппаратура там должна быть.

— А вдруг они не все улетели и еще сидят там? Могло же случиться! Построили себе целый город на Луне и живут в нем. А когда вы придете, вас всех поубивают...

Володя улыбнулся.

— Во-первых, никто не думает, что на Луне нас ждут живые космонавты. Очень мало шансов на это — ведь прошло уже столько лет. Нет, как и предполагает Дроздов, там может быть одна автоматическая аппаратура. А во-вторых, это только в старой литературе писался одно время про разных космических агрессоров, рисовали страшные картины захвата Земли пришельцами с чужих планет...

— Уэллс так писал.

— Не только он, а и многие другие. Но мы верим, что разум, создавший космические корабли, не может оказаться враждебным. К тому же у нас есть точные доказательства. Помнишь, что говорится в рукописи Соснина о встрече с неизвестным Космонавтом? Сам посуди: могло у него быть какое-нибудь грозное оружие, с помощью которого можно мгновенно уничтожить врага? Конечно. Если космический корабль опускается на чужую планету, надо готовиться к встрече с хищниками, со страшными чудовищами. Мы летим на Луну, где нет никакой жизни, и то вооружены...

— У вас есть оружие? — удивился Игорь.

— Ну, не совсем обычное, но все же... Впрочем, оно пострашнее, чем автоматы или пулеметы. У нас квантовые генераторы — слышал про них?

— Как раз вчера по телевизору был фильм о сверхдальней космической связи. Только я не все понял.

— Придет время — разберешься. Кстати, принцип квантового генератора очень прост. В нем как бы аккумулируется, накапливается свет, а потом наружу вырывается очень узкий пучок в миллион раз ярче солнца. Давление света таково, что луч может свободно резать даже самые прочные металлы...

— Это как в «Гиперболоиде инженера Гарина», да?

— Похоже. Но нам, конечно, генераторы будут служить только для технических целей. Хотя на всякий случай придется быть готовыми ко всему.

— Значит, вы все-таки боитесь, что на вас и там кто-то может напасть?

— Вот заладил: боитесь, боитесь... Не боимся, а принимаем меры разумной предосторожности. Если у человека в руках ружье, оно не обязательно должно стрелять... Но я не договорил. Когда тот Космонавт опустил на Землю, его, как ты помнишь, встретили неважно.

— Куда уж хуже! — засмеялся Игорь.

— И он, конечно, мог бы обороняться, мог перебить тех, кто его ранил. А что он сделал? Включил какой-то аппарат, который вызвал мгновенный сон у людей и даже животных. Видишь, поступил очень гуманно. Он понял, что перед ним разумные существа, и не стал лишать их жизни. Я думаю, что в мире, где он жил до своего полета, любая жизнь священна. А ты выдумываешь какую-то чепуху...

Игорь вздохнул, отвернулся к окну, глубоко задумался. И Володе вдруг стало жаль брата. Захотелось сделать ему что-то очень хорошее. Будь его воля, он взял бы мальчишку в полет. Пусть даже не до Луны — до межпланетной станции.

— Не вешай носа, Игорек, — сказал он. — Хватит открытий и на твою долю. Может? Быть, тоже в космос полетишь...

Игорь оживился.

— Я вчера читал книжку про Соколова. Вот человек! Ты знаешь, он был меньше меня, когда начал готовиться в космонавты. И добился своего.

— А ты тоже хочешь последовать его примеру?

— Хочу. И можешь не смеяться — я буду космонавтом. Вот увидишь!

— Только у телевизора придется меньше сидеть, — заметил Володя.

— А у меня теперь режим. Прилетишь обратно — не узнаешь!

Игорь собирался задать брату еще вопросы, но тут один за другим стали раздаваться звонки видеофона. Знакомые, малознакомые и совершенно незнакомые люди желали Володе счастливого пути, старались сказать несколько теплых слов. Он даже растерялся — о предстоящем полете знали очень немногие. И вдруг такое всеобщее внимание. Но скоро все выяснилось. Оказывается, только что по радио и телевидению было передано первое сообщение ТАСС о предстоящем отлете «Циолковского». Называли и имена участников экспедиции.

— Пойдем, Игорек, погуляем, — предложил Володя. — А то боюсь, как бы не загордиться от всего этого.

Пока они одевались, экран освещался еще два раза. Отец сказал, что будет дома через час. А потом корреспондент местной молодежной газеты, не скрывая восторга от своей удачи (еще бы, первым получил интервью у земляка-космонавта и журналиста!), долго расспрашивал Володю, добивался разрешения приехать к нему домой, чтобы сделать снимок. Впервые в жизни Никитину пришлось поменяться ролями с героями репортажей, и он признался в душе, что это не очень-то приятно. Но что поделаешь — ноблесс оближ, как говорили когда-то французы. От снимка он постарался отказаться, но репортер не растерялся. Экран сверкнул фотовспышкой, и Володя с тоской подумал, что его физиономия все-таки будет в завтрашнем номере газеты...

Они уже вышли в коридор, когда раздался новый звонок.

— Пойдем, — решительно сказал Володя. — Иначе это будет до бесконечности.

— А вдруг мама? — спросил Игорь. Пришлось вернуться. Но на экране появилось лицо дежурной телефонистки междугородной станции.

— Ответьте Мурманску, — сказала она.

И не успел Володя сообразить, кто его может знать в этом далеком городе, как увидел перед собой чуть размытое расстоянием, но все равно очень знакомое изображение. Нина Журко!

— Здравствуй, Володя! — закричал ее далекий голос. — Ой, как я рада, что застала тебя! Только услышала сообщение и сразу бросилась звонить. Неужели это правда, что ты послезавтра улетаешь?

— Правда, Нина.

— И ничего не мог сообщить! Как тебе не стыдно!

— Нельзя было. К тому же у меня нет твоего мурманского адреса.

— Ладно, не оправдывайся. Захотел бы — мог разыскать. Но я не обижаюсь. Знаю, тебе не до этого было.

— Я очень виноват, Нина.

— Вот еще, будем считаться. Скажи, вы вправду решили найти на Луне следы чужого звездолета?

— Мы все верим в это. Ты знаешь, может быть, даже узнаем что-нибудь о судьбе Платона Журко...

— Да, это было бы интересно, — задумчиво сказала Нина и вдруг спросила:

— Скажи, ты теперь, наверное, страшно загордишься?

— Что ты! Даже не думай.

— Знаю, знаю... Если бы не позвонила, так бы и не догадался попрощаться...

— Я часто вспоминал о тебе, Нина.

— Я тоже. И буду очень-очень ждать твоего возвращения. Можно?

— Можно, Нина. Мы же друзья с тобой...

Почему-то этот разговор оставил у Володи неприятный осадок на душе. Гуляя с Игорем по улице, он рассеянно отвечал на бесконечные вопросы брата, больше был занят своими мыслями. Нина любит его, это сразу видно. Но почему же он так равнодушен к ней? Милая, славная, чудесный характер. А он... Конечно, это просто свинство — нужно было разыскать ее. И зря соврал, будто часто вспоминал о ней. Тоже, захотел утешить! А

на самом деле все мысли о другой. Смешно: все, кажется, встало на свои места, все определилось. Не для него Галя, это ясно. А он никак не может забыть о шей...

Под ногами похрустывал снег, крепкий мороз щипал уши. Эх, на лыжи бы сейчас! Чтобы свистел в ушах ошалелый ветер, чтобы лететь с горы в снежном вихре, забыв обо всем... Или на каток — где огни и музыка, песни и смех. Но времени остается мало! Предпоследний день на Земле, последние часы в Омске. И лыжи, и каток придется отложить до возвращения...

...На город опустились ранние сумерки, когда Володя занял свое место в кабине ракетоплана. Он летел в Москву, где должен был встретиться с остальными участниками экспедиции. Они пройдут по Красной площади, заглянут в Кремль. Потом прощальная пресс-конференция. Останутся последние сутки на космодроме и — долгожданный старт. Неужели все это действительно произойдет?

У Володи даже сердце сжалось. Может быть, виноваты две рюмки терпкого золотистого вина, которые он выпил на прощание с друзьями. А скорее всего — нелегкое расставание с родителями...

Отец крепился. Он только подозрительно часто покашливал и был непривычно суетливым. А мать не скрывала слез. Ее сухие, горячие пальцы сжимали руку Володи, словно она надеялась задержать сына.

— Береги себя, мальчик, — повторяла она. — Ох, и зачем все это нужно...

Володя заглянул в ее глаза, полные тревоги.

— Мама, а если бы я испугался, если бы отказался лететь ты была бы довольна?

И мать ничего не ответила...

Взревели ракетные двигатели, и мощная машина послушно легла на курс. Через час она будет в Москве. Но Володе казалось, что он находится на борту космического корабля, что полет к Луне уже начался...

Старт в небо

— Как самочувствие, товарищ журналист? — спросил Костров. — Жив?

Володя через силу улыбнулся.

— Кажется, жив.

Он все еще не мог прийти в себя. Вот когда ему в полной мере пришлось почувствовать разницу между теорией и практикой! Кажется, он до мелочей знал обо всем, что произойдет. Сорок секунд на вертикальный взлет, тройная перегрузка. Потом пятиминутный разгон по криволинейной траектории — и двигатель выключается. А дальше будет состояние невесомости, о котором он столько мечтал...

Но когда Никитин лег в плотно облегающее кресло, когда в наушниках застучал метроном, отсчитывая последние секунды перед стартом, мгновенно исчезли и знания, и способность рассуждать. Такое чувство бывает иногда перед трудным экзаменом, когда переступаешь порог кабины электронного «профессора» — из всех книжных премудростей остается одна классическая цитата: «Я знаю только то, что я ничего не знаю...»

Правда, на экзамене спокойствие возвращается быстро. Зажигается на экране первый вопрос, и все становится на место. Пальцы привычно бегут по клавишам, и нет никакого сомнения, что увидишь зеленый огонек, знак верного ответа. А сейчас все было гораздо сложнее...

Бесстрастный голос Чумака привычно ответил: «Есть пуск!» Все нарастающая тяжесть властно вдавила в кресло, и сознание Володи заполнила одна мысль: он летит! А потом не стало и этой мысли. Перед глазами заплясали радужные круги, зыбко закачалась черная пелена. Володе показалось, что он теряет сознание. Не было никакого сравнения с тренировками на центрифуге, на роторе, на вибростендах. Пусть тогда перегрузки было гораздо больше — зато отсутствовал самый важный, психологический фактор...

Гул двигателей внизу усиливался, превратился в отчаянный раздирающий треск и смолк. Ракета перешла звуковой барьер. Неожиданно Володю словно сдавила ледяная лапа. Стало до отчаяния страшно. На какое-то мгновение он почувствовал себя неумелым пловцом, которого неудержимо тянет в черную глубину — еще немного, и он захлебнется... В этот момент раздался спокойный, по-домашнему насмешливый голос Кострова. Володя с усилием перевел дыхание. Секунда паники бесследно прошла. Он снова почувствовал себя не случайным пассажиром, а равноправным членом экипажа. И скоро Володя мысленно начал свой первый космический репортаж...

В ракетоплане их было трое. Дроздов и Соколов находились уже на борту межпланетной станции. Они вылетели раньше, чтобы присутствовать на последних предстартовых испытаниях «Циолковского». Там же находились и члены Государственной комиссии.

Володя почувствовал, как отделилась последняя ступень ракеты-носителя. Вибрация прекратилась. Наступил момент, которого он ждал с таким нетерпением. Начался свободный полет.

Такое чувство Володя прежде испытывал только во сне. Срываешься в бездонную пропасть, падаешь с замиранием сердца, и нет конца пустоте. Тело сделалось чужим, в ушах тонко зашумело. Тяжесть исчезла!

Володя закрыл глаза и опять почувствовал, что неудержимо падает. С легкой завистью подумал он про своих спутников: им что, летят уже не в первый раз. А для него все в диковинку, ко всему надо привыкать...

Но потом стало лучше. И скоро Володя, с удовольствием вытянув ноги, наслаждался необыкновенной легкостью.

— Попробуй подняться, — сказал Костров. — Смелее!

— Подожди, — улыбнулся Володя. — Не все сразу.

Он знал, что на протяжении всего полета к Луне невесомости на «Циолковском» не будет. Непрерывно работающий двигатель обеспечит нормальное ускорение силы тяжести. На станции тоже создана искусственная тяжесть. Поэтому сейчас, во время кратковременного полета в ракете, следовало испытать все чудеса жизни в мире без веса. Но он не спешил.

Придерживая блокнот, чтобы тот не уплыл в сторону, Володя медленно вывел одно слово: «Циолковский». Название их корабля, название кратера, к которому полетит этот корабль. Но прежде всего — имя человека, чья мысль заглянула на десятки лет вперед,

чья неукротимая фантазия приблизила день первого полета в Космос. Человека, который умел верить в будущее, как никто другой...

— Вставай, вставай, — торопил Костров. — А то смотри, прилетим скоро.

Володя знал, что произойдет после того, как он отстегнет ремни, удерживающие его в кресле. Ему не очень-то хотелось выглядеть смешным в глазах товарищей. Конечно, так плавно и свободно, как Костров, ему не взлететь — об этом и думать нечего. Но и оставаться на месте тоже нельзя.

Он покосился в сторону Чумака, лениво лежащего в своем кресле. Показалось, что в темных глазах Алексея мелькнула насмешка. Конечно, небось, любопытно посмотреть со стороны, каким неуклюжим был сам во время первого полета!

— Держись за мою руку, — предложил Чумак.

Нет, никто и не думал смеяться. И Володя, устыдившись своих мыслей, покачал головой, отказываясь от помощи, и решительно отбросил ремни.

Ничего особенного не произошло. Осталась та же удивительная легкость, то же ни с чем не сравнимое чувство парения. Только кресло вдруг стремительно перевернулось и повисло над головой. А голос Кострова раздавался теперь откуда-то снизу и сбоку:

— Спокойней, спокойней. Попробуй делать движения руками. Только не торопись.

Но руки слушались плохо. Володя опять закувыркался в воздухе. Просторная кабина не мешала такой акробатике.

Чумак больше не предлагал свою помощь, и Володя в душе был благодарен за это. Ребята дают ему возможность освоиться, самому научиться владеть своим телом. Даже Костров перестал обращать на него внимание. Но Володя знал, что если бы он вдруг почувствовал себя плохо, оба моментально бросились бы к нему на помощь...

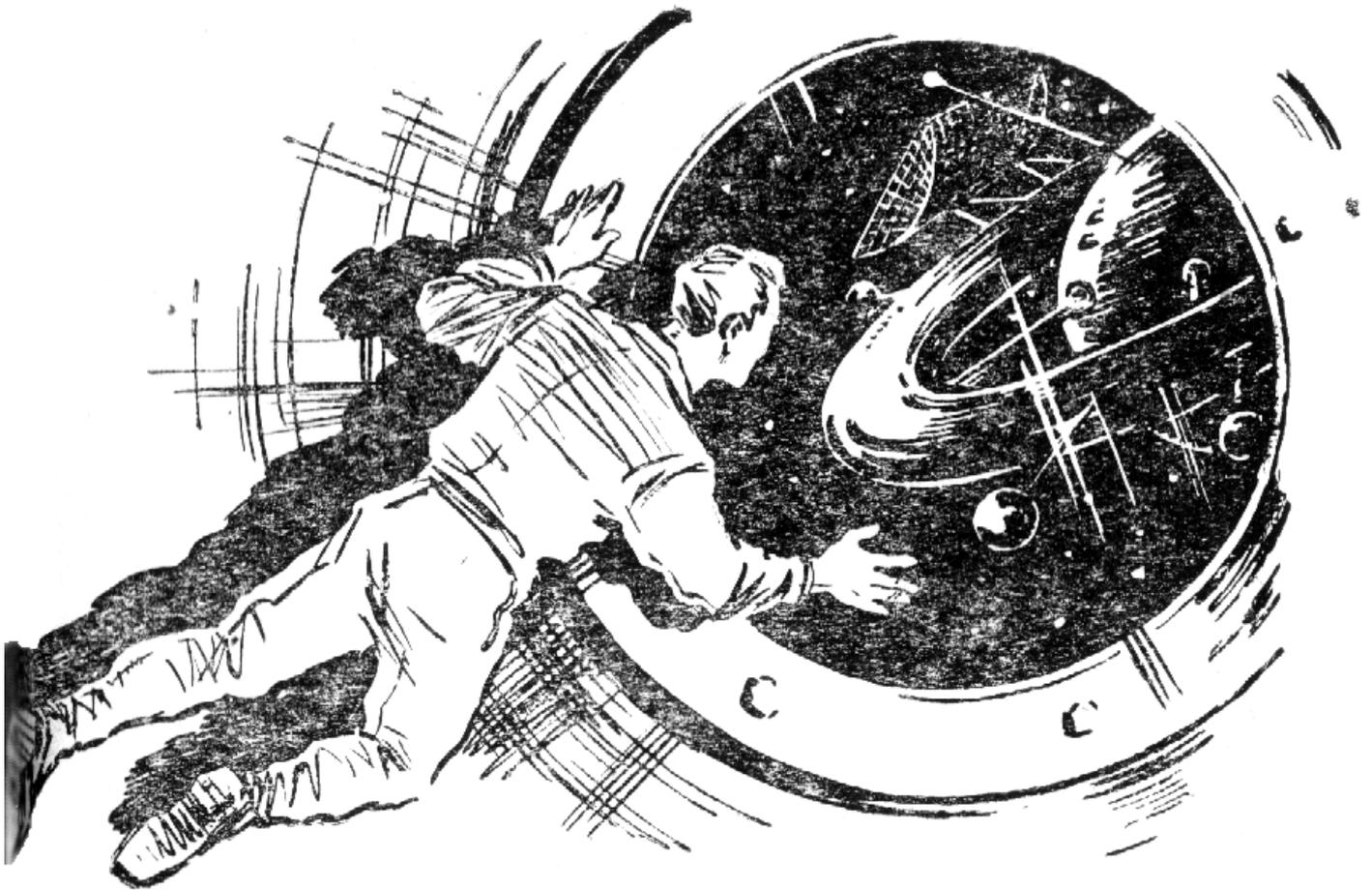
Наконец, ему удалось добраться до иллюминатора, уцепиться за поручень. Перед ним открылась картина, которую он не раз уже видел в кино и которая тем не менее все равно не могла не волновать. Черное, плоское и необъятное небо, густо усеянное острыми неподвижными звездами. А рядом с ними — какое-то чужое, яростное солнце. В дымчатом стекле иллюминатора оно выглядит особенно зловеще. Землю не видно — она по другую сторону кабины.

— Успеешь еще насмотреться, — сказал Костров. — Подожди, будем испытывать скафандры на станции — такие пейзажи откроются, что только ахнешь! Так что советую не портить впечатления...

— А вот, кстати, и наша «Дружба», — заметил Чумак.

Володя обернулся к центральному стереоэкрану. Из плотной тьмы, пронизанной звездами, надвигалась серебряная округлая искорка. Рядом с ней поблескивало еще несколько, поменьше. Ракетоплан приближался к межпланетной научной станции «Дружба».

Эта станция была построена в Советском Союзе около семи лет назад. В свое время ее снимки и чертежи обошли страницы газет всего мира. О ней были сняты кинофильмы, написаны сотни страниц — от бойких репортажей до строгих научных трактатов. И сейчас Володя вспоминал все, что он знал о космическом острове...

Еще Циолковский, впервые предложивший идею создания «эфирных городов», предсказывал им большое будущее. В своих мечтах калужский мудрец видел удивительные сооружения, парящие в околоземном пространстве. И он писал, что межпланетные станции помогут людям решить тысячи задач — в науке, технике, народном хозяйстве.

Продолжатели дела Циолковского осуществили его замыслы. Сначала вокруг Земли стали появляться все более сложные автоматические спутники. Потом их сменили управляемые станции с двумя-тремя космонавтами на борту. И, наконец, решено было соорудить целый космический городок, устроить на нем своеобразный международный научно-исследовательский центр. Одновременно межпланетная станция должна была служить промежуточным космодромом для ракет, улетающих на Луну, Марс, Венеру.

До мелочей запомнился Володе фильм о строительстве станции. Сотни специальных грузовых ракет одна за другой отправлялись к месту заатмосферной стройки. Обрато они не возвращались — их части использовались как строительный материал. Первые ракеты были беспилотными, и основные работы по монтажу выполняли кибернетические устройства. Когда же костяк станции был собран, стали прибывать и люди. Их было немного — каждого правительственная комиссия выбирала из десятков тысяч добровольцев. Письма в управления «Космосроя» тогда приходили из всех стран земного шара, и в любом из них содержалась одинаковая просьба: хочу принять участие в строительстве, согласен на все условия. Володя, который кончал в то время школу, тоже не устоял, написал заявление. Но он получил отказ — вежливый, ободряющий, но все же самый решительный. Оставалось одно — завидовать счастливым, которые проскочили сквозь игольное ушко конкурса...

Строители жили сначала в «космических палатках» — последних ступенях грузовых ракет, переоборудованных для жилья. Поселок находился неподалеку от места стройки, работа на которой не прекращалась круглые сутки. Монтажники, облаченные в свои громоздкие скафандры, передвигались по поверхности будущей станции, как громадные мухи, с трудом передвигая липкие магнитные подошвы. Повсюду вспыхивали молнии гелиосварки. И прямо на глазах росло причудливое сооружение — исполинский бублик, опоясывающий шар, раскинутые крылья солнечных установок, длинный тоннель оранжереи...

Оранжерея являлась предметом особых забот строителей. Она должна была снабжать жителей «малой Земли» не только плодами и овощами, но и самым необходимым — кислородом для дыхания.

Когда в Советском Союзе стали запускаться первые корабли-спутники, на борту у них помещались не только подопытные животные, но и микроскопическая водоросль — хлорелла. Не случайно проявили ученые такой интерес к этому крохотному растению, не видимому простым глазом. Исследования показали, что хлорелла способна выделять рекордное количество кислорода, поглощая взамен углекислоту. Всего 2,3 килограмма водоросли достаточно для того, чтобы обеспечить одного космонавта воздухом для дыхания. Надо еще учесть, что из хлореллы можно получать вкусные, питательные продукты. Трудно придумать более удачное для путешественников в космосе сочетание — сразу и фабрика кислорода, и установка для поглощения углекислоты, и продовольственный склад!

И вот Никитин видит станцию уже не в кино, а в непосредственной близости. Она медленно увеличивается, заполняет весь стереоэкран.

— Внимание! — сказал Чумак. — По местам!

Перекувырнувшись в последний раз, Володя сел в свое кресло. Снова вернулась тяжесть — включились корректирующие двигатели. Ракета медленно подплыла к станции. Чумак артистически подвел огромную машину к выступающему вперед шлюзу, и тотчас в кабине вспыхнули синие сигнальные огни. Это означало, что электромагнитные двери телескопического тамбура плотно прилипли к борту ракеты.

— Станция Березайка, кому надо — вылезай-ка, — сказал Костров, выбираясь из кресла. — Можешь прощаться с этой ракетой. Сюда мы не вернемся... Давай, помогу раздеться.

Володя снял с помощью Сергея комбинезон, неуверенно шагнул вперед. Он знал, что можно без скафандра пройти прямо внутрь станции, что система герметизации тамбура совершенно надежна и исключает любую случайность. Но все же страшновато было переступить порог, за которым еще несколько минут назад была ледяная пустота космического пространства...

Створки двери мягко поползли в стороны. Открылся узкий коридор, залитый мягким светом. Три космонавта вышли из кабины, и дверь тотчас бесшумно вернулась на место.

— Пять минут постоим, — напомнил Чумак. — Необходимая процедура.

В коридорчике словно дул сухой и горячий ветер. Володя чувствовал, что у него по телу пробегают мурашки. В эти минуты потоки невидимых лучей со всех сторон прони-

зывали его, уничтожая последние микроорганизмы, «зайцами» прибывшие с Земли. На межпланетной станции микробы были нежелательными гостями...

— Сейчас наш вес составляет примерно три четверти земного, — говорил Костров. — Чувствуешь, как легко? Мне лично такой режим больше всего нравится. А когда я был здесь последний раз, система вращения станции не работала. Ее ремонтировали — прямое попадание метеорита. И помучились же мы с этой невесомостью! Ребята рассказывали, много комических эпизодов было, когда неожиданно исчезла тяжесть. Повар обед готовил — не успел оглянуться, все бифштексы плавают под потолком. А один хлопец душ в это время принимал. Так такая водяная феерия получилась!

Володя представил, как кружился в воздухе голый человек, окруженный густым роем шаровых капель воды, и засмеялся.

— Да, не хотел бы я быть на его месте!

— Невесомость и строителям здорово мешала, — продолжал Костров. — Когда сваривали детали, их приходилось все время вращать, чтобы обеспечить плотность шва.

— Но, по-моему, сварка применялась здесь мало, — заметил Володя. — Большинство конструкций — клееные.

— Правильно. Всюду, где можно, здесь использовали спецклей. Это же удобно — перенести клееный шов из тени на солнце или наоборот, и полное схватывание обеспечено. Момент — и намертво!

— Выходим, — сказал Чумак.

За дверью тамбура космонавтов ожидали Дроздов, Соколов и несколько работников станции. Дружеские рукопожатия, обычные вопросы о том, как долетели — все это было настолько обыденно, что Володе на миг показалось, будто он не совершал никакого космического путешествия, все еще находится на Земле. Но Космос напоминал о себе на каждом шагу...

До конца пребывания на станции Володя так и не мог привыкнуть к ее чудесам. Ну как можно спокойно идти по коридору, который все время круто загибается вверх? Казалось, будто находишься внутри гигантского очень легкого колеса, и оно на каждом шагу мягко перекачивается, ложится под ноги. Предмет, подброшенный вверх, летит по кривой в сторону, а потом, описав замысловатую фигуру, возвращается прямо в руки, словно притянутый магнитом. Володя, впервые попавший в мир искусственной тяжести, иногда вел себя совсем не так, как полагалось бы работнику солидной газеты. Но все это прощалось новичку — трудно было удержаться в необычайных условиях.

Неумолимые врачи приказали прибывшим отдыхать. Но Володя все-таки ухитрился обмануть медицину. Весь час, предназначенный для отдыха, он торопливо писал свой первый космический репортаж. Пройдет немного времени — и из-под бешено вращающихся валов ротационных машин начнут дробно выскакивать газетные листы. И в каждом номере будет короткая подпись: Владимир Никитин (наш спец. корр.). Борт межпланетной станции «Дружба». Репортаж прочитают миллионы людей. Прочитают родители, гордясь сыном и тревожась за него. Побезит хвастаться приятелям Игорь. Вздохнет и задумается Нина в своем далеком Мурманске. И может быть, прочитает эти строки сероглазая девушка с непокорными каштановыми волосами... Конечно, прочитает! Только будет думать и беспокоиться она не о нем.

Во время обеда, который почти не отличался от земного, Володя много раз поглядывал на Соколова. Ну чем ее привлек этот человек? Конечно, не славой, не заслугами. Но чем же? Он гораздо старше, у него нелегкое прошлое и, наверное, нелегкий характер. Даже внешне он не очень привлекательный рано поредевшие волосы, жесткие черты лица, невысокий рост. Каждый согласится, что у Володи гораздо больше шансов понравиться девушке. Но в жизни почему-то все получается иначе...

После обеда Соколов объявил, что «Циолковский» принят правительственной комиссией с отличной оценкой. Вечером экипаж испытает скафандры, и утром состоится второй старт. На этот раз — прямо к Луне.

Володе нравилось, что его товарищи, бывалые космонавты, ничуть не показывают перед ним своего превосходства. Правда, Костров иногда добродушно посмеивался, но в этом не было ничего обидного. Зато и Соколов, и Дроздов отнеслись к нему здесь как к равному.

— Знаете, Володя, — говорил Дроздов, когда они выходили из столовой, — я чувствую себя сейчас так, будто впервые в жизни лечу к Луне. Наверное, от этого ощущения новизны никогда не избавиться, сколько бы ни пришлось летать в Космос. Даже Соколов — и тот волнуется не меньше любого из нас. А он ведь космонавт с солидным стажем... И не подумайте, пожалуйста, что я говорю это, чтобы успокоить вас. Я нисколько не преувеличиваю... Луна есть Луна, и этим все сказано.

Негромкий голос, доверительный тон как-то сразу и ободрили и успокоили Володю. Нет, напрасно он думал сначала, что будет здесь чужим!

— Хотите осмотреть станцию? — предложил Дроздов.

Об этом можно было бы даже не спрашивать. Не только журналист, но и любой человек, оказавшийся здесь, не упустил бы возможности обойти все уголки космического острова.

Володя пошел вслед за Дроздовым — в узком коридоре идти рядом было трудно. И в этот момент позади раздался очень знакомый голос:

— Товарищ Никитин!

Володя обернулся и застыл в изумлении. Меньше всего ожидал он здесь встретить этого человека. Перед ним стоял и широко улыбался Вася Смирнов — вихрастый комсорг совхоза «Утро», помогавший им летом в поисках спрятанной рукописи.

— Удивляетесь? — засмеялся Вася. — Я-то знал, что вы к нам летите, а вот вы, наверное, не думали меня здесь повстречать. А здорово, правда! Я ведь уже целую неделю здесь живу...

— Всегда приятно встретить знакомого, — сказал Дроздов. Ну, не буду мешать вашей беседе. А когда, Володя, захотите осмотреть станцию — я к вашим услугам.

— Так я тоже могу все показать, — обрадованно закричал Вася. — Я же все тут изучил!

— Вот и прекрасно. Тогда мне остается только провести вас туда, куда доступ имеют немногие — на станцию связи, к энергетическим установкам, в обсерваторию. Но этим займемся попозже, после того, как вы осмотрите все остальное.

Смирнов повел Володю по крутому коридору и говорил, говорил без умолку, все время оборачиваясь.

— Вы, конечно, будете писать про станцию?

— Не знаю. О ней уже столько написано, что трудно сказать что-то новое.

— Жаль. У вас здорово получается. Совсем забыл — комсомольцы совхоза просили передать большое спасибо за тот очерк. Всем понравился. Только зря меня так разукрасили. Даже неудобно было перед ребятами...

— А что — напугал где-нибудь?

— Да нет, факты правильные.

— Тогда не беда.

— Но это я так, к слову. Вам виднее, как нужно писать. Я же понимаю — вы и хвалите, и ругаете в воспитательных целях. Как говорится, для широких читательских масс. А мне, честно говоря, обижаться стыдно. Это ведь благодаря вам я здесь очутился.

— Благодаря мне? — удивился Володя.

— Ну, может, я сказал не совсем точно, но в принципе это так. Вы описали наши опыты с полиплоидными растениями. А в Комитете по освоению космоса кто-то прочитал и заинтересовался. Решили, что будет очень здорово, если перенести нашу агротехнику сюда, на межпланетную станцию. Вот и было предложено послать в космическую командировку одного специалиста из совхоза. А у нас полиплоидами занимались три агронома: Иван Федорович — вы его видели, седой такой, Марина Фетисова и я. Ивану Федоровичу, конечно, лететь врачи не разрешили, Марина сама побоялась, а я — вот он!

Вот, оказывается, и Володя сумел ответить услугой за услугу. Строго говоря, Вася тоже немного помог ему попасть в состав экспедиции. Он тогда указал точное место бывшей землянки бакенщика, и рукопись была сразу найдена. А могло случиться и так, что они пролазали бы в окрестностях совхоза несколько дней и уехали потом с пустыми руками. Не так-то просто отыскать в земле тайник, о котором ничего толком не известно! Так что все получилось очень хорошо.

Впрочем, Вася и без Володиной рекламы сумел бы попасть на станцию. Результаты совхозных опытов никак не могли остаться неизвестными. Еще бы! Полиплоидные растения дают просто сказочные урожаи, Пшеница, в колосе которой до семи сотен зерен, огромные арбузы без косточек, яблоки, величиной с голову ребенка... В космосе таким чудо-растениям самое место.

— Мы уже приступили к опытам, — рассказывал Вася, сверкая своей радостной улыбкой. — Условия здесь — мечта! Сейчас придем в оранжерею, я вам покажу кое-что. А обратно полетите, увидите здесь... Я даже боюсь сказать, такие у меня огромные планы. Но что удивитесь — гарантирую.

— Значит, довольны командировкой?

— Еще бы! Кстати, я отсюда увезу немало полезного. У нас и раньше были соображения насчет организации в совхозе фабрики биомассы — слышали, наверное, про этот особо питательный корм, — а здесь посмотрел, прямо глаза разбежались. Если бы такую технику, такой опыт в наш совхоз! Ну, вот и пришли. У вас магнитные подошвы? Тогда все в порядке — там ведь почти полная невесомость. Прошу!

И Вася хозяйским жестом распахнул двери космической оранжереи.

Луна под ногами

Осенью 1609 года Галилей впервые увидел Луну в объективе своего самодельного телескопа. «Я вне себя от изумления, писал тогда великий итальянец. — Я уже успел убедиться, что Луна представляет собою тело, подобное земле».

Четыре десятилетия спустя Иоганн Гевелий опубликовал первую полную лунную карту. Этот польский юрист много лет подряд упорно просиживал у собственноручно изготовленного телескопа, рисовал прихотливые россыпи лунного рельефа. А потом, по праву первооткрывателя, присвоил отдельным образованиям на Луне имена. Так появились небесные тезки у Апеннин и Карпат, у Кавказа и Везувия. Большое серое пятно на правой «щеке» Луны Гевелий назвал океаном Бурь. Он был убежден, что это — громадное водное пространство, по которому ходят исполинские волны... Думал ли Гевелий, что когда-то люди будут любоваться лунной поверхностью в непосредственной близости от нее?

— Да, многое бы отдали первые селенологи за то, чтобы очутиться на нашем месте, — сказал Дроздов. — Боюсь только, что в те времена сама мысль о такой возможности показалась бы им кощунственной...

— Я что-то забыл, Виктор Иванович, — сказал Володя. Названия кратерам тоже дал Гевелий?

— Нет, тут поработала фантазия итальянского иезуита Риччиоли. Это он назвал лунные кратеры именами великих философов и ученых. Между прочим, не забыл и себя. А кстати вспомнил и своих друзей — иезуитов. Кое-кто из них вошел в историю Луны с черного хода, без всяких на то оснований...

— Так почему же до сих пор не сменяют эти названия? — удивился Володя.

— Ну, не так-то это просто! Любая ломка привычных понятий связана с трудностями. К тому же даже далеко не все селенологи помнят, кто были люди, чьи имена носят эти кратеры.

— Все равно несправедливо.

— Возможно, со временем и в селенографии будет наведен порядок. А пока — приходится мириться. Хотя я согласен, давно пора заменить все эти озера Смерти, болота Сновидений, моря Влажности... Фантазии на это у наших современников хватит. Как считаете, Володя, взялись бы вы за такое дело — совершить революцию в лунных названиях? Сейчас для вас это просто — смотрите да выдумывайте...

Володя засмеялся. Он посмотрел на центральный экран, где уже не помещался разросшийся диск Луны. Мертвенно холодная, покрытая глубокими оспинами кратеров, древняя спутница Земли выглядела необычно. Такое чувство испытывал Володя в далеком детстве, когда впервые увидел под микроскопом голову мухи. Обычное насекомое вдруг превратилось в огромное страшилище. Нечто подобное происходило и сейчас...

Солнце светило сбоку, и от кольцевых гор, от хребтов и утесов ложились длинные угольные тени. Глаза резали калейдоскопические переплетения света и тьмы. Казалось, весь мир утонул в этой бесконечной ряби лунной поверхности.

— Боюсь, что без карты ничего не получится, Виктор Иванович, — сказал Володя. — Запутаюсь. А вообще-то я бы взялся за это дело...

Он подумал, что один из самых больших и приметных кратеров непременно получил бы в таком случае красивое женское имя. Или, еще лучше, не кратер, а целое море. Море Галины звучит гораздо лучше, чем, скажем, море Кризисов...

— Внимание! — раздался голос Соколова. — Через десять минут мы начинаем торможение. Повторяю: через десять минут начинаем торможение.

Соколов и Чумак находились отдельно, в рубке управления. Они несли вахту, дублируя друг друга. Правда, управлял «Циолковским» киберпилот, а летчикам оставалось только следить за показаниями приборов. Но строгие законы космонавтики требовали, чтобы люди были в постоянной готовности даже на детально проверенной лунной трассе.

Пассажирский салон, в котором полулежали в креслах Дроздов, Костров и Никитин, расположен под рубкой. На ночь это помещение может превратиться в спальню — с потолка опускаются мягкие гамаки, в которых человек чувствует себя легко и удобно. Еще ниже — крошечная кухня, туалет и складские помещения, в отсеках которых находятся скафандры, переносная аппаратура, запасы продовольствия, воды, кислорода, инструменты и снаряжение. Корабль спроектирован с таким расчетом, чтобы в нем можно было находиться длительное время. Кто знает, какие трудности могут встретиться в космических рейсах.

Киберпилот выключил главный двигатель, и снова возникла невесомость. Володя не вытерпел. С трудом двигая непослушными, словно ватными, ногами, он с силой оттолкнулся от кресла и взлетел вверх. В момент толчка он ясно почувствовал под ногами опору, хорошо видел, что поднимается прямо к потолку. А когда руки уперлись в мягкую обшивку, произошло чудо. Кабина вдруг словно мгновенно перевернулась. То, что секунду назад было «потолком», сделалось «полом». Володя будто делал стойку на руках. А Сергей и профессор казались сидящими на потолке вниз головами, как мухи...

— Володя, шалить не полагается, — тоном строгого воспитателя сказал Костров.

— Ничего, журналисту это можно, — засмеялся профессор. Надо же испытать все парадоксы невесомости. А то читатели не поверят, если он напишет с чужих слов...

Но Володя, которому было неудобно за свою мальчишескую выходку, уже усаживался в кресло.

— Любопытное ощущение, — сказал он извиняющимся тоном. На станции испытал раз и еще захотелось...

— Сейчас будет включен главный двигатель, — предупредил Соколов.

Струя плазмы, рожденная в термоядерной топке, вырвалась в сторону Луны. «Циолковский» начал постепенно замедлять свое стремительное падение. Через несколько минут его скорость снизилась до трех километров в секунду.

Точно так летела много лет назад навстречу Луне Вторая космическая ракета. Она неудержимо падала и в рассчитанный срок врезалась в мертвые скалы. Беззвучный взрыв, взвившееся громадное облако пыли — и новый кратер прибавился на лунной поверхности. Но причиной этому был не случайный метеорит, а воля человека..

Вторая ракета, знаменитый «лунник», разбилась в момент прилунения, как это и ожидалось. Остались лишь бесформенные обломки да десятки блестящих пятиугольных пластинок с изображением Герба Советского Союза, разбросанных силой взрыва, — ви-

зитные карточки человечества. Но это было на заре космонавтики, когда делались лишь первые дерзкие попытки проникнуть в неизведанное...

А сейчас все иначе. Володя слышал, космонавты говорили о лунной трассе, как о чем-то совсем обыденном. Конечно, четыреста тысяч километров — не пустяк, но никто не станет оспаривать очевидный факт: полет к Луне давно перестал быть проблемой.

Костров третий раз принялся рассказывать про какого-то Федоровского, забравшего его автоматическое приспособление для глубокого бурения Луны. Сергей был не согласен с критической оценкой и теперь подыскивал новые аргументы, чтобы доказать свою правоту.

— Ему, видите ли, не понравилась идея биоэлектрического управления, — возмутился Костров. — Говорит, это вчерашний день. А я сказал...

Но Володе было совершенно не интересно, что сказал тогда Костров. Он только делал вид, что слушает, а сам не сводил глаз с экрана. Ему хотелось до малейших подробностей запомнить все этапы прилунения космического корабля.

Но полет кончился быстро. Локаторы станции наведения Лунограда поймали корабль, и он остановился точно над ракетодромом. Несколько секунд продолжалось свободное падение, и космонавты опять испытывали чувство невесомости. И вот уже жаркое пламя корректирующих двигателей устремляется вниз, почти достигая лунной поверхности.

Планетолет повис почти неподвижно, широко растопырив ноги-кронштейны с ракетными двигателями на концах. Плавно, метр за метром, гигантская машина опускалась вниз. Электронный пилот обеспечивал поистине ювелирную точность посадки. Многотонный корабль садился в самый центр ракетодрома, в предназначенное для него место.

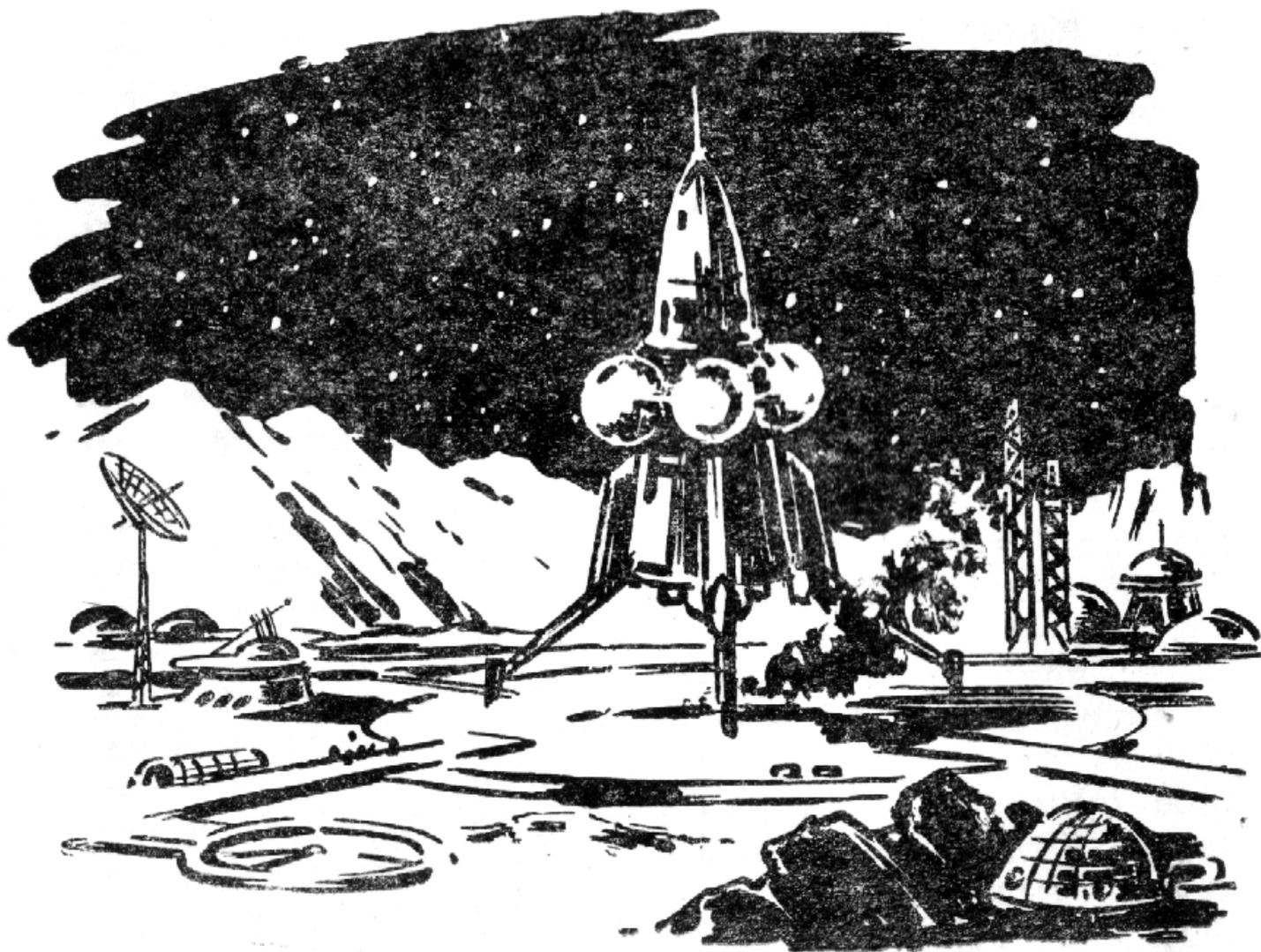
Еще несколько напряженных минут. Стрелка микроальтиметра дрожит почти у нуля — до поверхности ракетодрома остаются считанные сантиметры. Наконец — чувствительный толчок. Сильно качнувшись на амортизаторах, «Циолковский» замер.

Двери рубки управления бесшумно раздвинулись. Показался Соколов, довольный и возбужденный. Легко, почти не касаясь руками перил лесенки, он спрыгнул с двухметровой высоты. И как ни странно, именно этот плавный, как при замедленной киносъемке, прыжок-полет окончательно убедил Никитина: да, они действительно начинают жить по лунным законам. Теперь каждый из нас весит в шесть раз меньше обычного и способен еще не на такие удивительные трюки...

— Приехали, товарищи! — весело сказал Соколов. — Поздравляю с прибытием!

На этом торжественная часть окончилась. Володя, который много раз думал о том, как будет происходить прилунение, был даже немного разочарован. Он ждал необыкновенных слов, подчеркивающих величие минуты. Но его товарищи держались обыденно, даже восторженный романтик Костров. Володя понимал: Сергей немного рисуется перед ним. Конечно, космонавт, уже побывавший на Луне, не должен вести себя так, как новичок-журналист.

В скафандр Никитин облачился быстро, без посторонней помощи. Бесконечные тренировки, которыми донимал его на космодроме Карпенко, не прошли даром. Далее Чумак немного отстал, замешкался со шлемом. Это почему-то очень обрадовало Володю.

Выходили все вместе. Шлюзовая камера была тесновата для пятерых, поэтому пришлось стоять плечо к плечу. Володя оказался между профессором и Костровым. Оба так тепло, так ободряюще посматривали на него, что он был тронут. Хорошие все-таки у него спутники?!

Когда давление в камере упало до нуля, наружная дверь открылась автоматически. Вслед за товарищами, Володя стал спускаться по узкой лесенке. Очень хотелось повторить прыжок Соколова, но он не решался это сделать.

У подножия «Циолковского» ожидали двое. Их голубоватые скафандры сверкали в ослепительном свете прожекторов. Когда Соколов вступил на каменистую площадку, первый стремительно шагнул к нему, крепко обнял.

— Это Бороздин! — сказал в наушниках голос Кострова.

Бороздина, самого молодого академика в стране, Володя знал лишь по портретам. Космонавты называли его «хозяином Лунограда». Начальник Постоянной лунной экспедиции жил на Луне безвыездно уже месяца три. Говорили, что срок этот может намного увеличиться. Врачи обнаружили у Бороздина какое-то сердечное заболевание и категорически запретили ему переносить перегрузки до полного выздоровления. Но ученый был только рад такому обстоятельству...

Разговор велся так же свободно, как на Земле — приемо-передатчики в каждом скафандре были настроены на одну волну. Потом все пошло напрямик через ракетодром по направлению к высоким куполам строений.

Володя задержался. Первые шаги он делал словно во сне. Сбылось! Его окружают зубчатые силуэты неземных гор. Под ногами у него — пористые, как пемза, бурые камни Луны, над головой — бархатная чернота неба и немигающие звезды. И прямо перед глазами, низко над горизонтом, висит в бездонном мраке огромный бело-голубой ущербленный шар, заливающий окрестности ровным и сильным светом. Земля! Очертания материков можно угадать с трудом. Почти вся территория Советского Союза затянута белесыми и синими мазками облаков. Родная планета показалась бесконечно далекой, безжизненной. И сердце Володи тоскливо сжалось. Он почувствовал на мгновение почти физическую боль — настолько ярко вдруг представились ему голубое небо, шумные леса, города, села. Земля по-матерински звала своего сына, и каждой клеточкой тела он ощущал этот зов...

И, словно отвечая мыслям Володи, Костров негромко прочитал:

*Равнины лягут без конца и края,
Переливаясь зыбкой синевой,
И, чуждую планету попирая,
Увижу Землю я над головой.
И к ней рванусь всем сердцем в этот день я,
Вдали от нив земных пойму одно,
Что до конца земное притяженье
Преодолеть нам так и не дано.*

— Твое? — спросил Володя.

— Нет. Одного старого поэта. А сказано очень верно! Ну, хватит смотреть по сторонам. Смотри, куда наши ушли!

Володе очень хотелось хотя бы бегло познакомиться с наружными постройками Лунограда. Некоторые он уже узнал по снимкам и кинокадрам. Голубая башня, увенчанная блестящим шаром, — обсерватория. Целый лес решетчатых параболических антенн — станция наведения, с которой управляют полетами космических кораблей. А вот это причудливое сооружение что-то новое...

— Успеешь еще насмотреться, — торопил Костров. — А ну бегом!

И они бросились догонять товарищей, делая десятиметровые прыжки.

Знакомство с гостеприимными хозяевами началось, как и на станции «Дружба», за обеденным столом. По случаю прибытия нового корабля в столовой собрались почти все жители Лунограда. Впрочем, ничего сложного в этом не было. Население лунного города составляло всего 65 человек.

С одним из «селенитов» Володя не раз встречался прежде. Это был Эдуард Васюченко, знаменитый альпинист. Костров и Чумак тоже хорошо знали его, они вместе лазали когда-то по горам Кавказа. Васюченко, широкоплечий и массивный, отличался удивительным спокойствием. Но это как-то не бросалось в глаза — может быть, потому, что Эдуард любил поговорить.

— Лунного яблочка не желаешь? — спросил Васюченко. — Одно дать или пару?

Володя засмеялся. Яблока, выращенного в оранжерее Лунограда, хватило бы на десять человек. Огромное, как тыква, с удивительно нежной мякотью, оно казалось сказочным. И пока Володя ел душистый, тающий во рту ломоть, Эдуард рассказывал ему о последних работах биологов лунного города. Недавно начаты опыты по выведению особых «лунных» пород сельскохозяйственных животных. Свиньи и бараны, родители которых были доставлены с Земли, под влиянием пониженной силы тяжести и жесткого космического излучения превращались в страшных тонконогих великанов. С земной точки зрения, конечно, уродливы, но зато — настоящие живые кладовые мяса!

Никитин слушал, а сам обдумывал план действий. Конечно, прежде всего надо обойти все закоулки Лунограда. Дроздов сказал, что пока не выпустит его на поверхность, но это не беда. Луноград — сооружение подземное, вернее, подлунное. Первым космонавтам пришлось вести долгие поиски, пока не были обнаружены большие естественные пещеры, соединенные между собой извилистыми ходами. Работы по их переоборудованию продолжались несколько лет. Зато получился настоящий город — с микроатмосферой и микроклиматом, надежно защищенный от всех опасностей, грозящих космонавтам на поверхности.

Лаборатории, жилые помещения, склады, мастерские — все было упрятано глубоко под почву, надежно герметизировано. Жители Лунограда чувствовали себя так же, как на Земле разве что были в шесть раз легче.

— Эдик, будешь моим проводником? — спросил Володя.

— Конечно! Дежурство мое вечером, а сейчас полностью свободен. Куда же мы пойдем? В центральную диспетчерскую? Или обсерваторию? А может быть... Знаешь, Володя, у меня гениальная идея! Не пойти ли нам в спортзал?

— В спортзал?

— А ты что удивляешься? Во-первых, без ежедневных занятий физкультурой нам нельзя — мышцы атрофируются. А во-вторых, гарантирую незабываемое ощущение. Только подумай: полет на крыльях! Единственный в мире аттракцион — человек-птица!

И Васюченко рассказал, что жители Лунограда очень полюбили этот увлекательный, возможный только на Луне вид спорта. Притяжение здесь настолько мало, что силы человеческих мускулов достаточно для продолжительных полетов на крыльях из пластмассы.

Но Володя не поддался соблазну. Вылет «Циолковского» был назначен на завтра, и нельзя было тратить время на развлечения, даже самые интересные. Он попросил проводить его в отдел главного энергетика. Еще на Земле Никитин мечтал поближе познакомиться с уникальными солнечными энергостанциями Лунограда,

По дороге Васюченко увлеченно говорил о будущем Луны. Уже начато строительство первых рудников. Титан, гафний, бериллий и другие ценнейшие элементы найдены в огромных количествах. Скоро начнется строительство подпочвенного комбината ракетного топлива, атомных электростанций, глубокое бурение Луны.

— А лучше всего будет, если прилетишь сюда через полгода, — закончил он. — Увидеть своими глазами всегда интереснее...

Сигнал бедствия

— Сегодня мы не вылетаем, — сказал Соколов.

— Что случилось? — удивленно поднял брови профессор.

— Только что получен «SOS». Через лунник-3. Передача велась от американской автоматической станции «Эвдокс».

— А-а, соседи! И что же у них стряслось?

— Инженер Шаффер исправлял там повреждение. С ним произошло какое-то несчастье. Просит помощи.

— Воздух у него есть? — быстро спросил Дроздов.

— Есть. Но он ранен.

Дроздов задумался.

— Да, положение неприятное. Неизвестно, принят ли сигнал на американской базе.

— Я уже решил, — твердо сказал Соколов. — Посылаю туда машину.

— Кто летит?

— Костров и Васюченко. С Бороздиным согласовано.

— Ну, раз начальство не возражает, мы тоже за. Не очень хотелось бы с самого начала ломать график, но что поделаешь... В таком деле важны минуты...

В дверь осторожно постучали.

— Войдите! — сказал Дроздов. Он повернулся к вошедшему и широко улыбнулся. — А, Никитин! У вас такой вид, словно вы пришли проситься на самостоятельную прогулку по Луне. Набраться впечатлений в окрестностях станции для очередного репортажа. Или не угадал?

— Почти угадали, Виктор Иванович. Только мне хочется не на прогулку, а полетать вместе с Костровым. Разрешите, Андрей Федорович.

Соколов молча покачал головой.

— Но почему нельзя? Это же такой материал будет!

— Знаю. Но драматическую повесть можно будет написать и здесь. Воображение у вас хорошее.

— Обидно, Андрей Федорович...

— Обижайтесь. А в спасательную экспедицию не допущу. Опыта работы в лунных условиях у вас нет, а там все может случиться. Так что никакого разговора у нас не получится.

— Так-то, товарищ корреспондент! — засмеялся Дроздов. Помните, я еще при первой встрече предупреждал, что Соколов не любит вашего брата? Вот когда он показал свои зубы!

— Да, сочувствия у меня не ищите, — в тон профессору сказал Соколов. — Точка. Придется вам удовольствоваться рассказом Кострова.

Никитин уже успел познакомиться с характером командира и понял, что упрашивать бесполезно.

— Ничего, не горюйте, — миролюбиво заметил Дроздов.

Оставалось одно — смотреть, как идет подготовка спасательной экспедиции. Володя так и сделал. С откровенной завистью следил он за тем, как Сергей укладывает в сумку медицинские инструменты, как педантично проверяет по списку аварийное оборудование невозмутимый Васюченко.

— Только не забудь, очень прошу, — напоминал Володя Кострову. — Нужно сделать не меньше десятка снимков. Особенно важно не упустить первый момент, когда вы увидите американца. И постарайся, чтобы кадры были повыразительнее. Договорились?

— Забыть-то не забуду, а вот за качество не ручаюсь. Я ведь для газеты никогда не снимал, не знаю ваших требований...

— Не беда. Главное — крупный план и четкость. Бери пример с Титова. Он тоже не был кинооператором, а какие кадры привез в свое время!

— Есть равняться на Титова! — засмеялся Сергей.

Через четверть часа после того, как радиостанция Лунограда приняла сигнал бедствия, лунолет взял курс к кратеру Эвдокс. Человеку, пославшему призыв о помощи, не придется долго ждать.

— Хорошая штука, — с уважением сказал Васюченко, когда машина стала стремительно набирать скорость. — Не чета нашим черепахам.

— Теперь и у вас такие будут, — заверил Костров. — Мне говорили, вот-вот начнется серийный выпуск. А машина — чудо!

Костров не зря расхваливал лунолет, который прибыл с Земли в грузовом отсеке «Циолковского». Конструкция этой машины намного превосходила все предыдущие. Первые лунолеты летали лишь по десять-пятнадцать минут — на более продолжительный полет не хватало запасов горючего. Но конструкторы заменили ракетные двигатели плазменными, и укрощенная термоядерная энергия позволила осуществить давнюю мечту исследователей Луны. Новая машина была способна летать без посадки до двух часов. Лунолет мог передвигаться и на гусеничном ходу, мог совершать громадные прыжки через трещины и разломы. Неудивительно, что все жители Лунограда сразу же заинтересовались новинкой, с которой были знакомы до этого лишь по снимкам и описаниям.

— Я думаю, что Соколов даже рад происшествию, — говорил Костров. — Эта прогулка будет хорошим испытанием новой машине. Ведь как бы ни были точны расчеты, а проверить их на деле нужно...

На сферическом экране скользили рваные тени, тянулись однообразные нагромождения скал. Иногда на несколько минут возникала оплошная чернота — лунолет проносился над гигантской пропастью, дно которой терялось во мраке.

— На своих двоих тут, пожалуй, не проберешься, — заметил Сергей.

— Можно, — сказал Васюченко. — Левее есть приличная дорога. По самому краю плато. Мы проезжали недавно. В гости к американцам ездили.

— Ну и как они вас встретили?

— Хорошо встретили. Как и положено. С полным уважением.

— Не косились?

— Да нет, ребята вроде неплохие. Спесь-то с них давно уже сбили...

Костров засмеялся.

— Ты что? — удивился Васюченко.

— Вспомнил одну любопытную вещь. Недавно читал я в старинном американском журнале статейку, написанную еще до нашего первого спутника. Автор этак безапелляционно заявлял, что владеть Луной может только то государство, представители которого первыми на нее высадятся. А все остальные должны будут выпрашивать визы на полеты. Помнится, в статье даже предлагалось послать к Луне ракету с американским флагом это, дескать, будет означать, что Соединенные Штаты уже присоединили к себе сразу всю лунную территорию. А в заключение автор решительно требовал принятия законопроекта, в котором были бы закреплены все эти положения.

— Жаль, что не приняли такой закон.

— Может, и приняли бы, да спутник наш помешал. А после Второй космической ракеты заговорили совсем иначе...

— Чудаки, — улыбнулся Васюченко. — Луна большая, всем места хватит. И действительно, живем здесь в мире и дружбе. Мирное сосуществование — это, брат, чудесная штука!

— Вот мы и прибыли, — сказал Костров. — «Эвдокс».

Он взялся за ручное управление. Лунолет повис в пустоте, мелко вибрируя корпусом.

— Интересно, где Шаффер? — внутри или снаружи, — размышлял Сергей. — Скорее всего, сидит в тоннеле. Как думаешь?

— Конечно, там. Он же работал на большом передатчике.

— Меня вот что смущает. Посадочная площадка у станции больно маленькая. К тому же на ней его вездеход — видишь?

— Ничего, сядем.

— И скала у входа мне не нравится. Сядем — как раз над машиной окажется. А другого места я не вижу...

— Может быть, там опустимся? — указал Васюченко на ровное плато сбоку.

— А потом полкилометра будем прыгать по скалам? Не забудь — Шаффер ранен. Ладно, опускаюсь...

— Вот задача ученым, — заметил Васюченко. — Так расположить двигатели, чтобы можно было остановить машину... чуть не сказал «в воздухе», а самим спускаться, как с вертолета. Здорово было бы, верно? А сейчас из-за этого ядерного огня носа отсюда не высунешь...

Через несколько минут лунолет опустился в пяти шагах от входа в тоннель, где размещалась аппаратура автоматической станции.

Кострову как-то рассказывали, что при выборе места для этой станции было немало споров. Многие американские ученые возражали против предложенного разведчиками места из-за неудобных подходов к нему. Но все решила небольшая пещера в скале. В ней и было смонтировано оборудование. Снаружи остались только чаши локаторов и передающие антенны. Как и остальные четыре американские автоматические станции, «Эвдокс» круглые сутки посылала в пространство сигналы, передавала собранные данные.

Костров поднялся по узкой лестнице к входу в тоннель, который был расположен на высоте пяти метров. Васюченко карабкался следом. Кибернетическое устройство гостеприимно распахнуло перед ними двери шлюза. Через несколько минут камера наполнилась воздухом, и они шагнули в глубину тоннеля.

Станция состояла из трех герметических отсеков, заполненных аппаратурой. Внутри была создана микроатмосфера, и система солнечных батарей и аккумуляторов поддерживала постоянную температуру.

Шаффер сидел на полу, неудобно вытянув перед собой ногу. Цилиндрический шлем был раскрыт, и голова инженера беспомощно свешивалась набок. Его бледное, одутловатое лицо казалось мертвым.

Костров стремительно приблизился к американцу, осторожно взял его голову гибкими металлическими ладонями. Шаффер приподнял синие веки, но тут же они снова опустились.

— Жив! — обрадованно сказал Сергей, откидывая с лица стекло шлема.

Он раскрыл герметическую сумку с медикаментами, вытащил маленький тюбик, отвернул крышку. Потом осторожно выдавил несколько капель на сухие, бескровные губы американца. И тотчас же тот застонал, открыл глаза.

— Русские? — хриплым шепотом спросил Шаффер, разглядев скафандры гостей.

— Мы услышали ваш сигнал, — сказал Костров по-английски. — Что с вами?

— У меня, кажется, сломана нога. И еще ушиб головы. Проклятье!

— Как это случилось?

— Сам виноват. Оступился на верхней площадке — и головой вниз. Случись такое на Земле... А тут еще дешево отделался.

Шаффер болезненно сморщился, покрутил головой.

— И все это проклятое виски! Нужно мне было выпить перед тем, как поехал...

Костров и Васюченко быстро переглянулись. Странно было им слышать это признание!

— Я едва забрался снова наверх, — рассказывал Шаффер. — И угораздило же наших парней выбрать для станции такое местечко! Эти пять метров отняли у меня пять лет жизни...

— Повреждение устранено? — спросил Васюченко.

— Да, — не сразу ответил американец. — Я уже собирался ехать обратно, когда произошла эта проклятая история.

— Тогда все в порядке. Можно обратно. Вы не возражаете, если мы доставим вас в Луноград?

— Конечно, конечно! Я буду очень рад побывать у русских. У вас, знаю, хорошие врачи. Они меня мигом поставят...

Шаффер не договорил. Внезапно раздался пронзительный, режущий уши свист. Лампы под низким потолком мигнули и погасли. Все трое ничего не успели, еще понять, а у их лиц щелкнули герметизаторы шлемов — сработали автоматические устройства, отключившие скафандры от внешней среды, как бывает в тех случаях, когда вдруг падает окружающее давление.

Темнота держалась всего несколько секунд. Свет, жаркий и слепящий, ринулся в отсек. Но это было не электричество. Прямо в глаза космонавтам били яростные лучи солнца. Там, где только что была гладкая пластикатовая стена, зияло рваное отверстие с вывороченными наружу краями. Разноцветные обрывки проводов беспомощно торчали в разные стороны. Один из них все еще мелко дрожал.

Герметически замкнутого, изолированного отсека больше не существовало. Вместо сухого и теплого, приятно пахнущего озоном воздуха людей окружала пустота, мертвый вакуум Луны.

Значительно позднее выяснилась причина случившегося. Шаффер обманул. Он пришел, чтобы узнать, почему неожиданно повысилось давление микроатмосферы станции, но так и не успел приступить к работе. Несчастный случай произошел с ним еще до того, как он вошел в отсек.

Инженер просто побоялся сказать правду. Он подумал, что от русских можно ожидать всего. Начнут еще отыскивать повреждение, потом возьмутся за ремонт. А он так страдает. Нет, пусть станция летит хоть в преисподнюю, здоровье ему дороже...

Конечно, Шаффер не стал бы рассуждать так легко, если бы знал, что ему угрожает. А опасность над станцией нависла серьезная. Техник, побывавший здесь на прошлой неделе, неплотно прикрыл вентиль одного из кислородных баллонов. В результате давление в отсеке непрерывно повышалось.

А дальше сработала целая цепь случайностей. Предохранительный клапан был заглушен еще строителями станции. Стены, рассчитанные на давление в несколько атмосфер, в одном месте оказались проклееными, и проклееными на скорую руку. Огромная

сила, ничем не уравновешиваемая снаружи, давила на слабый шов. И вот наступил момент, когда пластиковая оболочка лопнула, и десятиметровая толща стены тоннеля не смогла удержать чудовищного напора воздуха изнутри. Стена обрушилась. Одновременно упала вниз и громадная скала, нависшая над входом.

Люди не пострадали. Но передатчик погиб — в него ударил камень, рикошетом отскочивший внутрь.

— Положеньице! — сказал Васюченко и поскреб металлический затылок.

— Ничего, выберемся, — бодро утешил Костров.

Но когда он с трудом протиснулся до пояса сквозь пролом, то увидел, что произошло самое неприятное. Лунолет, а также вездеход американца были погребены под грудой камней.

— Вручную за сутки не откопать, — заметил Костров.

— А кислорода у нас — часа на три. Что делать будем?

— Выход один. В прямом и переносном смысле. — И Костров решительно указал на зияющее в стене отверстие.

— А он?

— Вытащим. Как-нибудь. Провода, на худой конец, приспособим.

Только тут Костров заметил, что американец быстро и энергично что-то говорит. Однако слов не было слышно. Радиостанция в скафандре Шаффера была настроена на другую волну. Сергей выразительно покрутил руками у головы — не слышим. Американец понял, торопливо стал вращать верньер настройки своего приемо-передатчика. И Костров услышал его сбивчивый, торопливый голос:

— Я прошу вас, джентльмены, не оставлять меня здесь. Русские ведь не бросают соседей в беде, верно? Умоляю вас...

— Не говорите чепуху, — резко сказал Костров. — Конечно, мы заберем вас с собой. Иначе не может быть.

Спуск занял минут двадцать. Прыгать, держа на плечах Шаффера, Костров не рискнул, и они долго мастерили хитроумное приспособление из проводов, чтобы можно было осторожно опустить раненого. Наконец все очутились на ровной каменной площадке. Еще раз убедившись, что машины отрыть невозможно, Костров и Васюченко стали советоваться — как быть дальше.

— Господа! — вмешался Шаффер. — Я предлагаю идти к «Вашингтону». Он ближе вашей базы километров на двадцать. И дорога лучше.

Костров задумался. С одной стороны, американец прав. Двадцать километров — не шутка, особенно, если запасы кислорода невелики. И в то же время несложный расчет показывает, что до американской базы «Георг Вашингтон» они успеют дойти лишь при одном условии — если оставят Шаффера. С такой ношей быстро не зашагаешь, и есть все основания задохнуться где-то на подступах к базе. Если же идти к Лунограду, шансов на спасение будет больше. Пусть дальше, пусть труднее дорога. Но товарищи должны выехать навстречу. Они не станут долго ждать. Луна есть Луна, тут человеку могут грозить сотни неожиданных опасностей.. Бороздин и Соколов обязательно вышлют на помощь вездеход...

Шаффер тоже думал о километрах и кислороде. Да, он окажется для этих парней страшной обузой. Им придется выбирать — или погибнуть всем троим, или бросить его. Окажись сам он на месте русских, трудно сказать, как бы поступил в этом случае. Наверное, сказал бы, что две жизни все-таки лучше, чем три смерти... Как это он читал когда-то — неумолимое уравнение космоса. К черту математику! Они не должны, не бросят его! Пусть идут куда угодно, лишь бы с ним. А оставаться здесь — верная гибель. Большие баллоны с кислородом, находящиеся в отсеке, совершенно бесполезны. К скафандру их не присоединишь. Откопать вездеход своими силами невозможно. Все, все оборачивается против него...

И без того бледное лицо американца стало совсем белым. Он молчал и ждал, что скажут русские.

— Не будем терять время, — сказал Костров. — Пойдем навстречу своим. Это наш единственный шанс.

Васюченко нагнулся, легко поднял Шаффера на плечи и сделал первый шаг. Потом второй, третий... Костров пошел следом. Они направились на север — к Лунограду.

«Глупо, очень глупо, — думал Шаффер, покачиваясь на широком плече Васюченко. — Теперь они отрезают путь к спасению и для себя. До Лунограда не успеть даже без груза. Это же самоубийство!»

У него вдруг мелькнула мысль — надо пожертвовать собой. Пусть русские бросят его и идут к американской базе. Но произнести роковую для себя фразу он так и не решился. Впрочем, еще неизвестно, согласились ли бы с ним эти непонятные люди. Наверное, безрассудство у них в крови... Шаффер закрыл глаза и решил ни о чем не думать. Будь, что будет!

Костров и Васюченко шли упругим, размеренным шагом, стараясь дышать спокойно и неглубоко. Со стороны их походка выглядела смешной — точь-в-точь движения бегуна при замедленной киносъемке. Но на Луне иначе и не ходят. Тут все своеобразно...

Они не искали дорогу. Следы вездеходов были навечно отпечатаны в лунной пыли. И у них каждый шаг навсегда вписывается в историю покорения Луны...

Вокруг громоздились остроконечные утесы. Черные зубчатые тени косо перерезали равнину. Когда человек попадал в тень, он почти скрывался из глаз товарища, словно растворялся в чернильной мгле. Мир величайших контрастов не знал полутеней, в нем не было рассеянного света. Белые, щедро залитые солнцем губчатые скалы и угольная тьма у их подножия. А два человека, затерянные в хаосе раскаленной пустыни, шли все тем же пружинистым шагом. Порой на пути встречались черные провалы, через которые приходилось осторожно прыгать. К счастью, широких трещин не было, и Васюченко легко преодолевал все препятствия. Шаффер лишь охал, когда толчок отдавался в его больной ноге.

Примерно через километр «носильщиком» стал Костров. Потом американца снова взял Васюченко. Они не останавливались для отдыха — решили шагать, пока хватит сил.

Шли молча — ведь в этом случае кислорода расходуется меньше.

Идти с каждым шагом становилось все труднее. Сама мысль о том, что запасы кислорода ограничены, заставляла кровь сильнее стучать в виски. И все чаще Костров задумывался: а вдруг товарищи не выедут к ним? Могут же они предположить, что случилось что-нибудь с лунолетом и сейчас устраняется мелкая авария, что задержка вызвана пустяком и нет оснований для беспокойства. Разве можно было ожидать такого стечения неприятных обстоятельств? Но нет, они не могут не прийти на выручку...

И Костров не ошибся. Через час после того, как они покинули станцию «Эвдокс», зоркие глаза Васюченко заметили за недалекой линией горизонта решетку (параболической антенны вездехода. А еще через несколько минут у них в наушниках зазвучал взволнованный и бесконечно родной голос Соколова.

— Я же сказал, что Андрей выручит! — сказал Костров дрогнувшим голосом. С огромным облегчением опустил он вниз Шаффера, тряхнул его за плечо.

— Очнитесь, мистер! Наши едут!

Записная книжка журналиста

«Лунолет откопали, на буксире доставили на базу. Сразу видно: ремонт займет не меньше недели. Сначала я думал, что наш вылет из-за этого задержится. Тем более, Бороздин советовал подождать.

Но Соколов заупрямился. «Я одиннадцать раз бывал здесь, заявил он. — И ничего, обходились без лунолетов, Ждать не будем. Вылетаем сегодня вечером»

«Сегодня» — на Луне понятие растяжимое. Но наш командир имел в виду, конечно, не лунные сутки, которые продолжаются 656 часов. В Лунограде время измеряется по-земному, точнее по-московскому. И «сегодня» Соколова означает, что до нашего последнего старта остается всего часов пять-шесть.

По установившейся традиции мы отдыхаем перед полетом. Дотошные врачи (и тут нет от них покоя!) придирчиво осмотрели каждого из нас, просветили рентгеном. Скучная процедура! Отчаянно завидуем сотрудникам базы, у которых рабочий день в разгаре. Работать здесь приходится, конечно, не по шесть часов. Но люди сами рвутся к делу, идут отдыхать чуть ли не по приказу...

Интересно, что суперсовременная техника благополучно уживается в Лунограде с самым варварским ручным трудом. Биоэлектроника и мотыга, (кибернетические устройства и примитивные носилки — такое сочетание никого не удивляет. Я видел, как почтенный академик Бороздин с первобытной яростью долбил ломом яму, таскал балки. Хорошо еще, что на Луне не требуется сила штангиста. Работать физически приходилось и нам. Сегодня утром, например, я вспомнил свои слесарные знания и часа три усердно монтировал трубопровод. Как ни странно, заслужил похвалу. Костров, который оказался в роли землекопа (лунокопа), завидовал. То-то, Сережа, не все тебе посматривать на меня свысока...

Строили мы новую насосную, и я часто вспоминал... (зачеркнуто). Нет, не то что писать, думать о ней я не должен! Все прошлое осталось на Земле, а здесь не может быть места разным слякотным мыслям, тоске и прочему. Надо взять себя в руки!

Итак, вечером летим. Соколова поддержали все. Даже Дроздов, к моему удивлению, поспорил с Бороздиным, который продолжал настаивать на отсрочке полета.

— Конечно, без лунолета нам будет гораздо труднее, — сказал наш профессор. — Но ожидать целую неделю мы не можем. Даже при всем уважении к вашему строительству. Поверьте, нами движет не простое любопытство. Вдумайтесь только: обнаружить следы неземной цивилизации! А вы — подождать... Нет, промедление тут недопустимо. И так застряли из-за вашего американца. (Тут Дроздов, скажем прямо, перегнул). А лунолет направите к лам позднее. Если, конечно, мы до того времени не вернемся...

Бороздин сдался. Соколов имел право действовать по своему усмотрению, и власть всесильного «хозяина Лунограда» на него не распространялась. Я рад, хотя задержаться еще на денек было бы неплохо. Материал тут — богатый!

Писать приходится урывками, поэтому на этих страницах нет ни последовательности, ни подробных описаний. Ничего, потом разберусь. Только что кончилась «летучка»

(говорю по газетной привычке). Соколов и Бороздин долго (со множеством технических подробностей) договаривались о связи. Речь шла, главным образом, о том, как предусмотреть все случайности, которые могут возникнуть. В радиотехнике я, к стыду своему, не силен, поэтому многое просто не понял. Усвоил только, что сообщаться с Луноградом и Землей мы будем с помощью лунника-2. Лунник-3 остается резервным. Способ, конечно, весьма канительный. Когда лунник будет пролетать над нами, он примет сообщения и запишет их, а потом, обогнув Луну по своей орбите, передаст информацию. Так что ответа на вопрос придется ждать долго. Но что поделаешь — иного способа связи с обратной стороной еще не придумано...

Разговорился с Чумаком. Сам удивляюсь, как это удалось. Но Костров когда-то сказал, что Алексей — как застывший мотор. Если сумеешь его раскрутить, потом не остановишь. И действительно, столько интересных историй он мне порассказал — на целый роман хватит.

Любопытно, что я оказался первым журналистом, который поговорил с Чумаком, что называется, по душам. Остальные терпели неудачу. Я заметил, что Соколов, несмотря на его замкнутость, все же любит, когда о нем пишут, в своем кругу не прочь даже прихвастнуть. Конечно, все это почти неуловимо, к таким выводам приходишь скорее интуитивно. Но даже «чуть-чуть» — это уже «кое-что». А у Чумака совершенно отсутствует жажда славы. Он и с меня взял честное слово, что не напишу о нем ничего лишнего. Откуда такая сверхскромность, судить не берусь.

В первые дни нашего знакомства Чумак казался мне скучным собеседником. Не понравилась и его манера шутить с серьезным видом, стремление порисоваться своим равнодушием ко всему земному. А тут я узнал, что Алексей умеет рассказывать удивительно точно и образно, что он прекрасно чувствует юмор. Он говорил о своем детстве, а я отчетливо видел затерянную в тайге деревушку, видел до малейших подробностей. Скуп и в то же время очень емко обрисовал он отца, сельского учителя, большого энтузиаста своего дела, который и привил сыну постоянное стремление к знаниям. А сколько нежности и тепла было в глазах Алексея, когда он вспоминал свою мать, когда рассказывал о жене и трехлетней дочке. Позавидовал я ему тогда, очень позавидовал...

Алексею 27 лет, а биография у него богатая. Работал коллектором в геологической экспедиции, был старшим рабочим в высокогорной обсерватории, сотрудником Камчатского вычислительного центра и уж оттуда попал в школу космогации. Впрочем, с его талантом это было нетрудно.

С Костровым Чумак очень дружен, но любит дразнить его. Сережа, простая душа, легко поддается на разные провокации, а Чумаку это доставляет удовольствие. Но я сейчас выступаю в роли арбитра, привожу их «к общему знаменателю». Ничего, пока удастся.

До отлета остается час. Все вместе выходили к своему планетолету. «Проветриться», — шутит Дроздов. Обнаружили интересное, очень своеобразное ощущение: я «чувствую» Землю. Даже когда она за спиной, даже с закрытыми глазами. Кажется, что она тянет к себе — как сильный магнит. Верно сказал тогда Сергей: «До конца земное притяжение преодолеть нам так и не дано». Но странно прямо-таки физически испытывать притяжение старушки-Земли. Мистика какая-то... Рассказал об этом Дроздову, а он смеется. Говорит, что это вид лунатизма, только наоборот. А потом сообщил мне несколько

любопытных фактов из жизни обитателей прибрежной полосы морей — литорали. Маленький краб, прозванный скрипачом за непомерно большую правую клешню, меняет свою окраску в зависимости от «лунных ритмов», вызывающих приливы и отливы. Даже в закрытой комнате, в непрерывной темноте, окраска краба меняется в полном соответствии со временем приливов и отливов. За месяц «часы» этого «лунатика» ошибаются всего на несколько минут. Приспособились к приливным ритмам моллюски, цапли. Стоит ли удивляться, что человек «почувствовал» Землю на Луне?

...Пишу уже в кабине «Циолковского». Вылетели. Было радостно и жутко. Вот когда я по-настоящему почувствовал, что мы не на Земле! Наш мир сжат до крошечных пределов кают корабля, а потом он станет еще меньше, уместится в скафандре. А все остальное вокруг будет чужим, враждебным, насыщенным опасностями. Бр-р!

Долго не мог оторваться от стереоэкрана. Картина там такая, что невольно захватывает дух. «Циолковский» летит параллельно лунной поверхности, с включенным главным двигателем. А так как работающий двигатель космонавт всегда ощущает внизу, Луна вдруг вздыбилась, прекратилась в отвесную стену. Горные хребты и острые пики вытянулись горизонтально, и казалось, что они вот-вот обломятся и рухнут в черную глубину. Странно, непривычно смотреть на гигантскую изломанную стену, которой не видно ни конца, ни края...

Летим медленно, с минимальной скоростью. Дроздов ведет аэрофотосъемку, все остальные тоже заняты наблюдениями. Бездельничая один я. Надо сказать, что работой меня особенно не нагружают. Я как-то запротестовал, но Соколов заявил, что меня послали сюда в первую очередь как журналиста, поэтому мне нужно писать. Вот и пользуюсь случаем... Совесть не мучает. Во-первых, помощь от меня может быть весьма относительная. А во-вторых, сказать, что экипаж «Циолковского» перегружен работой — будет большое преувеличение. Трудятся на корабле главным образом все-таки автоматы.

Соколов торопился с отлетом по одной простой причине. В районе кратера Циолковский, куда мы летим, сейчас лунное утро. Это значит, что мы сможем заниматься своими поисками суток десять (земных), пока светит солнце. Лунной ночью на обратной стороне крошечная тьма, и даже в случае полной неудачи нам придется возвращаться. На этот счет у нас строгие предписания. Жителям Лунограда легче, для них ночь — не помеха. В ярком голубом свете Земли свободно можно читать даже мелкий шрифт. А мы будем там, откуда Землю никогда не видно...

Припоминаю сейчас рассказы участников экспедиций на обратную сторону, официальные отчеты и все больше убеждаюсь, что достанется нам крепко. Бродить в диком хаосе скал, ежеминутно рискуя свалиться в бездонную пропасть, — удовольствие невеликое. В экспедиции Туманова погибли двое, причем одного так и не нашли. А ведь это были опытные, закаленные космонавты, не мне чета. Не буду кривить душой, — когда думаю об этом, противные мурашки бегут по спине и страх — подлый, удушливый страх хватается за горло. Соколов недаром все чаще повторяет, что с Луной шутки плохи. Но будь в тысячу раз страшнее, в сотни раз опаснее — все равно не отступлю...

Чем ближе цель, тем чаще задумываюсь. Успешны ли будут наши поиски? Я много раз уже повторял всем, что летим почти наверняка, а сейчас сомнений больше, чем когда бы то ни было.

Может быть и такой вариант. Мы обнаружим какие-то автоматы, созданные Чужой Жизнью. А сумеют ли ученые разобраться в них, понять сущность и назначение наших находок?

В фантастических рассказах не раз говорилось, что вступить в контакт с жителями иного мира — не так уж сложно. Что не поймет человек, расшифруют логические машины. Выдуманные герои с помощью выдуманных устройств сравнительно быстро разгадывали тексты книг, магнитные записи и другие творения внеземной цивилизации. В основе всех этих историй лежит одно довольно-таки зыбкое предположение: эволюция Чужого Мира шла примерно по тому же пути, что и земная. А можем мы надеяться на такую удачу?

Дроздов спустился в кабину отдохнуть, и я завел с ним разговор на эту тему. Ход моих рассуждений был примерно такой. Высокоорганизованные, мыслящие существа из разных миров вовсе не должны повторять одно другое. Они могут различаться и внешне, и своим внутренним миром. Наивно утверждать, что жители всех планет обладают человеческой психикой, человеческими органами чувств, человеческими понятиями. А раз так, то машины не помогут найти общий язык. Кибернетическое устройство лишь выполняет волю человека, моделирует его функции. Выработать принципиально новое, не человеческое, понятие машина неспособна. Поэтому Чужая Жизнь может так навсегда и остаться для нас неразгаданной...

Но Дроздов не поддержал меня.

— В принципе вы, конечно, правы, — сказал он. — Я, как и многие наши ученые, считаю, что в бесконечной Вселенной найдутся миры, где жизнь возникла не на основе углерода и кислорода, как на Земле. Скажем, на основе кремния и фтора. Возможны и другие форумы небелковой жизни. Не исключена вероятность существования и антимира. Но все это, по моему мнению, относится к отдаленным от нас уголкам Вселенной. В нашей части Галактики жизнь должна развиваться более или менее сходными путями. А разумные существа, прилетевшие к Земле, вряд ли прибыли из туманности Андромеды. Скорее всего, это — наши космические соседи. Поэтому я и надеюсь — мы сумеем разобраться во всем, что они оставили... Дает основание так думать и свидетельство Соснина. Он прямо указывает, что космонавт был двуногим, в основном походил на человека, разговаривал. Значит, он не так уж отличался от нас с вами... Точно так же и приборы, автоматические устройства, созданные его собратьями, могут в некоторой степени напоминать известные нам. Ведь, что ни говори, а законы механики, теорема Пифагора или таблица Менделеева останутся такими же абсолютными истинами на любых планетах, имеющих физические условия вроде земных. И теми же будут у них и у нас колесо, рычаг, винт... Словом, я остаюсь оптимистом.

Как хочется, чтобы надежды профессора оправдались!

...Прибыли! Сначала Соколов решил опуститься северо-западнее кратера Циолковский, на том месте, где были обнаружены загадочные радиосигналы. Но потом он передумал. Местность там такая, что почти невозможно найти посадочную площадку. Изломанные, взметнувшиеся из лунных недр утесы, беспорядочные нагромождения скал, отвесные гранитные стены — все это кажется результатом чудовищной катастрофы. Кто

знает, какие силы создали такой суровый, зловещий пейзаж? Во всяком случае нашим селенологам есть о чем поспорить...

Прилунились мы внутри кратера. С высоты выглядит он эффектно — диаметр около сотни километров, в центре остроконечная гора, сияющая в лучах солнца платиновым блеском. А когда я выглянул в иллюминатор после прилунения, картина резко изменилась. С одной стороны тянутся изломанные зубцы горного хребта, исчезающего за горизонтом — небольшая часть кольцевой горы. А с другой — унылая равнина, разбитая трещинами самых причудливых очертаний. Центральной горы, конечно, не видно — до нее километров тридцать, а линия горизонта на Луне находится всего в трех километрах.

Камни здесь угловатые, острые, какие-то колючие. Они никогда не знали ни дождей, ни ветров, ни стремительных потоков.

Наметили план действий. Сначала тщательно прощупаем ближайшие окрестности — куда достанут антенны нашего приемника. Если это не даст результатов, начнем поиски по маршрутам. Разумеется, прежде всего выпустим «кузнечиков» — киберразведчиков, маленькие автоматические танкетки с ракетными двигателями и автономным управлением. У нас их четыре. А если не поможет — изменим место стоянки.

У всех азартное охотничье настроение. Даже разговариваем вполголоса, словно боимся спугнуть дичь. Кажется, что удивительные открытия совсем рядом, в нескольких шагах. Что-то нас ожидает?»

Володя теряет мужество

Много лет назад студент Виктор Дроздов был участником любительской экспедиции к месту падения знаменитого Тунгусского метеорита. Многим запомнилось его страстное выступление на научной дискуссии, когда он убедительно отстаивал предположение о ядерном взрыве «тунгусского дива».

Значительно позднее, когда Дроздов был уже доцентом, его послали в научную командировку в Северную Африку. Он сделал огромный крюк, чтобы только побывать на плато Тассили. Там среди множества выразительных и реалистических рисунков, мастерски выполненных на скалах древними художниками, есть загадочные изображения фигур, напоминающих космонавтов в скафандрах. Собственноручно сделанную фотографию «Великого бога марсиан» Дроздов не раз демонстрировал коллегам и студентам. При этом он обязательно подчеркивал, что лично для него нет никакого сомнения — рисунок сделан с натуры. Неведомый космонавт, посетивший вместе со своими товарищами Землю несколько тысячелетий назад, вдохновил первобытного художника...

Ученые не раз упрекали Виктора Ивановича за его пристрастие к гипотезам, лежащим на грани фантастики. Но Дроздов только отмахивался от скептиков. И в сорок восемь лет он остался таким же восторженным романтиком, глубоко убежденным в том, что человек скоро должен найти бесспорные доказательства разумной жизни на других планетах.

Экипаж «Циолковского» хорошо понимал, каким тяжелым ударом для профессора будет крушение его гипотезы. Но пока поиски оставались безрезультатными. Пятый день подряд киберразведчики возвращались «с пустыми руками». Чуткая аппаратура не улавливала ни малейших следов посторонних радиоизлучений.

Дроздов помрачнел, совсем перестал шутить. Соколов утешал — уже собран богатый материал, успешно решено большинство намеченных задач исследовательского характера, обнаружено несколько месторождений редких металлов, имеющих промышленное значение. Но это все-таки было не главным...

«Циолковский» уже в третий раз сменил свою стоянку. Теперь планетолет находился по внешнюю сторону кратера. Понадобилось немалое искусство, чтобы удачно посадить многотонную машину на крошечную площадку, пересеченную вдобавок глубокой трещиной. Одна из опор планетолета находилась на «другом берегу», что, конечно, совсем не нравилось Соколову. Но иного места для посадки поблизости обнаружить не удалось.

Удача пришла на шестые сутки. Пришла, согласно старинной поговорке: «не было бы счастья, да несчастье помогло». Один из «кузнечиков» неожиданно свалился в пропасть.

Катастрофа хорошо была видна на центральном экране. Дежуривший в это время Чумак отчетливо заметил вспышку случайного микрометеорита, угодившего в незащищенное спецброней место. Был поврежден один из узлов управления, и вездеход, неловко повернувшись вокруг своей оси, кувыркнулся с отвесной скалы вниз. И сразу же экран погас — телевизионный передатчик «кузнечика» вышел из строя.

— Пропала машина, — огорченно сказал Дроздов, когда Чумак сообщил о случившемся. — Конечно, вся аппаратура — в лапшу. Глубина там порядочная, я знаю.

Но Соколов не согласился.

— В таких делах нужен педантизм, — заметил он. — Постараемся достать хотя бы катушки с записями. Надо же узнать результаты этой разведки...

Костров вызвался полезть вниз. Соколов тоже пошел с ним. Третьим был Никитин, очень довольный, что ему разрешили пойти к месту аварии.

Космонавты подошли к краю каменистого обрыва. Дно пропасти терялось в непроглядном мраке. Вниз опустили прожектор. Оказалось, что вездеход лежит вверх гусеницами на глубине почти двухсот метров. Сергей обвязал вокруг пояса тонкий, но практически нервущийся шнур, быстро стал опускаться. «Я бы и без скафандра так не смог», — с завистью подумал Володя.

Все последние дни специальный корреспондент был далеко не в приподнятом настроении. Из планетолета его не выпускали. Приходилось помогать товарищам по мелочам, приводить в порядок свои записи и изнывать от нетерпеливого ожидания. Поэтому Володя обрадовался гибели киберразведчика. Как-никак, а приключение!

Наконец, круглая металлическая голова Кострова появилась над острым обрывом.

— Все в порядке, — сказал Сергей. — Еле пробрался вовнутрь — двери заклинило. Но все катушки снял...

Как и прежде, расшифровкой занялись сразу же, едва катушки оказались в кабине планетолета. Дроздов и Чумак стали осторожно колдовать над магнитными пленками,

остальные ждали. Ждали скорее для порядка — очень мало надежды на то, что результаты окажутся утешительными. И вдруг...

— Эврика! — провозгласил Дроздов, появляясь в дверях. Нашли! Понимаете, товарищи — нашли!

Володя вздрогнул. Неужели? Машинально, по укоренившейся журналистской привычке, он косо глянул на часы. Семнадцать часов сорок восемь минут. Надо запомнить — исторический момент...

— Выяснилась любопытная вещь, — говорил Дроздов. — Запись интересующих нас сигналов оказалась на пленке самой последней. Это значит, что она сделана в те секунды, когда машина падала в пропасть. Вывод один. Источник радиоизлучений находится там, на дне.

— А сигналы те самые? — недоверчиво спросил Никитин.

— Можете не сомневаться. Мы сравнили с данными Туманова полная идентичность. Давайте решать, как нам быть.

Несколько напряженных секунд все молчали. Потом Соколов сказал:

— Будем спускаться вниз.

— Дно паршивое, — заметил Костров. — Множество камней и тьма египетская. «Циолковский» там не посадить. Угробим машину.

— Значит, — опускаемся сами. Так, как это сделал ты. Действуем следующим образом. Сначала вниз лезут двое. Еще двое остаются наверху, для связи. Если с первой парой что случится, вторая идет на помощь. Если и она не сможет вернуться, оставшийся на корабле передает «SOS» на лунник и ждет спасательную экспедицию, не покидая планетолета. Ясно?

Каждый опустил голову в знак согласия. Внизу может быть любая опасность, и нужно предусмотреть все.

— В первой паре пойду я, — сказал Соколов тоном, не допускающим возражений, — и...

Он остановился на мгновение, обводя глазами остальных участников экспедиции.

— Андрей Федорович! — простонал Володя. Он чувствовал, что опять самое интересное, самое захватывающее открытие проплывет мимо него. За что же такая несправедливость? В эту секунду он почти ненавидел Соколова.

— ...И Никитин, — твердо закончил Андрей.

Наверное, у Володи был очень глупый вид, потому что Костров кротко хлопнул его по спине.

— Не бойся, не ослышался, — засмеялся Сергей.

— На очереди, — продолжал Соколов, — будут Чумак и Костров. Вы, профессор, останетесь.

Дроздов покраснел, лицо его стало по-детски обиженным.

— Я предпочитаю преувеличивать опасность, чем ее недооценивать, — холодно сказал Соколов. — А вы среди нас самый старший. Я уже не говорю о том, что из всех пятирких наибольшую ценность для общества представляете именно вы. Не перебивайте, я знаю, что вы хотите сказать. Но нужно учитывать и другое. Вы уступаете каждому из нас в силе и выносливости. Извините за бестактность, но я говорю то, что думаю. Короче — ваша кандидатура наименее подходит для визита в это ущелье...

Дроздов нахмурился.

— Что ж, вы командир, — сказал он, наконец. — Но я бы на вашем месте... Впрочем, ладно! Обещайте одно. Как только будет сделана какая-нибудь находка, сообщите немедленно. А все же рано в старики меня записываете, рано!

— Не обижайтесь, Виктор Иванович, — примирительно сказал Володя. — Если бы мне не писать об этом, обязательно уступил бы свое место. Но сами понимаете, — интересы читателей требуют...

— Хитрый вы, Никитин, — улыбнулся профессор. — Ладно, собирайтесь...

От планетолета до пропасти было километра полтора. Идти все время приходилось под уклон, выбирая путь среди острых утесов и бездонных провалов. Чумак остался в корабле заканчивать свое дежурство. Дроздов решил хотя бы проводить Андрея и Володю до места.

На этот раз спускаться было проще. Костров принес огромный сверток — веревочную лестницу из сверхпрочных нитей. Ее длина в четверть километра позволяла добраться до самого дна.

— Постараемся вернуться как можно раньше, — говорил Андрей, уже опускаясь. — В крайнем случае, предупредим. А если связь прервется неожиданно, поступайте по своему усмотрению. Во всяком случае, полчаса можете ждать смело.

Дроздов ушел сменить Чумака. Костров уселся на самом краю пропасти, следил за медленно удаляющимися огнями фонарей. Володя, который опускался вторым, то отставал, то торопился. «Волнуется», — подумал Сергей.

— Володя, не спеши, — оказал он.

— Я... не спешу, — послышался в наушниках Кострова прерывающийся голос Никитина. — Просто не привык... Я же не альпинист и не моряк, чтобы... по таким лесенкам...

— Тем более, — наставительно заметил Костров. — Сорваться тут пара пустяков...

— Костров, не отвлекай внимание, — прервал Соколов. И Сергей смущенно умолк.

На дне пропасти оказалось совсем не так страшно, как это казалось сверху. Ослепительные лучи газосветных фонарей, укрепленных на макушках шлемов, прорезали широкие световые конусы. В случае необходимости можно было включить еще более мощные ручные фонарики, которые вернее было бы называть прожекторами. Но пока этого не требовалось — и так было видно каждый камешек.

Они осмотрелись. Вокруг — хаотическое нагромождение серых и розоватых пористых скал. Не видно ни малейших признаков каких-то искусственных сооружений.

— Меня все-таки удивляет, — сказал Володя, — почему эта передающая аппаратура оказалась в пропасти. Скорее всего, ее нужно было разместить где-нибудь на видном месте — в центре плато, на вершине горы. А тут что-то непонятное.

— Володя, ты же сам толковал, что к Чужим нельзя подходить с мерками земной логики, — сказал насмешливый голос Кострова. — На то они и Чужие, чтобы делать все наоборот...

— Костров! — резко оборвал начальник экспедиции.

— Молчу. Больше слова не услышите.

Никитин улыбнулся. Ему показалось смешным запрещение Соколова заниматься разговорами во время работы. Но потом он подумал, что командир вообще-то прав. Сейчас нужно быть особенно внимательным. Это ведь не Земля...

Прошло больше часа. Они буквально «прочесали» ту часть ущелья, которая упиралась в отвесную стену в километре от места падения вездехода. Безрезультатно. Миниатюрные, но очень чувствительные индикаторы, вмонтированные в рукава скафандров, не регистрировали никаких посторонних излучений.

— Идем обратно, — сказал Соколов. — Хорошо еще, что тут с одной стороны тупик.

Но на другой стороне те было ничего нового. Такие же мертвые скалы, то же молчание индикаторов. Соколов допускал, что неизвестный передатчик мог работать периодически, и поэтому не оставлял без внимания ни один камень. Кто знает, какие формы могут иметь аппараты Пришельцев? Быть может, они внешне ничем не отличаются от куска гранита...

Андрей и Володя то сходились, то расходились, выписывая сложные петли поперек ущелья. Разбитый «кузнечик» остался далеко в стороне. А они все шли и шли, до боли в глазах вглядываясь перед собой, стараясь не пропустить ни одного метра поверхности.

От нервного напряжения у Володи гулко стучало в висках. Он придумывал самые невероятные причины неудачных поисков. И чем дальше, тем назойливее возвращалась к нему одна мысль. А что если неведомые Пришельцы так и не покинули Луну? Может быть, они до сих пор живут здесь, выходя иногда из своего корабля. Говорил же Дроздов, что таинственные сигналы очень напоминают переговоры нескольких космонавтов. Могло же случиться так — их корабль потерпел катастрофу, опустился на обратной стороне Луны. К Земле был послан один разведчик, но его полет закончился неудачей. Возможно, «луковица» погибла, а других подобных машин у них нет. И сейчас сидят они, не имея возможности починить свой звездолет. Сидят и ждут помощи... Ведь неизвестно, какова у них продолжительность жизни. Может быть, даже сотни лет...

И Володя вдруг необыкновенно ясно представил, как из-за того вон красного камня выходит высокая фигура в серебристом скафандре, протягивает им руки. Сможет ли он потом описать эту картину? Найдутся ли слова, чтобы передать подробности величайшего события в истории — встречи представителей двух различных миров?

Но стремительный взлет фантазии тотчас затормозился.

А вдруг Чужие проявят враждебность? Когда-то Володя безапелляционно заявлял, что такого случиться не может. Но кто поручится, что у Пришельцев окажутся те же моральные принципы, что и у людей? В их представлении добро и зло могут быть совсем иными. Ведь человек, препарирующий лягушку, вовсе не считает себя ее убийцей. Он убежден, что служит науке, и это действительно так. А эти жители иного мира тоже могут посмотреть на людей, как те смотрят на лягушек...

Володе вдруг стало жарко, хотя система терморегулировки скафандра работала безотказно. Он поправил на груди плоскую коробку квантового излучателя. Конечно, это грозное оружие, но у них может оказаться кое-что и пострашнее...

Луч фонаря уперся в стену ущелья. Зернистый гранит заискрился, по нему побежали разноцветные блики. А в одном месте темнота не отступила — она словно сжалась в резко очерченный комок. В стене чернело большое, и, по-видимому, глубокое отверстие.

— Андрей Федорович, здесь пещера! — крикнул Володя. Соколов, который ушел в противоположный конец ущелья — в этом месте оно было значительно шире — поспешил на зов. Он уже подходил к Володе, когда тот снова неистово закричал:

— Следы! Вижу следы!

Да, это были настоящие следы на узкой полосе пыли, которая тянулась вдоль всего ущелья, и вели они прямо в пещеру или из нее. Но следы ничуть не напоминали отпечатки массивных сапог Космонавта. Они были совсем крошечными — овальные вмятины, каждая не больше пяти сантиметров длиной. Ровные, совершенно одинаковые пятна тянулись четырьмя параллельными пунктирами.

Володя и Андрей разглядывали непонятную цепочку следов. Ни тот, ни другой не решались высказать свои предположения. Кто здесь прошел? Живое существо или машины? Недавно или сотни лет назад? Но мертвый мир Луны не давал ответа на такие вопросы...

Наконец, Володя вспомнил о своих репортерских обязанностях. Он тщательно сфотографировал следы, пещеру и ее окрестности, несколько раз повторил, чтобы не забыть, измеренные цифры: расстояние методом вмятинами по длине — точно по двадцать семь сантиметров, ширина «колеи» — один метр шестнадцать сантиметров.

— Нужно вернуться, — оказал Соколов. — Завтра доставим сюда «кузнечик», пусть проверяет пещеру.

— Разрешите, я туда сейчас пойду? — попросил Володя, чувствуя, как все сильнее начинает колотиться сердце. Только взглянуть, что там есть.

Конечно, он не надеялся, что Соколов изменит свое решение — такого с ним не бывало. Но Андрей неожиданно согласился:

— Хорошо. Мы пойдем туда вместе. — Он помолчал немного, потом передал наверх: — Костров и Чумак, внимание! («Слушаем», — отозвались два далеких голоса). Я и Никитин идем внутрь пещеры, у которой нами обнаружены следы неизвестного происхождения. Пещера на противоположной от вас стене, расстояние по прямой около полутора километров. У входа оставляем пирамиду камней. Если через полчаса нас не будет, приходите сюда. Но предупреждаю — максимум осторожности!

Пещера оказалась длинным и узким тоннелем. Сразу же от входа потолок круто уходил вверх и можно было шагать, не наклоняя головы. Скоро даже прутки антенн перестали задевать за неровные своды. Но ширина хода оставалась почти неизменной — метра три.

Следов не было видно. Но они и не могли бы отпечататься на шершавом гранитном полу. И тем не менее Соколов, который шел впереди, пристально вглядывался под ноги. Володя обратил внимание, что рука командира лежит на излучателе. Он тоже взялся за рукоятку, сдвинул предохранитель. Один нажим пальца — и из короткого дула вырвется тончайший алый луч, способный легко прошить мощную броню. Но как не хотелось Володе пускать это оружие в ход!

Идти пришлось недолго. Тоннель разделился на два почти одинаковых извилистых хода. Соколов задумался. Благоразумие подсказывало вернуться. Кто знает, насколько тянется этот лабиринт? К тому же каменный свод над головой кажется очень ненадежным...

Но Соколов не успел сказать вслух свое решение. Зеленый глазок индикатора на его рукаве вдруг неярко вспыхнул, в наушниках послышалось прерывистое комариное пение. Крошечный приемник, настроенный на диапазон загадочных сигналов, сообщал, что их источник где-то совсем рядом.

— Вперед! — негромко сказал Андрей.

Он свернул в левый ход. Свернул наудачу, потому что индикатор не указывал направление сигналов. Володя, задыхаясь от волнения, поспешил следом. Теперь они шли почти рядом.

Неожиданно путь преградила неширокая трещина. Андрей легко перескочил ее. Не разбегаясь, прыгнул и Володя. Но едва он успел выпрямиться после прыжка, как плита под ногами зыбко закачалась. Володя не удержался, упал на колени.

— Берегись! — закричал Соколов, с силой потянул его к себе. И в этот момент Володя с ужасом увидел, как откуда-то сверху медленно, словно нехотя, рушатся огромные глыбы. Глухая, ничем не нарушаемая тишина делала происходящее особенно страшным. Всего лишь в нескольких шагах от них падали и перекатывались массивные камни, но

Володя лишь слышал частое дыхание Соколова. Великое безмолвие Луны нельзя было потревожить никакой катастрофой...

Володя изо всех сил прижался спиной к стене. Он ожидал всего, но их даже не задело. Зато путь назад был отрезан. Судя по исполинской воронке, образовавшейся наверху, рухнуло несколько сотен тонн породы. Хо́да, по которому они пришли, больше не существовало.

— Влипши в историю, — сказал Володя, с трудом поднимаясь на ноги.

Андрей молчал. Он старался спокойно обдумать происшедшее. Пробраться назад, очевидно, невозможно. Ничтожное само по себе сотрясение почвы, вызванное их прыжками, нарушило тысячелетнее равновесие горных пород. Груды камней, упавшую сверху, можно было бы растащить. Но никакими силами не сдвинуть гигантский монолит, который сместился вдоль стены тоннеля и намертво заклинил ход. Даже квантовые генераторы не смогут пробить многометровую толщу гранита. А кислорода у них не так-то уж много. Скоро нужно переключаться на запасные баллоны. Это значит, что дышать останется всего около двух часов...

— Смотрите, Андрей Федорович, — прошептал Володя, направляя вверх луч своего фонаря.

Соколов поднял голову. На самом конце воронки, образованной вывалившейся породой, бархатно чернело большое отверстие.

— Наверное, над нами еще одна пещера, — оживленно заговорил Володя. — Вот бы туда пробраться! А там может быть и выход наружу...

— Об этом даже не мечтайте, — жестко ответил Андрей. Тут метров пятнадцать. На такую высоту без посторонней помощи не забраться. У нас остается одно — идти вперед.

Он попытался вызвать Кострова и Чумака. Но те не отвечали. Мощность передатчика скафандра была слишком мала для связи.

— Да, отсюда нас никто не услышит, — вздохнул Соколов. Что ж, пойдете.

Каменный коридор сделал два поворота и уперся в оплошную стену. Ни малейшего намека на щель, никаких признаков продолжения хода. Два человека очутились в западне.

Володя почувствовал на лбу противную испарину. Неужели все? Вяжущий холодок возник где-то внизу живота, пополз к коленям. Глупо, невероятно глупо погибать сейчас, на самом пороге разгадки...

Он заметил, что глазки индикаторов погасли. Возможно, сигналы прекратились. А скорее всего перестали доходить сюда. Конечно, они распространялись из правого хода. И зачем только Соколов свернул налево?

— Вернемся назад, — спокойно сказал Соколов. — Только переключите свет. Сейчас такая иллюминация не нужна. Глаза режет.

После ослепительных бело-голубых газосветных лучей желтые огоньки аварийных лампочек показались Володе слишком тусклыми. Все вокруг сразу потонуло во мраке. Но постепенно глаза привыкли к новому освещению.

— Не вешайте носа, Володя, — говорил Андрей. — Положение у нас не такое уж страшное. Во-первых, ребята скоро подойдут, и тогда можно надеяться на связь. Но мы сумеем выбраться, пожалуй, и без них. Заметили, что ход все время сворачивал вправо?

Я думаю, что правый коридор совсем недалеко, где-то за этой стеной. Прорежем излучателями отверстие. Уверен, что не больше чем через полчаса окажемся на свободе.

Володя не отвечал. Рука его торопливо шарила за спиной.

— Андрей Федорович... У меня кончается кислород. Я не знаю, как это случилось, но... Кажется, мой запасной баллон оказался пустым.

— Как вы сказали? — спросил Андрей свистящим шепотом.

— Я пробовал переключить, но ничего не получается. Манометр почти на нуле. Вентиль открыт, я проверил.

— Мальчишка! — взорвался Соколов. — Пойти и не проверить главное! Вы понимаете, что это значит?

Володя давно это понял. Луна не прощала таких оплошностей. Меньше чем через четверть часа он должен погибнуть от удушья. Каменный мешок, обвал — все показалось сразу мелким и ничуть не опасным по сравнению с этой главной бедой. До сих пор он надеялся. Теперь надежды больше не оставалось...

— Извините, Володя, — тихо сказал Андрей. — Криком тут не поможешь. Это я виноват в первую очередь. Я обязан был проверить, как вы снарядили скафандр, но не сделал этого. Я не имел права тащить вас сюда и сделал это. Поэтому и отвечать должен я. Отвечать как командир.

«Для чего он это говорит? — устало подумал Володя. — Отвечать, командир... Красивые слова! Ему отвечать, а мне задыхаться...»

— Поэтому, — так же спокойно продолжал Соколов, — вы возьмете мой баллон. Его хватит на два часа. За это время или придет помощь, или успеете пробить стену. Ясно?

Но Володя не понимал. Почему Соколов так невозмутим? Или запасной баллон не нужен ему самому? Но нет, об этом не может быть и речи. На что же тогда он рассчитывает? Неужели...

— Нет! — почти крикнул Володя. — Я не согласен! Не возьму!

— Не горячитесь. Слушайте. К сожалению, на две части баллон не разделишь. К двум скафандрам сразу его не подключишь. Остается одно. Или-или. Я приказываю, и вы обязаны подчиниться.

— А вы? — вопрос был явно бессмысленным.

— Не беспокойтесь, я сейчас в лучшем положении, чем вы. Рост у меня поменьше, объем грудной клетки тоже. Так что расходую кислорода я гораздо меньше. Остатка в первом баллоне мне хватит еще надолго. Глядишь, тем временем и пробьемся...

— Не надо хитрить, Андрей Федорович. Я же знаю, разница в минутах, не больше.

— Хватит болтать! — снова не выдержал Соколов. — Время уходит, а мы разговорами занялись. Что это да торг? Берите баллон!

— Не возьму.

— Послушайте, вы, — яростно сказал Андрей. — Что ж, прикажете мне сидеть сложа руки, пока вы будете задыхаться? И то, что я предлагаю — не жертва, а единственно возможный выход.

— Андрей Федорович, — шепотом сказал вдруг Володя, — я знаю, вас очень ждут на Земле.

Соколов молчал.

— Я очень люблю Галю, Андрей Федорович... Передайте ей это. Но я буду чувствовать себя последним подлецом в мире, если уцелею за ваш счет...

Ему хотелось сказать многое. Что Соколов не имеет права расплачиваться жизнью за чужую оплошность. Что его смерть будет гораздо большей утратой для людей. Но сил уже не оставалось. Перед глазами поплыли огненные круги. Тело сжимала тупая боль.

Соколов шагнул к нему, протянул руку с баллоном. Последним усилием Володя стал отталкивать Андрея. Но тот, не размахиваясь, коротким толчком обил его с ног. Падая, Володя сильно ударился виском о стенку шлема и потерял сознание.

...Когда он очнулся, первым ощущением была сильная и невыносимая жажда. Но дышалось легко и свободно. Воздух был чистый, с грозовым запахом озона. Володя с трудом сел, открыл глаза. Со всех сторон его окружала сплошная темнота. Темнота и тишина. Ни единого отблеска света, ни малейшего звука. На миг ему даже показалось, что он ослеп и оглох.

— Эй! — хрипло крикнул Володя, с усилием разжимая спекшиеся губы. Голос гулко и одиноко прозвучал под шлемом. И снова оглушающая, давящая тишина...

Володя нажал кнопку нагрудного фонаря. И то, что он увидел в ярком потоке света, было настолько страшным, что рука тотчас же машинально выключила фонарь. У его ног навзничь лежал Соколов — с искаженным почерневшим лицом, с остановившимися глазами. Володя все вспомнил и все понял.

Вялое безразличие охватило его. Андрей Соколов мертв. Умер, пожертвовав собой ради него. Теперь ничего не поправишь. Никогда больше не сможет он честно, открыто взглянуть в глаза Кострову, Чумаку, профессору. Никому... И Галя для него потеряна навсегда. Даже писать ей теперь рука не поднимется. Ах, командир, плохую ты оказал услугу...

Нет, он должен последовать за Соколовым. Пусть думают, что оба они нашли одинаковый конец.

Володя быстро снял со спины баллон с кислородом — тот, что насильно присоединил ему Соколов, швырнул его далеко в сторону. И сразу же многотонной тяжестью навалилось удушье. Нет, это слишком больно и страшно. Можно сделать гораздо проще. Все произойдет мгновенно, может быть, он даже ничего не успеет почувствовать. Нужно лишь откинуть стекло шлема, и пустота ворвется в скафандр.

Металлические пальцы находят выступающий бугорок у основания шлема. Лишь один поворот — и все. Когда-то Соколов говорил, что выжить порой бывает очень непросто, для этого требуется большое мужество. Но сейчас мужество покинуло Володю. Осталась одна мысль — надо кончать, кончать как можно быстрее. И уже ни о чем больше не думая, он решительно повернул кнопку выключателя герметизирующего устройства...

Нападение

Когда связь с Соколовым и Володей прервалась окончательно, их товарищи, оставшиеся на краю обрыва, сначала почти не встревожились.

— Ничего страшного, — сказал Костров. — Обычное явление. Просто глубоко забрались...

Но время шло, а ушедшие не подавали о себе никаких вестей. Это начинало беспокоить. Дроздов, сидящий у передатчика в рубке планетолета, посоветовал идти на помощь. Правда, Соколов говорил, что они могут задержаться на полчаса. До этого оставалось еще пять минут. Но в таких делах педантизм совершенна не нужен. Кто знает, может быть, эти пять минут и окажутся решающими... Проверив, прочно ли закреплена наверху веревочная лестница, Костров и Чумак стали спускаться вниз.

Пещеру, которую обнаружил Никитин, они нашли быстро. Костров принялся было разглядывать загадочные следы, но Чумак даже не дал ему высказать свои предположения.

— Сейчас нам не до лунных ребусов, — хмуро сказал он. Надо думать, куда ребята делись. Идем.

Сергей еще раз пытался вызвать товарищей. Молчание. И тогда оба космонавта шагнули в черную глубину пещеры.

— Как хочешь, а я все думаю об этих следах, — говорил Костров. — Кто их оставил, когда? Ты обратил внимание словно пробежала гигантская сороконожка. Может быть, водились такие на Луне в доисторические времена, а? Как думаешь?

— Лучше смотри под ноги, — посоветовал Чумак. — Нас сейчас другие следы интересуют.

Но на граните башмаки космонавтов не оставляли ни малейших отпечатков.

— Не нравится мне это, — сердито проворчал Костров. — А они тоже хороши — не догадались какие-нибудь метки оставить...

— Они вошли сюда — и это главное, — возразил Чумак. — Обратных следов у входа нет. А свернуть пока здесь некуда.

— Ошибаешься, — сказал Костров. Он остановился перед развилкой ходов и водил во все стороны лучом фонаря.

— Подожди здесь, — предложил Чумак. — А я пока разведую.

Он быстро вошел в левый ход, но уже через минуту вернулся обратно.

— Дальше дороги нет. Сплошная стена.

— Тем лучше. Значит, опять у нас один путь.

Чумак не сказал, что картина, которую он увидел сразу за поворотом, очень напоминала обвал. Невозможно определить, когда обрушились эти глыбы. Четверть часа или тысячелетия назад? И он решил не строить мрачные предположения раньше времени...

— Слушай! — воскликнул Костров. — Сигналы!

В наушниках словно запищали комарики. Медленно стали разгораться зеленые огоньки на рукавах.

— Все ясно! — воскликнул Сергей. — Ребята тоже приняли эти сигналы и ищут сейчас их источник. Немудрено, что задержались... Андрей! Володя!

Молчание. Костров еще несколько раз повторил имена друзей.

— Я включил пеленгатор, — сказал Чумак. — Отзовутся сразу, как только услышат. Можешь не кричать больше...

Дорога круто стала подниматься кверху, а потолок понизился.

— Как думаешь, Леша, какие силы образовали эти ходы? спросил Костров. — Карстовые явления отпадают. Вулканическая деятельность? Не похоже. Об искусственном происхождении даже думать смешно. Ты же селенолог, тебе лучше знать... Но Чумак не успел ответить. Глазки индикаторов вдруг ярко вспыхнули, а тонкий писк превратился в прерывистое гудение. Костров, идущий впереди, резко остановился. За крутым поворотом начиналась большая пещера.

Чумак взял фонарь в руки, стал водить им перед собой. Пронзительный голубоватый свет выхватил из мрака массивные колонны неправильной формы, высокий сводчатый потолок, причудливые нагромождения камней. Пещера была обширная, но просматривалась плохо. Острые густо-черные тени метались по стенам, по каменным глыбам, дробились и рассыпались. Порой глаза просто отказывались разбираться в пляшущей мозаике красок, среди которых преобладала непроглядная чернота.

— Андрей, отзовись! — громко крикнул Костров. — А...

Но слово застыло у него на губах. На мгновение Сергею показалось, что у него начинаются галлюцинации. Прямо перед собой, всего в нескольких шагах,

Это название было придумано позже. А в первый момент оба космонавта просто остолбенели от неожиданности. Отказываясь верить глазам, они молча смотрели на совершенно непонятное существо, вдруг возникшее перед ними.

Синий Жук был величиной с теленка. Округлое грушевидное тело возвышалось на шести гибких, мягко изогнутых ногах, которые оканчивались внизу небольшими утол-

щениями («так вот кто оставил цепочку следов у входа!» — подумал Костров). И тело, и ноги были окрашены в приятный густо-синий цвет. В удлиненной, суженной части «груши», отдаленно напоминающей голову, быстро вспыхивали и тотчас гасли сиреневые огоньки-блестки. Над головой торчал единственный длинный усик, закрученный на конце спиралью. Тело слегка покачивалось, как на пружинах, но ноги не шевелились. Синий Жук словно разглядывал людей.

— Леша, ты понимаешь что-нибудь? — хрипло спросил наконец Сергей.

— Будь осторожен, — ответил Чумак. — Он живой. Он может напасть.

— Слушай, а если это только машина?

— Все равно. Он из Чужого Мира. Приготовь излучатель, Сережа...

— Ты сошел с ума! А вдруг это разумное существо?

— Я сказал будь наготове. Все зависит от того, что он станет делать...

Но Синий Жук не выказывал никаких признаков враждебности. Все так же тихо раскачивалось его тело, все так же мерцали искорки на «голове». У Жука не было ни глаз, ни рта, ни какого-либо подобия хватательных органов. Он казался отлитым из мягкой пластмассы.

Мысль Кострова работала с лихорадочной быстротой. Он не допускал возможности, что перед ними настоящий селенит, житель Луны. Конечно, этого быть не может. Вряд ли Жук окажется и разумным существом, прилетевшим из иного мира. Космонавт, описанный Сосниным, имел почти человеческий облик, а на одной планете не могут существовать две столь различные расы. Скорей всего, это все-таки машина, типа земных роботов. Но вдруг Жук окажется неизвестным хищником, прижившимся в суровых условиях Луны?! Костров вспомнил старый фантастический рассказ, в котором описывался неизвестный космический корабль, прилетевший на Землю после посещения множества планет. На этом звездолете оказался целый космический зоосад... Может быть, они видят какую-нибудь чудовищную тварь, порождение мрачной фантазий природы? Чумак прав, надо быть наготове...

И тут же возникло страшное предположение. Соколов и Никитин! Они наверняка встретились здесь с Синим Жуком. Неужели он мог напасть на них? Они не могли уйти далеко в глубину пещеры. Даже если бы хоть один из них оказался где-то вблизи, связь была бы установлена. Остается предположить одно встреча с Жуком кончилась для Андрея и Володи трагически... Писк в наушниках не прекращался ни на минуту. Да, теперь не было сомнений — источник таинственных радиоизлучений обнаружен. Костров вспомнил, что было зарегистрировано около десятка таких объектов. Значит, этот Жук здесь не один...

И, словно подтверждая эти мысли Сергея, из-за обломков скал появились еще два совершенно таких же Синих Жука. Ноги первого Жука пришли в быстрое, неуловимое для глаз движение. Мгновение — и он совсем рядом с Костровым. И вдруг прямо из тела стали вытягиваться гибкие отростки — сначала один, потом другой, третий. Они росли на глазах, опутывали Сергея со всех сторон, не прикасаясь к нему. Ледяная волна ужаса плеснула на Кострова, сковала его, словно в ночном кошмаре.

— Стреляй! — крикнул Чумак.

Но было уже поздно. Щупальца сомкнулись, и Костров оказался в стальных объятиях. Легко, словно ребенка, Синий Жук поднял Сергея и бросился с ним прочь.

— Леша! — отчаянно закричал Костров. — Он стянул мне руки. Я не могу освободиться... Берегись, Леша!

Чумак не мог стрелять. Одно неверное движение — и слепой луч разрежет скафандр Кострова. Он не имеет права рисковать жизнью товарища. Но как же быть? Как спасти Сергея?

Впрочем, теперь ему надо было подумать и о себе. Оставшиеся два Жука приблизились к нему почти вплотную.

«Странно, — мелькнула у Чумака мысль, — почему они стоят?»

Жуки не нападали — они неторопливо покачивались, словно ожидали сигнала со стороны.

Чумак не стал медлить. Он спокойно поднял излучатель, с холодной яростью нажал на спуск. Тонкий рубиновый луч ударил в ближнего Жука. Алексей ожидал, что его противник будет моментально разрезан пополам — световой поток квантового генератора легко разрушал стальную броню.

Но ничего такого не произошло. Жук стоял все в том же положении. Кроваво-красная точка ползла по его телу, не причиняя ему никакого беспокойства. Алексей увеличил мощность излучателя до предела. Бесплезно. Синий Жук словно смеялся над ним. Его мягкое, податливое на вид тело оказалось прочнее лучшей стали!

У Алексея подкосились ноги. Он был беспомощным перед неведомым и грозным врагом. В том, что Синие Жуки — враги, он больше не сомневался.

Правда, у него оставалась еще одна возможность. Отступить назад в тоннель, бежать к выходу. Кто знает, может быть, Жуки и не бросятся в погоню. Тогда он сумеет добраться до планетолета, предупредить Дроздова. Профессор тоже может отправиться на их поиски, хотя Соколов и запрещал это делать. Передаст «SOS», а сам поспешит в пропасть, навстречу собственной гибели...

Но Чумак не двинулся с места. Еще неизвестно, что предпримет Дроздов, а Костров и двое других товарищей наверняка попали в беду. Может быть, им грозит смертельная опасность. О худшем Чумак старался не думать, хотя для этого были все основания. Голос Кострова прервался сразу же, едва исчез свет его фонаря. Наверное, Жук свернул в боковой ход и там... Неужели все кончится так нелепо?

А потом все произошло так же, как и с Костровым. Из тела Синего Жука — не из отверстий, а прямо из оплошного тела! поползли отростки щупальцев, плотно окрутили Алексея. Левая рука у него оказалась прижатой к туловищу, но правая, в которой он про-

должал сжимать генератор, осталась свободной. Ноги легко оторвались от каменного пола.

Фонарь на шлеме Чумака хорошо освещал тело Жука. Тогда Алексей, осторожно поворачивая все еще включенный генератор, стал водить рубиновым лучом по синей броне Жука, методически отыскивая уязвимое место. Но Синий Жук никак не реагировал на чудовищный поток квантов. Последняя надежда освободиться рухнула. Загадочное создание тащило космонавта навстречу неизвестности.

«Здравствуйте, Платон Журко!»

Произошло совершенно невероятное. Володя остался жив. Раскрывая скафандр, он был готов ко всему. Мгновенный оглушающий удар, вспышка чудовищной боли — кто знает, что чувствует человек в свое последнее мгновение? Но ничего этого не случилось. Под шлем ворвался воздух — свежий, сухой, теплый.

Это было настолько неожиданно и необъяснимо, что Володя машинально протянул руку к лицу. Металлические пальцы коснулись щеки. Да, стекло откинута. Откуда же здесь взялась атмосфера?

Мелькнула нелепая мысль — а может быть, он уже в планетолете? Товарищи откопали их я доставили на корабль... Чепуха, вздор! Он сидит на каменном полу пещеры, у его ног мертвый Соколов. Мертвый?! А вдруг...

Володя торопливо включил фонарь, дрожащими пальцами стал отыскивать кнопку на воротнике скафандра Андрея. Стекло шлема с тихим щелканьем отскочило вверх. Какое страшное, багрово-синее лицо! Неужели поздно?

Он больше не раздумывал о причинах своего чудесного спасения. Было не до того. Склонившись на коленях над Соколовым, Володя стал делать ему искусственное дыхание.

И вот веки у Андрея дрогнули, чуть шевельнулись губы. А потом Никитин увидел, что лицо Соколова теряет свои очертания, расплывается у него в глазах. Специальный корреспондент всесоюзной газеты заплакал, как мальчишка. Но он не стыдился своих слез — читатели в этот момент были далеко...

Минут через пять Соколов окончательно пришел в себя. Первое, что бросилось ему в глаза, было мокрое смеющееся лицо Володи. Потом Андрей обратил внимание на откиннутые стекла шлемов, на ободряющий, освежающий воздух.

— Куда вы меня притащили, Володя? — с трудом выговаривая слова, спросил он.

— Не знаю, Андрей Федорович. Я сам только что опомнился. Вы же меня так стукнули...

— Простите. Но сами виноваты — упрямылись. И все же — где мы?

Только сейчас Володя заметил, что они находятся на новом месте. Ничто вокруг не напоминало тот каменный мешок, где они были совсем недавно. Стены словно чудесным образом раздвинулись далеко в стороны, поднялся вверх сводчатый потолок.

— Ничего не понимаю, — сказал Володя. — Мы в какой-то большой пещере. А в ней есть воздух.

— Чувствую. И вы хотите сказать, что я очутился здесь без вашей помощи?

— Честное слово. Я очнулся совсем недавно. И даже подумал, что это вы меня сюда перенесли.

— Любопытно. Но вы же помните, Володя, что там был всего один выход. На такой высоте, куда даже чемпион Луны по прыжкам не дотянется. Так что моя кандидатура отпадает.

— А в чудеса я не верю.

— Я тоже. Остается надеяться на ближайшее будущее. Думаю, разгадку мы все-таки найдем.

— Тут другое непонятно, — сказал Володя. — Воздух, которым мы сейчас дышим. Неужели на Луне может быть такое?

— Раз есть, значит может, — с трудом улыбнулся Соколов. Но вы понимаете, что это опрокидывает азы селенологии? Воздух на Луне? Абсурд, величайшая нелепость. Скажи об этом школьнику — засмеет...

— Дышите глубже, вы взволнованы, — Володя не удержался, процитировал своих любимых авторов. — Неважно, Андрей Федорович! Мы дышим, мы живы! Какое нам сейчас дело до того, откуда здесь взялся воздух... Главное — он кругом, везде!

— Хорошо. Согласен. Научные проблемы — потом. Но что вы предлагаете делать сейчас? Учтите — в моем баллоне, наверное, стопроцентный вакуум. Выжал из него все, что возможно. Так что я целиком зависим от милостей окружающей природы... Как думаете, можем мы куда-нибудь уйти отсюда?

Володя осмотрелся вокруг. Пещера, насколько можно определить, обширная, вытянутая в одном направлении. Впереди — целый лес массивных колонн самой причудливой формы, а за ними прячется тревожная тьма. Потолок низкий, производит гнетущее впечатление. А позади, в сотне шагов от них, — гладкая темно-серая стена, маслянисто поблескивающая в лучах фонаря. Она наглухо перегораживает суженный конец пещеры. У Володи почему-то сразу же жарко забилося сердце, когда он увидел чуть выпуклую и очень ровную стену. Трудно было поверить, что вулканические силы могли так тщательно обработать камень. Напрашивалось другое предположение, которое просто пугало, вызывало нервную дрожь. Но могут же они оказаться у самого истока всех загадок кратера Циолковский!

— Нет, уходить отсюда нам никак нельзя, — продолжал Андрей. — Разыскивать выход сейчас — самоубийство. (Володя вздохнул, опустил глаза). Связи со своими у нас нет. Остается одно — дожидаться помощи.

— У нас есть кислород, Андрей Федорович, — тихо сказал Володя. — Целый баллон. Тот, ваш.

Он встал, поднял закатившийся за камень баллон. Андрей молча следил за его движениями. Ему стало ясно, как воспользовался Володя его жертвой. Произошло парадоксальное явление. Человек, поднявший руку на себя, неожиданно оказался спасителем товарища. А вот Соколов даже не подумал о том, чтобы откинуть шлем и кончить все разом. Он боролся с удушьем до конца...

— Мы квиты, Володя, — сказал он негромко. — И пусть эта история останется между нами. Договорились?

— Договорились! — обрадованно заявил Володя, вручая Соколову баллон.

Андрей раздумывал. Сидеть с раскрытым скафандром опасно. Это ведь не Земля, здесь каждую минуту можно ожидать сюрпризов. Таинственно появившийся в пещере воздух может внезапно исчезнуть и тогда... Поэтому лучше было бы отдать баллон Володе. Но с другой стороны, посылать на разведку неопытного новичка нельзя. Наверное, придется пойти самому.

— Я пройду туда, — показал Андрей в глубину пещеры. — А вы сидите на месте. Запомните — ни на шаг! Это приказ. Следите за моим пеленгатором. Если связь нарушится, немедленно вернусь назад.

Он присоединил баллон, опустил стекло шлема.

— Главное — выдержка, Володя!

Но Соколов не успел сделать даже шага. В коническом луче его фонаря возникла невероятная картина...

Из-за дальних каменных колонн выскочило многоногое синее чудовище. Оно стремительно бежало на свет, как на маяк. Но Андрей даже не стал разглядывать, что за существо приближалось к ним. Он смотрел на его ношу. Чудовище несло человека в скафандре, держа его вертикально, на вытянутых вперед щупальцах.

Все это произошло настолько внезапно, что ни Андрей, ни Володя не успели сказать даже слова. Прошло несколько считанных мгновений, и загадочное существо остановилось в десятке шагов от них, покачиваясь на шести широко расставленных ногах. Гибкие синие щупальца осторожно поставили человека на ноги и разжались.

— Костров! — изумленно воскликнул Андрей.

— Он самый, — последовал ответ. — Жив и здоров. Но если вы думаете, что я могу что-нибудь вам объяснить — глубоко заблуждаетесь...

Синий Жук постоял несколько секунд неподвижно. Сиреневые огоньки мелькали на его «голове», как иллюминация. Потом он бросился обратно и скрылся в глубине пещеры.

Сергей рассказал, что случилось с ним у входа в пещеру. Его сообщение не внесло никакой ясности в происходящие события. Загадки разрастались, как горная лавина...

У Кострова оказался дополнительный баллон кислорода, захваченный «на всякий случай». Теперь Володя мог закрыть свой скафандр, что он сделал с огромным облегчением.

— Меня сейчас одно беспокоит, — говорит Сергей. — Мы были вдвоем с Лешей, когда на нас напали эти твари. Я здесь, а он там один остался против двух. Боюсь, как бы не пустил в ход излучатель. Хоть я многого и не понимаю, одно ясно — эти Жуки не собираются причинять нам вреда... Леша! Чумака!

— Я здесь! — послышался голос Чумака.

Все повторилось. Точно такой же Синий Жук выскочил из темноты, побежал к людям. Так же бережно он поставил перед ними совершенно невредимого товарища и умчался назад.

— Благодарю за транспорт, — сказал Андрею Чумак. — Это не вы прислали таких удивительных рысаков? Нет? Жаль. Я думал, что уже началось приручение лунных животных...

Чумак оставался верен себе. Он и тут хотел показать полнейшую невозмутимость. Весь его вид говорил, что для него подобные приключения — самое заурядное дело.

— А вас сюда тоже Жуки доставили? — спросил он Андрея.

— Наверное, — сказал Соколов. — Мы свернули в левый ход. Потом нас засыпало, и мы потеряли сознание. Очнулись уже здесь. Кстати — в этой пещере есть атмосфера. Можно свободно дышать.

— Это в каком смысле? — спросил Чумак.

— В самом прямом. Мы открывали скафандры.

— У Володи баллон с кислородом пропал при обвале, — пояснил Сергей. — Вот он и дышал воздухом пещеры.

— М-да! — растерянно сказал Чумак. — То-то я смотрю, тут есть рассеянный свет...

— Но экспериментировать не советую, — заметил Соколов. Не забывайте, что это все-таки Луна...

Володя был рад, что не пришлось рассказывать подробности всего, что произошло между ним и Андреем. И обманывать никого те пришлось — Сергей сам решил, что виной всему был обвал.

— Не будем зря терять время, — сказал Соколов. — Давайте наметим план действий.

— Андрей Федорович, — возбужденно заговорил Володя. — Вы заметили, что показывали наши индикаторы?

— Видел и слышал. Эх, жаль, Дроздова здесь нет! Но меня интересует, куда так поспешно они скрылись. Я не говорю уже о том, что омы до сих пор не знаем — машины это или живые существа.

— Между прочим, излучатель их абсолютно не берет, — заметил Чумак. — Даже не щекочет.

— А я знаю! — радостно сказал Володя. — Этот Жук — только оболочка. А внутри сидит хозяин этой машины. Помните, марсиане Уэллса находились внутри громадных треножников?

— Литературные аналогии здесь совсем не годятся, — возразил Чумак. — Но решать задачу нам все-таки надо. Я предлагаю пойти к этой стене. Уж больно она подозрительно выглядит...

— Стойте, — сказал Соколов. — Туда мы еще успеем. Сейчас нам нужно вернуться к планетолету. Можно пройти назад этой дорогой?

— Пройти-то можно, тут не заблудишься, — сказал Костров. — Но возвращаться сейчас...

— Андрей Федорович! — жалобно воскликнул Володя.

— Находки и открытия от нас никуда не уйдут, — настаивал Андрей. — Нужен лишь максимум осторожности. Поступим так. Сейчас мы все вместе пойдем к «Циолковскому». Там возьмем запасы кислорода — на всякий случай, передадим информацию о своих находках и вернемся. Надо же подумать о профессоре, добавил он шутливо. — Переживает там, бедный...

У Володи слова командира никак не укладывались в сознании. Как это можно остановиться на пороге тайны, уйти, ничего толком не выяснив? Неужели остальные могут быть равнодушными?

Конечно, все испытывали примерно то же, что и Никитин. Но космонавты никогда не забывали простое слово: дисциплина. И поэтому Чумак и Костров молча пошли за Соколовым. Володя тяжело вздохнул и последовал за ними, поминутно оглядываясь назад, где поблескивала гладкая серая стена.

— Посмотрите-ка, Володя, — сказал Соколов. — Вам ничего не напоминает эта яма?

Неподалеку от стенки пещеры в каменном полу чернело неровное отверстие. Андрей осторожно приблизился к нему, опустился на колени и посветил фонарем в глубину.

— Так и знал, — довольно заявил он. — Внизу — та самая ловушка, где мы недавно были.

— Мне теперь все ясно, — сказал Володя. — Нас затащили в верхнюю пещеру такие же Жуки. Значит, они способны бегать и по отвесным стенам. И все-таки — для чего они это сделали?

Но Соколов не собирался рассуждать на эту тему. Он распорядился идти быстрее.

Космонавты смогли дойти только до первых колонн. Внезапно, точно возникнув из пустоты, перед ними появились четыре Синих Жука. Володя совершенно ясно увидел, что один из них легко сбежал с потолка пещеры. Люди остановились. Жуки стояли, покачиваясь своими грушевидными телами, мигали сиреневыми огоньками.

— Не выпускают, — усмехнулся Сергей. — Эй, дорогу!

Он шагнул вперед, но в тот же момент все четыре Жука бросились на космонавтов. Мгновенно выросшие щупальца плотно оплели скафандры. Жуки, как по команде, добежали почти до самой серой стены, аккуратно опустили свои ноши, спрятали щупальца и снова скрылись.

— Чертовщина какая-то, — смущенно улыбнулся Соколов. Вот и распоряджайся в такой обстановке...

— Молодцы! — радостно сказал Володя. — Они решили нас просто не выпускать, пока мы не разгадаем все их секреты. Какие умницы!

— Что ж, вынуждены уступить силе, — сказал Соколов. — Останемся здесь.

— Придется, видно, профессору поскучать, — засмеялся Костров. — Не простит он нам этого, ох, не простит...

— А вам не кажется, — спросил Чумак, — что нас усиленно тычут носами в эту стенку? У меня нет таланта Шерлока Холмса, но я ручаюсь — это неспроста.

Андрей медленно водил фонарем, разглядывая стену. Казалось, что она отсекает часть пещеры и тянется во все стороны далеко за ее пределами. Нет ни малейшего намека на щели, трещины. Совершенно однородная, похожая на отшлифованный камень, стена в то же время не была каменной. Каждый из космонавтов, не сговариваясь, подумал именно так.

— Интересно, из чего она сделана? — спросил Чумак. Он подошел к стене, протянул к ней руку.

— Осторожней, — остановил Андрей.

— А что? Не ударит же меня током...

— Все может быть. Эта стена искусственного происхождения. И построили ее разумные существа.

— Правильно! — горячо поддержал Володя.

— Это напоминает сказку, — усмехнулся Костров. — Поэтому и будем действовать, как в сказке.

Отступив на шаг, он торжественно произнес:

— Сезам, откройся!

— Сережа, ты явно впадаешь в детство, — сказал Чумак. — Я боюсь, что на тебя подействовало...

Он не договорил. Там, где только что была непроницаемая стена, вдруг образовалось широкое отверстие овальной формы. Человек мог бы пройти в него, даже не наклоняясь. За этой «дверью», появившейся словно по шутливому приказу Кострова, виднелся короткий коридор ослепительной белизны. Он был совершенно пуст.

— Что-то вроде научной станции, построенной Пришельцами, — уверенно ответил Чумак. — Я думаю, это сооружение имеет выходы и на поверхность. Мы ведь тоже ищем для своих станций лунные пещеры...

— А что, если перед нами... чужой звездолет? — задумчиво сказал Костров. — Он загораживает своим бортом выход наружу. И сейчас его хозяева просят нас к себе.

— Чепуха! — возразил Алексей. — Если бы тут действительно жили Пришельцы, они давно постарались бы установить контакт с людьми. Хотя бы с той же экспедицией Туманова. Даже на ту сторону могли бы перебраться.

— А если они лишены возможности покинуть свой корабль? Ты же видишь, Жуки не удаляются от пещеры? Мы столько дней искали безрезультатно!

— Спорить будем потом, — сказал Соколов. — Сейчас нужно действовать. Кто хочет войти туда?

— Я! — разом ответили все трое.

— Хорошо. Идем вместе. Знаю, — это риск. Но оставаться кому-то снаружи тоже опасно. Что там нас ждет — еще неизвестно. А здесь реальная угроза. Я уверен, что Жуки продолжают сейчас следить за нами. И очень трудно сказать, что они предпримут...

Четыре человека один за другим шагнули в молочную глубину коридора. «Сейчас дверь закроется», — подумал Володя. Он оглянулся, и сердце тревожно замерло. На месте двери была гладкая стена.

Люди очутились в нешироком коридорчике, залитом ровным, приятным светом, который равномерно исходил отовсюду. При таком странном освещении теней почти не было, и скругленные углы помещения различались с трудом. Володе даже показалось, что они топали внутрь большого белого шара.

Соколов, идущий впереди, остановился, но тотчас же стена перед ним мягко растянулась. Открылся новый коридор, только гораздо длиннее и залитый нежным голубоватым светом.

— Честное слово, как в сказке! — сказал Сергей шепотом, словно был в музее. — Заколдованный дворец налицо. Не хватает только какого-нибудь зверя лесного, чуда морского...

— Подожди, будет и чудо, — заверил Чумак.

И чудо произошло. В стене коридора распахнулась новая дверь. За ней была небольшая комната, уставленная какими-то цилиндрическими и круглыми аппаратами. Но разглядывать их космонавты не стали. Не веря своим глазам, смотрели они на фигуру, стоящую посреди комнаты. Перед ними был человек.

Они ожидали увидеть новых Синих Жуков. Надеялись на встречу с Пришельцем в серебряной одежде, которого описал Соснин, Но меньше всего рассчитывали они столкнуться с самым обыкновенным земным человеком.

Это был мужчина среднего роста, с длинными светлыми волосами на непокрытой голове, с маленькой растрепанной бородкой. В больших голубых глазах застыло бесконечное изумление. На носу очки в простой железной оправе. Одежда человека в иной обстановке могла бы вызвать только улыбку. Кургузый старенький пиджак неопределенного рыжего цвета, черная косоворотка, заплатанные брюки, заправленные в кособокие сапоги. На широком солдатском ремне, которым перетянут пиджак, висит кобура револьвера.

Несколько секунд продолжалось молчание. Потом Володя шагнул вперед, откинул стекло шлема и громко сказал:

— Здравствуйте, Платон Журко!

Письмо в Мурманск

«Очень виноват перед тобой, Нина. Еще тогда, после нашего последнего разговора, я дал себе слово как-то загладить совою вину. Это письмо — первая попытка. Ты больше других имеешь право узнать первой о подробностях удивительных открытий, к которым прикоснулся и твой покорный слуга...

Мир уже знает главное. Стучат, захлебываясь, телетайпы, летят в эфире сообщения, переверстываются полосы газет. Честное слово, сам себе завидую...

Не подумай, что рисуюсь, стараясь набить себе цену. Нет, Нина, я все такой же. Беру пример с Чумака, который не зазнается ни при каких обстоятельствах. К тому же раскланиваться перед публикой мне будет просто некогда. Работы тьма. Даже это письмо пишу в коротком антракте между двумя репортажами.

Когда я поставлю последнюю точку, эти листки будут вложены в почтовую машину нашего Центра Связи. Через несколько минут Мурманский почтамт примет сигналы Луннограда. Фотоавтомат изготовит копию моего письма, заклеит ее в конверт, который затем попадет в трубу пневматической почты и будет доставлен тебе домой. Как видишь, послать письмо за четыреста тысяч километров очень и очень просто. Пишу об этом потому, что не уверен — читала ли ты о почтовой космической связи. Дело новое, о нем многие еще не знают...

Словом, я надеюсь, что ты будешь читать эти строки уже через час-полтора. И, наверное, перед тобой будет лежать сегодняшняя «Комсомолка» с моим первым репортажем. Заканчивается он рассказом о том, как мы обнаружили в районе кратера Циолковский чужой звездолет, а в нем — живого и здорового человека, Платона Сергеевича Журко.

Не хочу повторяться, и поэтому полностью опускаю все события, которые предшествовали этой удивительной встрече. О них ты прочитаешь в газете. Подробности, не попавшие на газетные страницы, расскажу при встрече. Надеюсь, что увидимся мы в Москве. Всех родственников Платона Сергеевича, конечно, пригласят на встречу с ним.

Итак, мы совершенно неожиданно встретили в глубине лунной пещеры человека. Костров потом рассказывал, что у него даже мелькнула мысль — а не видим ли мы лишь объемное изображение, не испытываем ли нечто вроде полного «эффекта присутствия» при давно минувших событиях. Но первое же прикосновение к доктору убедило, что перед нами — настоящий живой человек.

Сама понимаешь, он изумился не меньше нашего. Ему даже стало плохо, и Сереже пришлось раскрыть свою медицинскую сумку. Мы тут же решили: надо как можно быстрее доставить Платона Сергеевича на наш корабль. Осмотр помещений — их назначение еще оставалось для нас секретом — можно будет произвести и позднее. С первой же минуты, едва мы увидели доктора, каждый из нас твердо поверил, что ни Синие Жуки, ни другие обитатели пещеры не причинят нам вреда. Дальнейшие события показали, что мы не ошиблись.

Соколов приказал Кострову и мне оставаться около доктора, а сам вместе с Чумаком пошел к выходу. В глубине души я боялся, что закрывшаяся за нами дверь больше не раскроется. Но едва Соколов приблизился к белой стене, перед ним распахнулось овальное отверстие. Андрей Федорович сказал, что они вернутся через полчаса со скафандром для доктора. Наши товарищи переступили порог, и стена «сжалась» за ними, стала такой же гладкой и однородной, как прежде. Наконец, Платону Сергеевичу стало лучше. Он начал разговаривать с нами. И знаешь, что его больше всего поразило? Мой ответ на вопрос, какой сейчас год. Оказывается, доктор до встречи с нами считал, что прошло всего чуть больше суток с тех пор, как он покинул Землю. Он просто-напросто проспал более чем полвека — а точнее сказать, находился в состоянии анабиоза.

Но расспросить никаких подробностей я не успел. Первое интервью с человеком из прошлого (ручаюсь, ничего подобного в истории журналистики не было!) прервалось на полуслове. В конце коридора все так же мягко и внезапно раскрылась повальная дверь, и навстречу нам шагнули четыре фигуры в скафандрах. Это были наши товарищи.

Соколов и Чумак не успели добраться даже до выхода из пещеры. Помешали им не Синие Жуки. Они, умницы, на этот раз даже не показались, будто понимали намерения людей. Совершенно неожиданно Соколов и Чумак увидели Эдуарда Васюченко и Гришу Гуридзе — ребят из Лунограда. Оказывается, на базе было получено сообщение Дроздова о том, что мы вошли в пещеру и не подаем о себе вестей. Лунолет, пострадавший во время спасения американского инженера, к этому времени был уже в полной исправности, и Бороздин распорядился немедленно направить его к нам — на выручку. Хоть помощь уже и не требовалась, прибытие машины оказалось очень кстати. Нашим не пришлось возвращаться к «Циолковскому», потому что предусмотрительный Васюченко прихватил даже не один, а два запасных скафандра и десятков баллонов кислорода.

Платона Сергеевича наскоро инструктировали, обрядили в скафандр, и все мы благополучно вышли наружу. Гуридзе чуть не плакал — так хотелось ему осмотреть постройку Пришельцев. Но Соколов, конечно, не позволил, сказал, что всему свое время.

Не буду описывать, как мы добрались до планетолета, как встретил твоего прадедушку Дроздов. Скажу только, что при виде нашего гостя профессор даже забыл высказать многочисленные упреки в наш адрес, которые заготовил за время затянувшегося ожидания. И первое, что потребовал Виктор Иванович от доктора — подробно рассказать обо всех своих приключениях. Я, конечно, постарался не упустить случая. То, о чем сообщил нам Платон Сергеевич, застенографировано — слово в слово. Посылаю мою запись. Правда, она литературно не обработана, но это даже интереснее. Ты будешь как бы слушать своего прадеда. Я опустил только повторы, часть междометий и незаконченные фразы. Учел возбужденное состояние доктора и ввел этакий коэффициент спокойствия. А в остальном — изменений никаких».

Рассказ доктора

«Не беспокойтесь, пожалуйста, я ничего не забыл. Сами посудите, разве выветрятся из памяти события вчерашнего дня? А я, хоть убейте, никак не могу представить, что проспал столько лет. Не укладывается, честное слово! Знаете, товарищи, не могу отделаться от мысли, что мне все это снится. Так и кажется, проснусь — и снова увижу себя в тайге... Кстати, я правильно говорю — товарищи? У вас сохранилось это обращение? Вот и хорошо. Чудесно! Товарищи... Милые вы мои... Извините, я волнуюсь. Хоть старикам болтовня? простительна. А мне сейчас сто четыре года, верно? Вот и не верь после этого в чудеса...

С чего же мне начать? Говорите, вы нашли записки нашего комиссара. Ах, Дима, Дима, какой хороший был человек! Не пришлось нам больше встретиться... Да. Ну что ж, моя задача упрощается. Буду рассказывать с того момента, как я подстрелил своего бывшего пациента. Исправил, так сказать, прошлую ошибку. Значит, выстрелил в этого подлеца и, конечно, выдал себя. Знаете, об одном только пожалел: Диму под удар поставил. Он ведь такой, в беде товарища не бросит. Начнет стрелять с дерева — и все, снимут его оттуда пулей... Потому я и помчался в кусты, сломя голову. Бегу, а сам думаю: хоть бы погнались все за мной, ушли от того места, где был комиссар. А вокруг — вжик, вжик! Пришлось спрятаться за дерево, иначе подстрелили бы, как рябчика.

Дима Соснин, наверное, описал тот странный крик, который вдруг послышался за моей спиной. Даже со всеми подробностями? А я, верите ли, не очень и удивился. Нервы до того были взвинчены, что новое просто не воспринималось. Вам, конечно, не приходилось бывать под пулями, верно? И не советую. Хоть и считали меня в отряде человеком не робкого десятка, но вам я признаюсь. Трусил всегда во время перестрелки отчаянно. Душа в пятках сидела. И так трудно было с собой бороться, что другой раз ничего вокруг не замечал...

Словом, прошло не меньше минуты, пока крик достиг моего сознания. Оборачиваюсь — мать честная! Лежит в нескольких шагах от меня человек. Хочет подняться и не может. Глаз у меня, сами понимаете, наметан, раненого за версту отличу. Я подумал, что это авиатор. Почему? Да просто другое объяснение в голову не могло прийти. Одежда на нем странная, сделана вроде из оберток от шоколада, на голове круглый шлем. А за кус-

тами, откуда он появился, виднеется что-то похожее на воздушный шар. Вот у меня и мелькнула мысль: занес ветер в наши края авиатора из чужой страны, а тут его и подрали. Такая злоба у меня на казаков поднялась! Думаю, человек ради науки жизнью рисковал, а вы в него стрелять? Ах вы, бандиты этакие! И сразу весь мой страх — как рукой. Подскочил к лежащему человеку, нагнулся над ним. Одно меня поразило — не было у него лица. Ну ничего похожего. Будто не голова, а круглый, надутый мяч такого голубоватого цвета. Но особенно удивляться было некогда. Одна думка колотится — надо его подтащить к шару.

Подхватил я его — и сам себе не верю... Весу в этом человеке меньше пуда, хотя он на голову выше меня. Ничего не могу понять! Пронес его с десятков шагов, а он вдруг легко так вырывается у меня из рук, становится на ноги. Только за плечо мое поддерживается. И слышу — опять кругом пули вжикают. Тогда мой раненый поднимает какую-то круглую коробочку и начинает ею водить перед собой. Смотрю, казаки один за другим в

землю носом. У меня так ноги и подкосились. А этот человек мне рукой на свой шар показывает — проводи, дескать. Поднял его снова на руки, понес. Пробрался сквозь кусты и опять остолбенел. Какой там воздушный шар! Что-то новое, никогда не виданное. Громадный серый купол, на конце острый. Будто с церкви его сорвало. Совершенно сплошной, ни шва не видно. А материал, из которого он сделан... ну, знаете, как мышьяная шкурка. И пока я ломал голову, что это может быть, в стенке раскрылось отверстие. На гладком месте, прямо как по щучьему велению. Раненый мне опять рукой — помощи войти. А меня словно кто в спину подталкивает. С одной стороны, любопытно, а с другой — не очень-то приятно ожидать, что в тебя вот-вот могут выстрелить. Тут куда угодно будешь рад спрятаться... Вошел — за дверями короткий пустой коридорчик. Точно такой, как вы видели. И гляжу, дверь закрылась, будто ее и не было.

Мне и страшно, и любопытство разбирает пуще прежнего. Куда я попал, что это за непонятный человек, как он в тайге очутился — ничего разобрать не могу. И Дима беспокоит. Как он там, бедняга? Может, от казаков один отбивается, а я сюда забрался... И понесла же его нелегкая на это дерево! Ведь могли бы быть здесь вместе...

Простоял я в коридорчике несколько минут. Спутник мой к стенке привалился, сидит. Ни звука неслышно. Тут только я разглядел, что прямо посреди груди у него круглая дырочка от пули. Но крови не видно. Стою и думаю — как же это я его перевязывать буду? Ни бинтов, ни медикаментов, все в селе осталось. Плохо окажется, если у него нет никаких лекарств.

Да, забыл сказать еще об одном. Пока я был в этом коридорчике, чувствовал себя как-то странно. И щекочет меня что-то, и покалывает, а в глазах огоньки мельтешат. Потом все прекратилось. И сразу же распахнулась в другой стене новая дверь.

Помог я подняться раненому, перетащил его через порог. Дверь закрылась. Очутились мы в небольшой голубой комнате. Потолок куполом, ровный, блестящий. В углу что-то наподобие конторки. Только сделана она не из дерева, а из чего-то похожего на слоновую кость. Кроме того, в комнате стояли три скамейки, только необычной формы и что-то вроде кресла перед конторкой. Больше ничего — гладкие стены, гладкий пол. Ни окон, ни дверей не видать.

Мой раненый добрался до кресла, сел в него. А мне на скамейку показывает. Делать нечего, присел я в сторонке. А он поводит руками над конторкой, и вдруг в комнате стало совсем темно. Огляделся — верите ли, зубы чечетку стали выбивать. Показалось мне, что сижу в пустоте. Куда ни глянь — черное небо и тысячи звезд. В одной стороне, где-то внизу и сбоку, солнце. Косматое, ослепительное. А впереди — громадный голубой шар. Присмотрелся я к нему, и глазам не верю. Батюшки, думаю, да это же наша Земля! Только не такая, как на глобусе, а словно покрытая белой пеной и как бы обломанная с одной стороны. И быстро-быстро уменьшается в размерах, прямо на глазах. Кажется, будто улетаю от нее с огромной скоростью.

Все, думаю, бредить начал. Даже за руку себя ущипнул. Потом присмотрелся — вижу под собой скамейку, человека в серебряной одежде, который сидит на том же месте. И понял я, что стены комнаты вдруг стали прозрачными. А раз так... страшно подумать. Неужели и вправду лечу среди звезд? Стыдно говорить, но тогда я вдруг серьезно поверил в чертовщину. Показалось мне все это слишком нереальным, чародейством каким-

то. Смешно — медик, партизан, большевик в сказки поверил. Но не знаю, как повели бы себя на моем месте другие, пусть даже самые закаленные материалисты. Короче говоря, закрутилось у меня все перед глазами, и я как стоял, так хлопнулся на пол.

Когда опомнился, Земли над головой уже не было. Зато под ногами висел другой шар, еще большего размера. Его я узнал сразу — Луна. Когда-то, еще студентом, увлекался астрономией, часами сидел у телескопа. Знал даже немного лунную топографию. Но тут смотрю — не могу найти ничего знакомого. Исчезли куда-то моря, океан Бурь, привычные кратеры. И вдруг осенило — да это же обратная сторона! Первому из людей довелось мне ее увидеть...

Пожалуй, после этого и началось мое просветление. Я начал рассуждать трезво. Не буду повторять ход своих умозаключений. Окажу только, что пришел к правильному выводу: я оказался невольным пассажиром межпланетного корабля. Переселился, так сказать, из грешной действительности прямо в фантастический роман...

И когда я все это понял, сам поразился своей дерзости. Прямо скажу. Если бы я во время перестрелки хоть на минутку предположил, что передо мной гость из иного мира, вряд ли бы осмелился не то что войти в его корабль — приблизиться к нему. Но, пожалуй, все получилось к лучшему.

Вас, конечно, интересуют не мои переживания. Но я хочу только объяснить, почему так и не подошел к раненому. Испытывал перед ним, можно сказать, суеверный трепет.

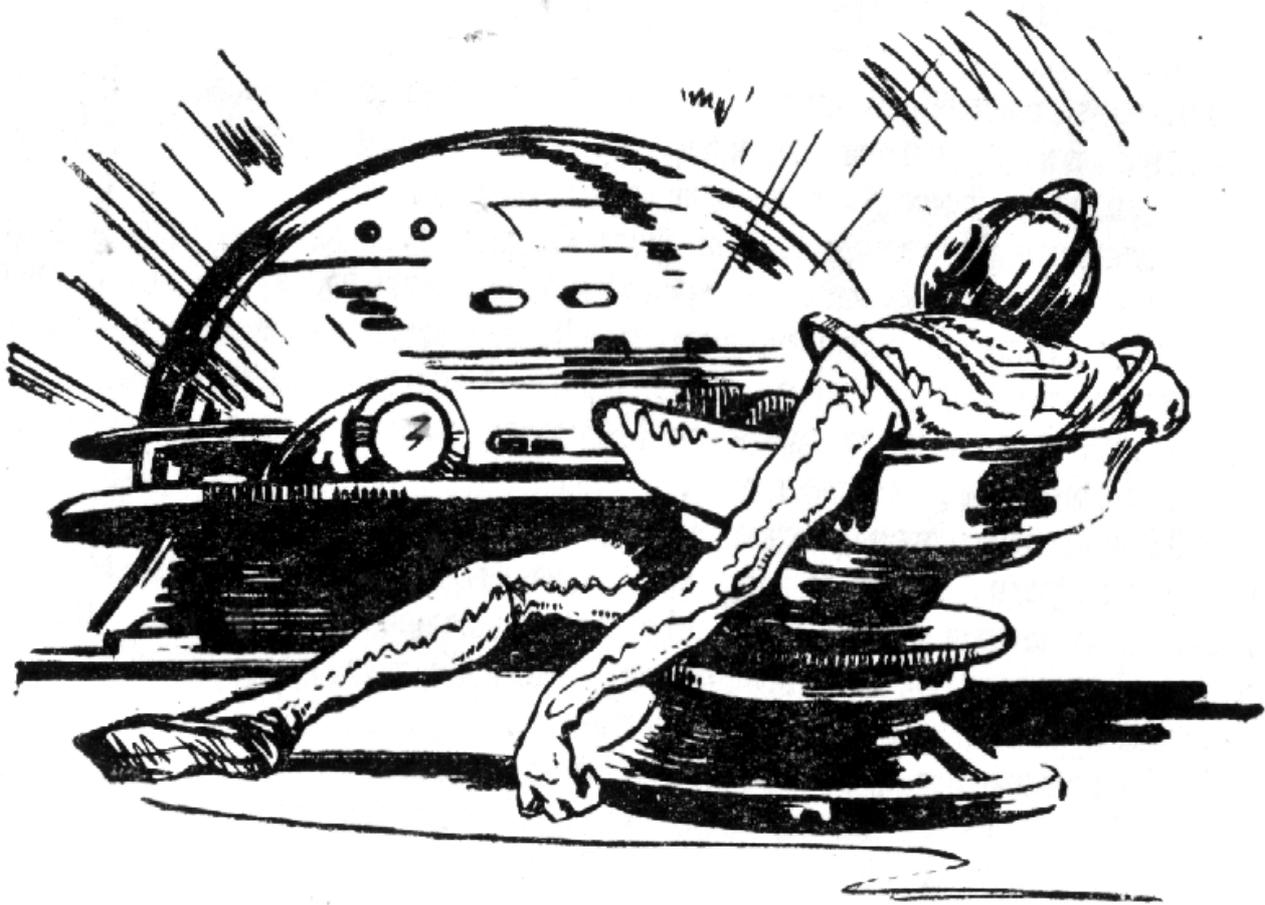
Интересно, что ощущения полета, быстрого движения у меня ни разу не возникло. Бели бы я с самого начала закрыл глаза, мог бы поклясться, что мы так и не покидали Землю. А если иногда голова и начинала кружиться, то только от впечатлений...

Потом меня окружила темнота. Солнце куда-то исчезло, Луна утонула в непроглядной мгле. Я видел лишь бархатное небо и множество далеких неподвижных звезд. А еще через несколько минут часть звезд заслонили черные зубчатые тени. Я понял, что мы опустились на Луну.

И знаете, почему-то я успокоился. Вдруг появилась твердая уверенность: о Луне люди знают очень мало. Нет воздуха, нет воды, днем адская жара, а ночью адский холод... Все это, может быть, и так, но эти сведения относятся к ее поверхности. А что делается глубже, в лунных недрах? Может же быть такое: существует целая система пещер, в них есть вода и воздух, постоянная температура, подходящая для жизни. И живут там лунные жители, селениты. Вдруг Уэллс, сам того не подозревая, оказался близким к истине?

Стены снова стали непрозрачными, комнату залил ровный, уютный голубоватый свет. Я посмотрел на хозяина удивительного летательного аппарата. Так вот, думаю, какие они есть, хозяева Луны!

Не нужно было быть врачом, чтобы понять, что ему очень плохо. Он сидел, бессильно опустив круглую голову без лица, уронив длинные руки. И вдруг заговорил. Слова были звучные и совершенно непонятные. Несколько раз его голос срывался на шепот. Казалось, он обращался не ко мне, а к кому-то невидимому. Не знаю почему, но мне подумалось, что он сообщает свою последнюю волю, произносит завещание.

Последние слова селенит произнес еле слышно. Он качнулся вперед и упал, стукнувшись головой о конторку,

Наступила, такая тишина, что я слышал, как стучит мое сердце.

Наконец я набрался смелости, подошел к селениту, осторожно потрогал его за плечо. Одежда была очень тонкой, но прочной, приятно шуршала в пальцах. Под ней чувствовалось упругое тело. Только голова была очень твердой, как кость. Конечно, это какой-то колпак. Странно только, почему он непрозрачный...

Неожиданно по телу селенита пробежала резкая судорога, и он замер. Конец! И прежде чем я собрался с мыслями, двери распахнулись, и в комнату, к моему великому ужасу, вбежали два страшных животных. Это были те, которых вы называете Синими Жуками.

Один подскочил к умершему селениту, схватил его гибкими лапами, которые выросли из его тела. А другой таким же манером бросился на меня. Не скрою, мысленно я попрощался с жизнью. Но Жук держал меня очень аккуратно, я не почувствовал ни малейшей боли. Не успел глазом моргнуть, как он побежал со скоростью доброго рысака. Миновал первый коридорчик, промчался сквозь темноту, снова оказался в длинном голубом коридоре. Вы были в нем, знаете. Только входили и выходили вы через противоположную дверь, которая ведет в пещеру.

Умершего селенита я так больше и не видел. Куда его спрятали Жуки — понятия не имею. Я думал, что встречу других, его товарищей, но этого не случилось. Примерно через час мне пришлось убедиться, что, кроме меня и нескольких Жуков, в помещении нет ни одного живого существа.

Я обошел все комнаты и коридоры чудесного лунного дворца. Двери раскрывались передо мной, кроме тех, что вели наружу. Не буду описывать, что я видел — сами все посмотрите. Тем более, что я из увиденного понял очень немного...

Наконец я устал и присел отдохнуть на мягкую скамейку. Наверное, сказались усталость и нервное напряжение. Глаза сами собой закрылись, и я задремал.

За все, что было дальше, поручиться не могу. Сквозь сон мне казалось, что меня опять подхватил Синий Жук, затащил в какую-то крошечную каморку, где меня долго и внимательно разглядывал кто-то невидимый. Знаете, бывает такое состояние, когда ощущаешь на себе чей-то пристальный взгляд. А потом два Жука ловко раздели меня до гола. И последнее, что я помню, — меня опускают в теплую ванну, погружают с головой в воду. Но я ничуть не задыхаюсь. Чувствую сладкую истому, потом — глубокий, непробудный сон.

Проснулся я внезапно, словно мне кто скомандовал. Сначала долго не мог понять, где нахожусь. Лежу внутри большого пустого цилиндра, сделанного из податливого неизвестного материала. Одежды на мне нет. Прошло немало времени, пока постепенно, с трудом припомнились все события вчерашнего, как я считал тогда, дня. Цилиндр с одной стороны был открыт. Выбравшись наружу, я нашел всю свою одежду, сапоги, наган. Оделся, привел себя в порядок. Потом сделал несколько шагов и... увидел вас. Теперь, думаю, вам понятно, почему я, попросту говоря, обалдел, услышав, сколько прошло лет. Согласитесь, такие вещи сразу постичь очень трудно...»

Таково, Нина, продолжение истории, которую мы прочитали в рукописи Соснина. Я умышленно обрываю рассказ доктора на этом месте. Дальнейшая беседа не представляет для тебя особого интереса. Сама понимаешь, мы могли рассказать Платону Сергеевичу гораздо больше, чем он нам. Кое в чем его пришлось даже разубеждать. Он ведь думал, что Космонавт — это житель Луны, что Жуки — прирученные лунные животные и так далее. Словом, вопросы и ответы продолжались еще часа два. Они записаны на пленку, и как-нибудь я тебе ее прокручу.

Расскажу лучше о другом. О результатах наших исследований. Должен тебя сразу предупредить. У нас пока больше догадок, чем разгадок. Но, видимо, понадобятся годы, чтобы ученые сумели подобрать ключи ко всем нашим находкам...

Выводы, к которым мы пришли, такие. В 1908 году к Земле приблизился космический корабль, прилетевший от одной из ближайших звезд. (Дроздов считает, что это — тау Кита). В пути произошла катастрофа, причины которой мы не смогли понять. Почти весь экипаж погиб. Оставшиеся в живых Космонавты сумели посадить звездолет на обратной стороне Луны, в районе кратера Циолковский. Думаю, не стоит объяснять, почему они выбрали Луну, а не Землю. Неизвестная планета, окруженная плотной атмосферой, гораздо опаснее, чем маленький спутник. Вскоре после посадки несколько Космонавтов решили произвести разведывательный полет к Земле на вспомогательной ракете. Почему-то они очень спешили и, очевидно, рискнули лететь на не совсем исправном корабле. Но разведка окончилась трагически. Почти у самой поверхности Земли двигатели ракеты взорвались. Это случилось 30 июня 1908 года. Ты, конечно, уже догадалась. Знаменитый, загадочный Тунгусский метеорит и был той самой ракетой-разведчиком.

На звездолете остался всего один Космонавт. Но он не был одиноким. Уцелела Большая Логическая Машина, управляющая кораблем, Искусственный Мозг, созданный нашими братьями по разуму. Авария не причинила вреда и Синим Жукам — эффекторам Мозга, которые были как бы его руками. Сам обреченный на вечную неподвижность, Мозг тем не менее мог производить тысячи всевозможных работ, отдавая свои приказания Жукам и получая от них сведения — короче говоря, поддерживая обратную связь. Кроме того, как выяснилось, Мозг обладает способностью видеть сквозь стены в пределах своего корабля. Недаром и нам, и доктору все время казалось, что мы находимся под чьим-то непрерывным наблюдением!

Мы установили, что радиус действий эффекторов составляет около двух километров. Дальше они уходить не могут, потому что прервется радиосвязь с Мозгом. Мы насчитали на корабле и в его окрестностях двадцать шесть Жуков, но вполне возможно, что их еще больше. Жуки старательно избегают встреч с нами. Очевидно, они получили сейчас такую команду...

Возвращаюсь к истории чужого звездолета. После гибели разведчиков прошло одиннадцать лет. За это время Жуки восстановили вторую разведывательную ракету — точнее говоря, гравиплан. Сам звездолет подняться не мог, потому что повреждения двигателя оказались непоправимыми. В 1919 году последний Космонавт полетел к Земле. Он должен был лететь сам, Жук, не имеющий связи с Мозгом, был бесполезной игрушкой и поэтому не мог заменить разумное существо.

Гравиплан опустился в сибирской тайге не случайно. Туда летела первая группа разведчиков, и там Космонавт рассчитывал найти хотя бы следы своих товарищей. Вполне возможно, что точка его посадки была той самой, которую рассчитал Мозг для первого корабля. Но, как уже знаешь, Космонавт оказался жертвой перестрелки. Думаю, у него вовсе не было намерения брать доктора с собой. Платон Сергеевич сам вошел внутрь корабля, а потом просто сработала автоматическая стартовая система.

Как бы то ни было, доктор очутился на Луне. И уже умирающий Космонавт дал Мозгу свои последние распоряжения. Человека нужно было сохранить живым и здоровым. Он должен жить на корабле, пока не явятся его собратья. Мозг решил эту задачу. Он исследовал организм доктора, определил необходимый режим, и Платон Сергеевич был положен в анабиозную ванну. Когда мы приблизились (с помощью Жуков, управляемых Мозгом) к кораблю, сработали автоматы пробуждения...

Ты спросишь, откуда все это нам стало известно. Ответ прост. Когда мы собрались в центральной кабине звездолета. Мозг (внешне он представляет собой громадный, закрытый со всех сторон куб) показал нам всю историю экспедиции Пришельцев. Мы увидели как бы подробнейший фильм, в котором очень наглядно и убедительно изображено все то, о чем я сейчас рассказал. Правда, кое-что мы не сумели расшифровать, и пробелы дополнены нашими догадками. Но основные моменты не вызывают никаких сомнений. Фильм, разумеется, необычный. Цветные, объемные картины возникали прямо в воздухе — вот когда я вспомнил про «полный эффект присутствия». Незабываемая картина!

Непонятного, повторяю, осталось немало. Например, я так и не знаю, почему Жуки вытащили меня и Соколова из каменной ловушки. Возможно, они увидели нас через верхнее отверстие, «доложили» об этом Мозгу, и тот дал команду доставить людей к

звездолету. Но я не могу объяснить, зачем нас положили в сотне метров от входа в космический корабль, почему вдруг разрядились батарейки наших аварийных лампочек.

Откуда взялся воздух, который спас нам жизнь? Мы установили только, что вокруг звездолета есть микроатмосфера, удерживаемая неизвестными силами. Воздух не рассеивается, он держится плотным облаком. Затем почти сразу начинается полный вакуум. Мы произвели анализ этого воздуха. Состав немного отличается от земного. Кислорода около сорока процентов, есть озон, процентов пять аргона, остальное азот. Думаем, такая атмосфера планеты тау Кита, родины Пришельцев.

Звездолет почти со всех сторон засыпан породой. Очевидно, поработали за эти годы Жуки, добывая из лунных недр металлы и минералы. Пещера, в которой мы пережили столько приключений, в основном вырыта ими.

Обнаружена также постройка, не связанная со звездолетом. Дроздов убежден, что это — нечто вроде завода, сооруженного Жуками. К сожалению, внутрь мы попасть не смогли. Возможно, там повышенная радиация или еще какая-нибудь опасность для жизни. А может быть, Мозг просто не хочет сразу выкладывать все свои секреты...

Как видишь, для ученых — огромное поле деятельности. Сейчас самое главное — найти общий язык с «Мозгом», который, несомненно, хранит уйму всевозможных знаний. Судя по всему, он настроен очень благожелательно, если так можно выразиться о машине. Думаю, что контакт будет установлен, и очень даже скоро. Уже образована международная комиссия, которая займется этим делом.

Половина постоянного состава лунной экспедиции уже перебазировалась к кратеру Циолковский, где идет сейчас бурное строительство. Надеюсь, что побываю там не один раз. Но пока безжалостные врачи Лунограда морят нас в карантине — особенно твоего прадедушку, который так и рвется та Землю. Кажется, ждать остается немного. Через два дня мы вылетаем.

Итак, до скорой встречи, Нина! Крепко жму твою руку. Володя.

P. S. Как-то Сергей Костров рассказал мне, что всегда завидовал героям революции. Даже спорил своими товарищами. А знаешь, что сказал нам человек, прибывший из прошлого? Когда я спросил Платона Сергеевича, что он думает о нашем поколении, ответ был такой:

— Я глубоко завидую вам и буду завидовать конца дней своих. Потому что самое высшее счастье, какое только можно представить, — это построить коммунизм собственными руками!»

